

БЗ.4(БАС)

В75

Ю. Н. ВОРОНОВ

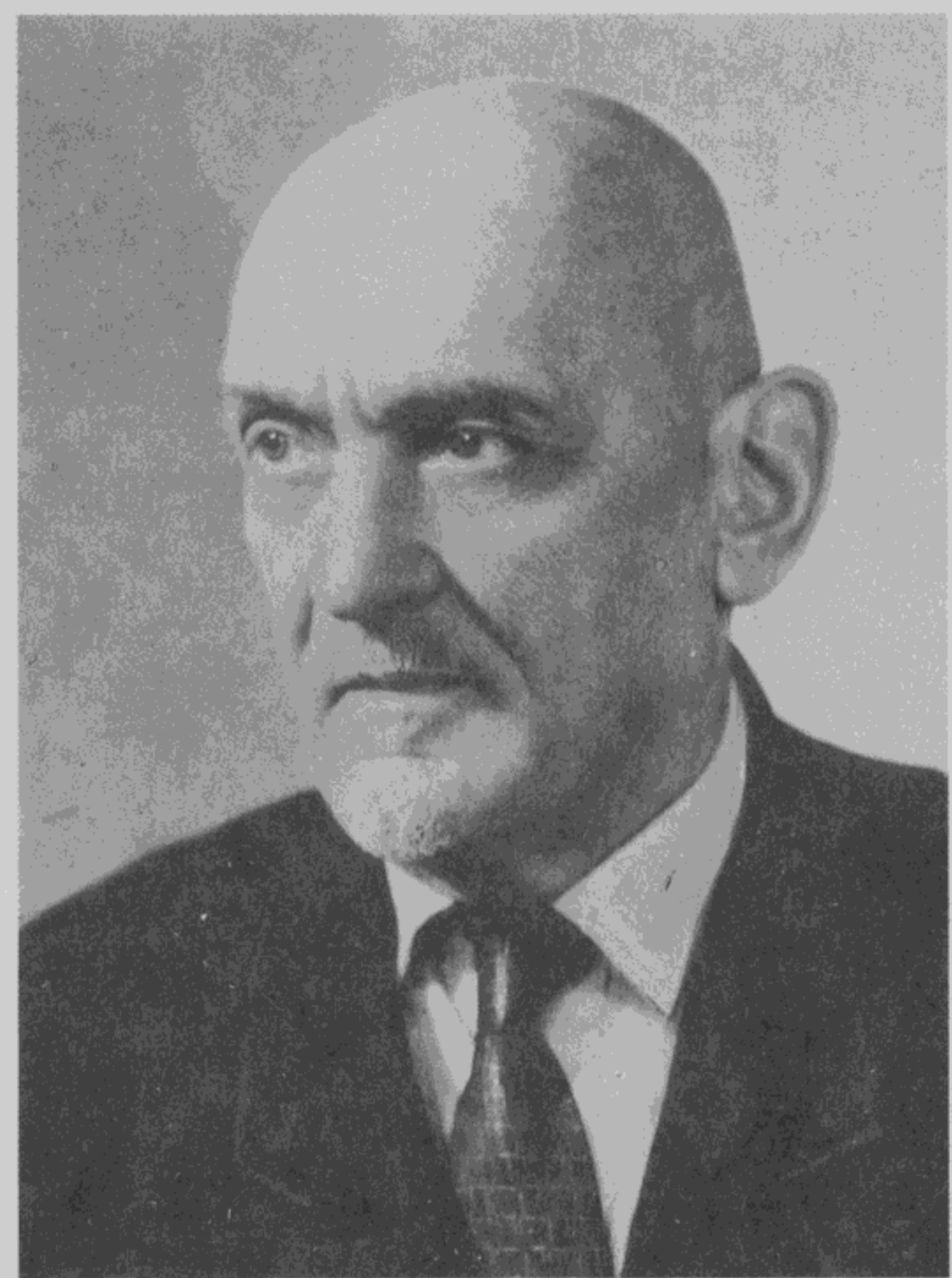
**ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
СОЛОВЬЕВ**

По заказу Санкт-Петербургского
Абхазского общества "Апсны"

63.4 (6A8)
B75

Ю. Н. ВОРОНОВ

Лев Николаевич
Соловьев

~ 5766 ~

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

(1894—1972)

Санкт-Петербург
"ТРИАЛ"
1994 г.

Воронов Ю. Н.

Лев Николаевич Соловьев.

Биографический очерк. : СПб. : Триал, 1994.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

22 октября 1992 года на берегу Сухумской бухты ярко горело здание Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Институт был предварительно разграблен шеварнадзевскими "гвардейцами", которые сначала выкрали отсюда компьютеры, телефонные аппараты, часть мебели и наиболее ценные книги, а затем обильно полили бензином внутренность здания и подожгли. . . . Плавающий "храм науки" был оцеплен ликующими зомби, за рядами которых волновались, причитали, плакали, просили позволения тушить пожар нормальные люди. Их отгоняли автоматами, кому-то прострелили ногу, кого-то уволокли в комендатуру. Настроение у "гвардейцев" было приподнято выпивкой, наркотиками и сознанием того, что именно их руками осуществлялась великая миссия по уничтожению символа "абхазского сепаратизма". . . .

Среди множества бесценных реликвий древней и современной человеческой культуры, поглощенных пламенем, охватившим Абхазский институт, был и архив замечательного русского ученого-кавказоведа, большого патриота Абхазии Льва Николаевича Соловьева. Архив этот размещался на втором этаже в 110 папках, а общее число страниц в нем заходило за 32 тысячи. Еще в 1983 году я на основе этого архива написал книжку, которая представляла собой не только биографический очерк моего учителя, но и служила путеводителем по обширному архиву исследователя. Опубликовать тогда этот труд не удалось — противодействие некоторых моих коллег было непреодолимым. Первый и второй экземпляры машинописи с соответствующими протоколами и иллюстрациями (нарисованные мной портреты отца и матери Л. Н., групповые фотографии — Л. Н. среди участников палеолитического совещания в конце 20-х годов, Л. Н. среди работников Сухумского Ботанического Сада, Л. Н. среди участников выездной сессии Грузинского филиала АН СССР в 1940 году, Л. Н. вместе с историками Дзидзария, Фадеевым, Олонецким и Мелиховым, Л. Н. во главе школьной экскурсии к озеру Амткел в 40-х годах, Л. Н. на раскопках Холодного грота, Кеп-Богазы, Гагрского могильника, Сухумской крепости, Анакопии и т. д.) легли на полку моего шкафа в кабинете Цебельдинской экспедиции.

Все содержимое кабинета (десятки ящиков археологических коллекций, фототека и слайдотека на 15 тысяч единиц, множество книг XIX—XX вв., отчеты и документация раскопок в Цебельде и других уголках Абхазии и т. д.) выгорело вместе со всем институтом в тот октябрьский день.

Тем не менее злой умысел полностью цели не достиг. Черновик моей ру-

кописи об Л. Н. Соловьеве остался цел. Произошло это благодаря удивительной самоотверженности и стойкости моих тещи Екатерины Яковлевны Хочолава (урожденной Мищенко) и друга Владимира Борисовича Левинтаса, спрятавших часть моих бумаг в надежном месте. Ниже воспроизводится то, что было угодно сохранить Провидению.

20 июля 1994 г.
г. Гудаута

ВВЕДЕНИЕ.

Развитие науки — одной из важнейших производительных сил цивилизованного общества — невозможно без изучения ее истории. История науки складывается из биографий ее субъектов — ученых. Каждая такая биография — это индивидуальная человеческая жизнь, в которой, как правило, первородные способности, наклонности и желания находятся в подчинении у целей и задач, имеющих самое широкое общественное значение. "Их личности, — писал А. П. Чехов, — это живые документы, указывающие обществу, что... есть еще люди... подвига, веры и ясно сознанной цели".

К числу таких подвижников науки принадлежал и Лев Николаевич Соловьев, который сыграл видную роль в изучении далекого прошлого Советского Причерноморья (Крым, Северо-Западный Кавказ, Абхазия) и по широте своих научных интересов (археология всех эпох, геология, этнография, спелеология, искусство и проч.) по праву должен быть включен в круг исследователей — универсалов, характерных для начальных этапов развития науки. Л. Н. является первооткрывателем и исследователем многих десятков важнейших памятников, на основе изучения которых теперь пишется история Абхазии и Западного Кавказа в целом. Среди них — всемирно известная Яштукская палеолитическая стоянка, пещерные стоянки верхнего палеолита и мезолита в гротах Холодном (Хупьнипшахва) и Кеп-Богаз (Апианча), разновременные стоянки Воронцовской пещеры, памятники типа Очамчирского поселения, погребения дольменной культуры в пещерах, многочисленные поселения раннежелезной эпохи с текстильной керамикой (Красный Маяк и др.), многие другие объекты от нижнего палеолита до позднего средневековья.

Здесь мне хочется воспользоваться правом биографа, чтобы рассказать более подробно о своей причастности к жизни и деятельности Л. Н. Соловьева, которого я почитаю как одного из главных своих учителей и которому я многим обязан в начальной стадии своих изысканий.

Знакомство наше состоялось в Цебельде под сенью старых абхазских яблонь 15 мая 1959 г. Как сегодня, помню солнечный день, довольно уже высокие кукурузные заросли, через которые навстречу мне от нижнего родника поднимались Лев Николаевич и его супруга, Евгения Христофоровна. Оказалось, что они ищут меня по поручению дирекции Абхазского института с тем, чтобы осмотреть места, где разрушались древние могилы. Пара часов, проведенных в беседе за чашкой чая в усадьбе моих родителей "Ясочке", прошла как миг. Узнав, что я перехожу в 10-й класс, Л. Н. спросил о моих дальнейших планах. Я тогда колебался между Академией художеств и физматом. "А почему же не археология?" — задал вопрос Л. Н. Я замаялся — мне как-то не приходило в голову, что мои наблюдения над канавами и размывами вокруг

дома, начавшиеся еще в 1945 г. с момента первых раскопок, проведенных здесь И. А. Гзелишвили, и способствовавшие созданию обширной коллекции археологических предметов, могут вылиться в серьезную профессию. Затем мы прошли на Женский холм, где доследовали два кремационных захоронения, инвентарь которых, в том числе крестовидные фибулы, бусы, нож Л. Н. взял с собой. Прощаясь у моста через Барьял, мы договорились о встрече в Сухуме.

Через несколько дней у Абхазского института в парке Л. Н. познакомил меня с М. М. Трапшем, а затем устроил меня землекопом в экспедицию по исследованиям Севастополиса на участке, которым руководил О. Д. Лордкипанидзе. Л. Н., часто проходивший мимо нашего раскопа, как-то обратил внимание на характер отложений в северной бровке, который по его мнению, указывал на присутствие рядом печи для обжига керамики, но слова его были тогда встречены с сомнением ("Старый дурак! Что он здесь ходит?" — слова О. Д.). Позднее на этом месте, но уже М. М. Трапшем печь эта была раскопана.

Год спустя я с рекомендательным письмом от Л. Н. к Б. Б. Пиотровскому и П. И. Борисовскому отправился поступать на отделение археологии исторического факультета Ленинградского университета. Судьба, однако, направила меня на восточный факультет, где я изучал древнеегипетские языки под руководством прекрасного ученого, педагога и человека тогда доцента, затем профессора Николая Сергеевича Петровского. Пять с половиной лет шла борьба за мою душу между Л. Н. Соловьевым и Н. С. Петровским. Впрочем сами они об этом вряд ли подозревали, я же был в постоянном разладе с самим собой — к первому меня тянула уже сложившаяся профессиональная склонность и любовь к родному краю, ко второму благодарность, усиливаемая чувством вины за мою грядущую бесплодность в сфере египтологии.

В апреле 1964 года и в мае 1965 года, когда Л. Н. работал в Ленинграде, мы с ним виделись почти ежедневно, много беседовали в сквере у Публичной библиотеки, ходили по коридорам Ленинградского Отделения Института археологии АН СССР, лакомились мороженым на Невском. Запомнились и совместные визиты к П. П. Ефименко — величавому старцу, спокойно, как то даже отрешенно внимавшему Л. Н., который с юношескими задором и страстью что-то доказывал.

Каждое лето я проводил в Абхазии, где работал в составе Цебельдинской экспедиции, руководимой М. М. Трапшем. В перерывах часто виделся с Л. Н., принимал участие в его изысканиях. В 1963 г. мне довелось под его руководством копать могильник в Новой Гагре, вести разведки в Калдахварском гроте и пещере Ипатия, в 1964 г. он приезжал в "Ясочку" и мы копали помещения в Пацхирской крепости. Моя первая экспедиция после окончания университета в 1966 г. также оказалась совместной с Л. Н., когда мы копали верхний горизонт в Джампальском гроте, затем вместе обошли апсильские крепости Пал, Ахысту и Цибилиум. Л. Н. очень хотел, чтобы темой своей кандидатской диссертации я взял историю этих укреплений, и даже сам набросал план этой работы.

Большую помощь оказал мне Л. Н. в 1966—1967 гг. в процессе подготовки "Археологической карты Абхазии", когда я нес к нему ящиками свои находки

со всех концов республики. Многие десятки вечеров ушли на разбор этих коллекций и их обсуждение. Л. Н. был назначен ответственным редактором "Карты", однако позднее во имя ее издания вынужден был отказаться от этой чести. В 1967—1972 гг. он написал более десятка рецензий на различные мои статьи, давая им путевку в жизнь, что для меня в те трудные годы роста было особенным благодеянием. Это не значит, что он был со всем согласен. Как большинство, он встретил, например, без одобрения мою интерпретацию Келасурской стены. Однако, когда ему говорили, что мое нежелание разделить его точку зрения оскорбительно, Л. Н. мягко успокаивал собеседника: "Это ничего! Молодой задор! Если он заблуждается, то, уверен, честно, не имея от того иных барышней кроме неприятностей. Однако в этой честности залог того, что если факты в последствии будут говорить против этой гипотезы, он найдет в себе силы отказаться от нее. Будем же терпеливо ждать новых фактов!" Л. Н. написал одобрительную рецензию и на эту мою статью.

Вспоминаются октябрьские дни 1968 года, когда Л. Н. должен был ехать в Цебельду — вывозить из грота Ахра-капш экспедицию. Все, кто был тогда рядом с Л. Н. — О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, А. Х. Халиков и другие, в том числе и автор этих строк, отговаривали его от поездки, поскольку он был не совсем здоров. Но он в силу давившего его чувства долга, все же уехал вопреки данному нам слову. Прождав полдня в условленном месте, он вынужден был отпустить водителя, а сам спустился от Джампальского моста к Холодному гроту, где к своей радости увидел бульдозер. На нем он дважды переправлялся через Кодор, взобрался по крутому откосу к гроту, где никого уже не застал. Обратно Л. Н. шел по ущелью Джампала в темноте под морозящим дождем. Там, где узкая каменистая тропа взбегала на скальную полку, он поскользнулся и с четырехметровой высоты упал в реку, сильно расшибившись. Течением его вынесло на отмель, откуда он уже ползком попытался опять подняться по тропе. И вновь промашка — после этого удара у него перестала работать правая рука. Снова отмель. Промокший до нитки, Л. Н. с трудом дополз до куста самшита, на котором повис в надежде просохнуть. Прошел час или более и ему повезло — мимо проезжал грузовик с сеном. Л. Н. всегда, помимо полевой сумки, anerоида и фотоаппарата, носил на шее жестяной свисток, воспринимавшийся обычно как чудачество. Теперь, когда Л. Н. стал кричать и его слабый голос потонул в тумане, свисток сыграл свою роль — его услышали и доставили в ближайший дом. На следующий день я и В. В. Бжания вывели Л. Н. в машине "Скорой помощи" в Сухум. Хорошо помню как этот семидесятипятилетний человек, у которого, как потом выяснилось, в трещинах были кости бедра, таза, предплечья и ключицы, уютно лежа на носилках, весело улыбался и успокаивал нас, а когда его взгляд падал на проплывавшие в окнах холмы и кряжи, повторял: "Как здорово, что все эти вершины пройдены, обследованы! Вот если бы также можно было всю Колхиду оббегать!" Надо было писать плановую работу, а тут еще навалилась рукопись "Военное дело и вооружение Абхазии". Пока Л. Н. учился писать левой рукой, я составил, следуя его указаниям, главы, посвященные вооружению каменной, бронзовой, античной эпох...

Накануне конца он лежал на раскладушке между полками, где громоздились книги, папки, рукописи. Рядом были его сестра Нина, племянница

Мила, моя мать, Слава Лакоба и я. Назавтра его должны были положить в больницу. Разговор шел, как обычно, о каких-то находках. Вдруг Л. Н. сказал, что, вероятно, скоро умрет и тут же распорядился со своим имуществом — художественную литературу завещал сестре, книги и материалы по геологии — сыну Борису, книги по каменному веку — С. З. Лакоба, которого мечтал видеть палеолитчиком, весь же остальной архив поручил для сохранения мне. . .

После похорон Б. Л. Соловьев, С. З. Лакоба, мой брат Всеволод и я в течение четырех дней (2—5 марта 1973 г.) обработали архив покойного, составивший 110 папок, в которых было включено 32. 405 рукописных страниц, листов с заметками, рисунков Л. Н., переданных тогда же в Абхазский институт. В 1975—1980 гг. на этой основе мною был составлен сборник трудов Л. Н. “Памятники каменного века Абхазии” (объем 20 а. л.), переданный в 1981 г. для издания в РИСО АН Грузинской ССР. В августе — ноябре 1982 года мне пришлось вновь прорабатывать весь архив Л. Н. Таким образом сложились предпосылки для написания настоящей книги.

Изучение архива Л. Н. Соловьева позволило уточнить не только многие моменты биографии ученого, но и выявить важные факты из истории изучения Абхазии и смежных районов. В частности выявилась интересная особенность работы Л. Н. — содержание каждой беседы, представлявшей, по его мнению научный интерес, после ухода собеседника заносилось на отдельный листок (дата, фамилия, основная проблема, высказанные мнения и их критика), который откладывался в соответствующую тематику разговора папку. Л. Н. увлекался разнообразными проблемами, легко брался за новые рукописи, многое не смог опубликовать, многое не довел до конца. Однако круг его интересов всегда определялся научными потребностями момента и, следовательно, отразил в себе динамику исканий его времени.

Очень важна и другая сторона биографии Л. Н. Подробные записи в походных блокнотах и мимолетные отметки на клочках бумаги рассказывали о датах и обстоятельствах открытия многих десятков археологических и архитектурных памятников, часть которых еще ни разу не упоминалась в литературе. А они либо до сих пор еще повторно никем не обследованы, либо утрачены. Последний момент особенно подчеркивает ценность сведений, сохраненных Л. Н. в его архиве и органически влившихся в настоящий биографический очерк.

Биография Л. Н. Соловьева, большого патриота и ученого, доброго и порядочного человека имеет большое познавательное и мировоззренческое значение: она складывалась в эпоху строительства “социалистического” общества; в ней отразились многие важные особенности этой неоднозначной эпохи применительно к одному из популярных разделов науки на территории, издавна привлекающей пристальное внимание исследователей. Жизнь Л. Н. Соловьева была подчинена интересам археологии и геологии, в первую очередь, Абхазии, природу и народ которой он хорошо знал, уважал и любил при жизни, и с землей и историей которой он слился после своей смерти.

Считаю своим долгом с благодарностью отметить ту большую помощь, которую мне оказали при подготовке этой работы кандидат геолого-минералогических наук Б. Л. Соловьев и Н. Н. Соловьева — сын и сестра Льва Николаевича.

1. НА ПУТИ В АБХАЗИЮ (1894 — 1933 г.)

Лев Николаевич Соловьев родился 24 ноября (7 декабря н. с.) 1894 года в селе Медвенка Обоянского уезда Курской губернии в семье народного учителя*. В конце прошлого столетия потомственно-почетный гражданин Николай Иванович Соловьев с женой Любовью Ильиничной (урожд. Покровской) и детьми — Леонидом, Борисом, Львом, Милой, Верой и Ниной переехали в Курск, где Николай Иванович затем до середины 20-х годов служил в местном банке. Любовь Ильинична была очень интересным и содержательным человеком, много читала, тянулась к передовой молодежи, в период первой русской революции хранила нелегальную литературу, опубликовала несколько рассказов для детей, неплохо рисовала и писала маслом.

В 1905—1913 гг. Л. Н. учился в Курской классической гимназии. В 1912 г. под Курском работала экспедиция П. С. Рыкова, копавшего славянское городище у с. Гочево. В качестве художника в этой экспедиции участвовал и семиклассник Лев Соловьев.

Летом 1913 г. Л. Н. был зачислен на историко-филологический факультет Московского университета. Первая мировая война нарушила мирную учебу. В 1914 г. погиб брат Леонид, позднее умер от сыпного тифа и второй брат Борис. Нина и Людмила ушли на фронт медсестрами. Из-за материальных трудностей осенью 1914 г. Л. Н. вынужден был перевестись в Харьковский университет. В Харькове он жил у своего дяди Валериана Ивановича Соловьева — преподавателя гимназии, впоследствии Харьковской трудовой школы.

Курс археологии в университете читал молодой профессор С. С. Федоровский (1885—1939), который внимательно следил за успехами своего ученика, направлял его интересы. Лев Николаевич штудировал труды археологических съездов, составлял подробные конспекты книг В. Радлова (Сибирские древности), Обермаера (Доисторический человек), Данилевича (Курс русских древностей), Городцова (Первобытная археология; Русская доисторическая керамика и др.), Реслера (Археологические исследования в Елизаветпольской губернии в 1901 г.), Моргана, Шурца, Петри, Нидерле, П. Полевого, Мортилье, Ранке, Спицина, Хвойко, Краузе, А. Николаева, Анучина, В. Бельше, Я. Берлина, Вейле, Гернеса, Гетчисона, Добьера, А. Засодимского, М. Корелика, Д. Корончевского, Д. Кудрявцева, Липперта, Нечаева, З. Рагозина, Н. Рубакина, М. Сабинина, К. Тахтарева, Э. Тейлора, Л. Фробениуса, В. Лункевича, Холмогорского, Н. Андреева, Гроссе, И. Абрамова, В. Агафонова, А. Гатцука, С. Поспелова, Толстого и Кондакова, А. Уварова, В. Флоринского, Нидерле, Иностранцева, Лаппо-Данилевского, Грушевско-

* Трапи М. М. Пытливый исследователь. — САБ, 9 ноября 1964 г., с. 3.

го и многих других археологов, этнографов, историков культуры. Много времени Л. Н. проводил в фондах Харьковского археологического музея. В перерывах между занятиями в Университете брал уроки рисования в художественном училище, на жизнь зарабатывал репетиторством, обработкой экспонатов в музее. Параллельно Л. Н. уделял много времени занятиям в марксистских кружках, а в 1916—начале 1917 гг. состоял в нелегальной организации революционного Красного креста. В феврале—марте 1917 г. он в составе боевой студенческой дружины вел пропаганду в воинских казармах, участвовал в разоружении полиции.

С 1 апреля по 1 декабря 1917 г. Л. Н. находился на должности статистика в Курском Статистическом бюро, а с 15 апреля до 3 сентября 1918 г. в том же Курске работал в качестве практиканта (лаборанта) в местном энтомологическом бюро. В перерывах продолжал учебу в Харьковском университете. Летом 1920 г. Л. Н. закончил курсы по внешкольному образованию при Харьковском губернском отделе народного образования, а затем добровольно в должности сначала инструктора Комиссии по ликвидации безграмотности в военных частях, а затем заведующего клубом Политотдела XIII Армии отправился на Южный фронт, где участвовал в боях под г. Александровском (совр. Запорожье) и у станции Софиевка с войсками Врангеля и Махно и мечтал о раскопках. Вот характерный эпизод из его жизни в те дни: "Яркий осенний день. Притихший Днепр. Чуть шуршит песок под ногами. И вот — холмик. Человек присаживается на корточки, достает ножик и начинает копать. И вдруг мир, залитый солнцем и будто оглохший от тишины, взрывают выстрелы. Они несутся с левого и правого берега Днепра. Человек вздрагивает, несколько минут он в нерешительности — "что делать?", но потом спокойно продолжает копать. И из земли появляются старинные серебряные пряжки".

После демобилизации 1 февраля 1921 г. Л. Н. Соловьев поступил на работу в Харьковский археологический музей в качестве младшего научного сотрудника, где проработал до 1 июня 1922 г., основное внимание уделив перестройке экспозиции и изучению (зарисовка, описание) всего хранившегося в музее комплекса древних керамических изделий. Сдав государственные экзамены в Харьковском университете и получив диплом, Л. Н. Соловьев уехал в Севастополь, где оформился сотрудником в музей древнего Херсонеса, в котором проработал до 27 ноября 1925 г. В этот же период он по совместительству работал художником и библиотекарем 7-го стрелкового полка Казанской дивизии.

Основные научные темы Л. Н. Соловьева этого периода — "Пограничные укрепления Херсонесской области" и "Четырехугольные башни Гераклеяского полуострова". В рамках этих тем он выявил и описал несколько десятков округлых и прямоугольных в плане башнеобразных сооружений — укрепленных усадеб в окрестностях древнего города (южная и западная часть Гераклеяского полуострова, долина р. Килен, Суздаль-гора, Воловья, Юхарина и Георгиевская балки, Александриада, Мекензиевы горы, Загайтан, Круглая бухта, Сапун-гора и др.), на основе чего была написана первая опубликованная работа Л. Н. Соловьева (1926 г.). Параллельно им изучались (обмеры, зарисовка,

описание, пробы растворов и др.) оборонительные сооружения самого Херсонеса. В 1923 г. он вел раскопки Херсонесского "оссеариума", в июне 1924 г. осуществлял надзор над ремонтом башни Зенона. 18 марта 1925 г. зафиксировал древнее поселение на Историческом бульваре в Севастополе, собирал материалы по "каменным кругам" в окрестностях Балаклавы, изучал керамику Крыма (зарисовки посуды из Херсонеса, Неаполя Скифского, Чуфуткале, Бельбека, Кизил-Кобы, Баклы, из кургана Мал-муз, из Сарылкиата, Нейзаца, со стоянок из балки Сарандинаки, у Куликова поля под Севастополем, Шпака № 1 и др.), обрабатывал коллекции из поселения в Казачьей бухте, в долине р. Альмы, у Чертовой балки (Инкерман), в Змеином гроте (Симферополь), у Стрелецкой бухты и др. Много сил затратил Л. Н. Соловьев на коренную переработку экспозиций Херсонесского музея в соответствии с новыми задачами, пилил, вбивал гвозди, клеил, рисовал...

В 1924 г. Л. Н. Соловьев познакомился с Евгенией Христофоровной Скорняковой, дочерью художника-баталиста, которая вскоре стала его женой. В 1925 г. у них родился сын Борис — впоследствии исследователь четвертичной геологии Западного Кавказа и Ростовской области.

В октябре 1925 г. Л. Н. Соловьев тяжело заболел невритом, который заставил его 5 ноября того же года уволиться с работы и уйти на временную инвалидность. Почти два года длились борьба с болезнью, мытарства на бирже труда. В сентябре 1926 г. он принял участие в I-й конференции археологов СССР в Керчи, где познакомился и беседовал с такими известными исследователями как В. А. Городцов, А. А. Спицин, Н. Я. Марр, Н. И. Репников, А. Н. Зограф, А. И. Маркевич и др. Летом 1927 г. Л. Н. Соловьев, оставив на время семью в Севастополе, уехал сначала в Воронеж, в окрестностях которого работал в составе руководимой П. П. Ефименко экспедиции по исследованиям палеолетической стоянки у с. Борщево, а затем на родину в Курск, где с 1 сентября 1927 г. по 1 сентября 1928 г. преподавал экономическую географию в Курской Совпартшколе. 1 мая 1928 г. Л. Н. Соловьев становится научным сотрудником Курского Краеведческого музея, одновременно исполняя обязанности зам. Председателя культурно-исторической секции Курского Краеведческого общества. Круг его интересов этого периода кратко обрисован следующим образом: "археология, доисторическая керамика, скифо-сарматские древности". В 1928—1929 гг. Л. Н. Соловьев руководил разведками в верховьях р. Суджи (окрестности с. Большой Каменец и др.), где было обнаружено восемь древних поселений бронзовой и раннежелезной эпох**. Их описанию Л. Н. Соловьев посвятил статью, опубликованную в 1929 г. в "Известиях Курского общества краеведения", где напечатана и небольшая заметка о Шуклиновском городище. Параллельно Л. Н. Соловьев зарисовал и описал всю керамику из музейного хранилища, собирал материалы по ковровому производству Курской области. Много сил было отдано им и перестройке экспозиции музея.

В этот период у Л. Н. Соловьева постепенно складывается интерес к первобытной археологии, чему в решающей степени способствовали продолжившие

* Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда (справочник). — Л., 1928, с. 396.

** Липкинг Ю. А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посемье, — МИА, № 113, 1962, с. 140; он же, Загадка "Суджанских кладов". КП, 20 января 1963 г., с. 4.

* Герия Ю. Зов тысячелетий. — САБ, 6 апреля 1968 г., с. 2.

ся контакты и переписка с П. П. Ефименко. Понимая, что такая специализация затруднительна без основательного знания геологии, Л. Н. Соловьев снова, теперь уже навсегда, покидает родной город и направляется в Ленинград, где с 9 сентября 1930 г. по май 1932 г. учился на минеролого-петрографическом отделении института переквалификации при Горном институте, после окончания которого в качестве геолога Ленинградского геолого-разведочного Управления был направлен на работу в г. Боровичи. С геологическим молотком, вещевым мешком и фотоаппаратом он прошел не одну сотню километров по Валдайским высотам, собирая сведения о разрезах, древних моренных и дельтовых отложениях, долинах, озерах, реках (бассейн Поломети, деревни Варница, Мельница, Борисово, Ящерово, уроч. Роговик и др.).

Летом 1933 г. Л. Н. Соловьев впервые попал в Абхазию, природа которой сразу же его покорила. Совершив несколько маршрутов по окрестностям Сухума, он увлекся идеей исследования морских террас, на одной из которых у подошвы горы Яштух подобрал десяток оббитых кремней чрезвычайно архаичного облика. Рассчитавшись в Боровичах, Л. Н. Соловьев с семьей в декабре 1933 г. переезжает в Сухум.

2. АБХАЗИЯ — ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОИСКА (1934—1949 гг.)

1934 г. прошел в акклиматизации — слишком все было ново: и люди, и природа. Некоторое время не удавалось найти постоянную работу — подрабатывал рисованием плакатов. Наконец, 27 мая, оформился на должность геолога Абхазской научно-исследовательской станции стройматериалов, где работал по осень 1935 г. Традиционная тяга к керамике определила основное занятие — изучение глин Абхазии и их использование в промышленности. Л. Н. Соловьеву принадлежат “удачные опыты по применению (местной — Ю. В.) глины в изготовлении поливной керамики”*. В августе—сентябре Л. Н. вел наблюдения и собирал материалы по наводнениям в Сухуме. Летом 1934 г. он приступил к систематическому археологическому поиску: зафиксировал вблизи устья ручья Волчьего (Синоп) остатки древнего водопровода (17.VIII), провел сборы оббитых кремней в верховьях р. Сухумки в месте пересечения ею древней Яштухской террасы, обнаружил вблизи Очамчиры стоянку мустьерской эпохи (VIII).

Осенью 1934 г. на средства, ассигнованные Абхазским научно-исследовательским институтом краеведения, была создана Абхазская археологическая экспедиция, проходившая под общим руководством акад. И. И. Мещанинова в числе двух отрядов — по дороговому обществу (С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьев) и по родовому и античному обществу (И. И. Мещанинов, Б. А. Куфтин, М. М. Иващенко и А. Л. Лукин)**, Погожим октябрьским днем на Сухумской набережной состоялось знакомство с С. Н. Замятниным, которому Л. Н. передал свою небольшую коллекцию орудий. На следующий день он сопровождал С. Н. Замятина и М. М. Иващенко в экскурсии в Михайловскую пещеру, по пути к которой были собраны в большом числе кремневые орудия ашельского и мустьерского облика, открывшие, по словам Л. Н., “новую эпоху в изучении палеолита Кавказа”***. Вскоре при бурении на террасах Лечкопа и Ачигвары Л. Н. Соловьев нашел новые палеолитические материалы. В том же году, ведя исследование приморских глинистых отложений, он зафиксировал селища с “текстильной” керамикой у Очамчиры, в устье Моквы и в поселке Красный Маяк. Ознакомившись с материалами Л. Н., И. И. Мещанинов и Б. А. Куфтин “отметили необычную форму и орнамент этой посуды, а также отсутствие каких-либо указаний на подобные находки в литературе”****.

1 февраля 1935 г. Л. Н. Соловьев становится старшим научным сотрудником Абхазского научно-исследовательского института краеведения (АБНИИК),

* Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII—XIV вв.). — Сухум, 1977, с. 7.

** Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. 1, — Тбилиси, 1949, с. 1.

*** Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии, — Сухум, 1971, с. 5.

**** Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, — СА, XIV, 1950, с. 265.

совмещая эту должность с исполнением геологических работ до осени 1935 года. В феврале—марте Л. Н. вел исследования (описание террас, обнажений, сбор археологического материала) вдоль главных магистралей центральной и юго-восточной Абхазии—Каласур (7—8.II), Гульрипш—Тамыш (9.II), Лабра (10.II), Цхен-цкар—Моква (11.II), Кодор (12—16.II), Пшап—лесозавод—устье Кодора (17.II), Тамыш—Кодор (18.II), Тамыш—Моква (28, II), Очамчира (3.III), Ткуарчал—Куазан—Гупы—Очамчира (4.III), Ачигвара (5.III). В Тамыше на берегу реки выше шоссе он отметил стоянку с кремневыми орудиями. Весной Л. Н. продолжил поездки с геологической целью по Абхазии, зафиксировал поселение эпохи поздней бронзы у спуска с Лечкопского плато к Ачандаре рядом с шоссе, штудировал работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, В. Г. Плеханова и др. по вопросам истории первобытного общества. Летом совершил несколько экскурсий на поселения с текстильной керамикой Красный Маяк (VII) и Очамчира (31.VII), был командирован в Азангу (14—19.VIII). 14 августа он совершил пеший переход по маршруту Ольгинское—Полтавское—Рождественское—Гергемиш через хребет Ахупач—Прцха. В Ольгинском он собирал сведения о пещерах, крепости и могильнике у Нижней Юрьевки, по пути к Полтавскому на водоразделе обнаружил несколько отщепов мустьерского облика, провел описание террас до перевала к р. Каласур, в Рождественском осмотрел два разрушенных каменных ящика, собирал образцы калыцита. Последующие дни ушли на изучение геологии Азантской долины, где Л. Н. искал гагат, фиксировал полезные ископаемые, речные террасы, следы ледниковых морен, зачищал разрезы (совместно с П. Кадинцом) по маршруту Гергемиш—Фундуклук—Абгидзра—Лар—Гергемиш—Азанга. В урочище Абгидзра (у слияния р. Джимеле с р. Каласур) он отметил стену из валунов, в урочище Лар и к северу от него, в глубине ущелья Каласур зафиксировал несколько пещер и гротов, “каштаны в четыре обхвата”, наметил направление дороги для более основательных геолого-разведочных работ, в Азанте осмотрел дольмены и средневековую ограду в центре села.

В сентябре Л. Н. вновь работал в составе экспедиции С. Н. Замятнина (совместно с М. М. Иващенко и В. С. Порецким), в рамках которой зафиксировал мустьерские стоянки на V террасе у Очамчирского пробкового завода, на IV террасе в с. Илори, в верхнем горизонте лесса в с. Ачигвара, на вершине Сухумской горы (гора Чернявского) (24.IX), совместно с проф. А. Н. Греном вел раскопки христианских погребений у Беслетского храма, описал пещеры “Венецианского” ущелья (12—13. IX). 19—20 октября Л. Н. Соловьев работал в Цебельде. В первый день он поднялся на Апианчу, на вершине которой зафиксировал следы древней гидрографической сети и нижнепалеолитическую стоянку. На следующий день он прошел от Нижней до Верхней Лемсы, где у пещеры Магара собрал мустьерские кремни, которые вместе с материалами Апианчи передал затем С. Н. Замятнину.

В конце октября—ноябре 1935 г. в Абхазии работала экспедиция ГАИМК в составе А. А. Иессена (руководитель), Б. Б. Пиотровского, Л. Н. Соловьева (старшие научные сотрудники) и И. В. Щербакова (младший научный сотрудник). При этом лично Л. Н. Соловьев обследовал гору Отсюш (27.X), где описал комплекс карстовых образований, ограду из валунов, небольшую крепость, вблизи нее древний карьер для добычи камня, в 200 м от него два навеса в том

же карнизе, затем вел раскопки в гроте № 1 (Шакалий или Соловьевский грот) у III участка Сухум ГЭС, где с помощью двух шурфов был расчищен вход в пещеру с шестью залами, в которых найдены кости шакалов (6—7.XI), пещеру № 2 и навес № 3 (8—9.XI). В пещере, получившей название Гумской, несколько его шурфов по главной оси дали материал средневековой и бронзовой эпох. 15 ноября Л. Н. Соловьев ниже с. Михайловского на левом берегу Восточной Гумисты к востоку от шоссе обнаружил на пашне стоянку верхнепалеолитического времени, на правом берегу Западной Гумисты напротив Каманского храма на одном из холмов зафиксировал площадку с каменной стеной, а далее в 300 м у подошвы следующего холма собрал керамику черного обжига. В тот же день он на 14 км шоссе на западном склоне горы Гумбиху собрал серию кремневых отщепов. В декабре Л. Н. выявил стоянку местьерской эпохи и поселение бронзовой эпохи на III террасе у Сухумского вокзала (6.XII), вновь обследовал селище с орудиями из гальки у спуска с Лечкопского плато к Ачандаре у шоссе (21.XII), собирал отщепы белого кремня и галечные грузила на правом берегу р. Гумисты, в 350 м от нее между железной дорогой и морем на поселении с текстильной керамикой у Красного Маяка доследовал захоронение, содержащее оссуарий с костями и железным стержнем (2.III).

Первое полугодие 1936 г. почти полностью ушло на работы в Очамчире, где при строительстве порта были обнаружены остатки средневекового, античного и “энеолитического” поселений, исследование которых было начато М. М. Иващенко и Б. А. Куфтиным в октябре—декабре 1935 г. и продолжено Л. Н. Соловьевым и М. М. Иващенко в январе—апреле 1936 г.* 4 июня 1936 г. Л. Н. Соловьев в этой связи писал: “С февраля я работаю в новом учреждении—Институте Абхазской культуры. Это филиал Академии. Работать несравненно спокойнее и приятнее. . . 3 месяца вел археологические раскопки вновь открытого греческого городка. Сейчас обрабатываю материал. Осенью предполагается археологическая экспедиция вместе с ленинградскими работниками”. В этот период шла интенсивная переписка с С. Н. Замятниным, И. И. Мещаниновым, Б. А. Куфтиным. Дневниковые записи позволяют восстановить некоторые вехи работ в Очамчире. 2—5 и 10—24 января Л. Н. вел геологические и археологические наблюдения на всей территории портстроя, в частности, проследил трассу средневекового водопровода, руководил расчисткой раскопов № 22 и 24 (2—4.I), № 19 (10—16.I), № 21 (19.I), № 23 (20.I), продолжал разведки на поселении с текстильной керамикой (16.I) и у моста через Адзыкву (18.I), зафиксировал фундаменты трехапсидного храма у железнодорожного моста через Джикумур (24.I). 1—2 и 5—22 апреля вновь безвыездно сидел в Очамчире—вел наблюдения над стратиграфией западного кургана (1.IV), изучал строение клифа (2.IV), продолжал стратиграфические наблюдения на западном холме (5.IV), зарисовал бревенчатую гать в длину на 13 м и кольцевую стену (11—12.IV), в устье Моквы на ее левом берегу зафиксировал на расстоянии 200 м друг от друга два поселения с материалами поздней бронзы и античности (ручки чернолакового килика и четыре фрагмента амфор) (18.IV), руководил работами в раскопах № 30 (21.IV) и № 34 (24.IV), препарировал погребение № 1 (22.IV), написал краткий отчет о раскопках, в котором дату нижнего “энеоли-

* Иессен А. А. Отчет Сухумской экспедиции 1935 г. (рукопись) — Архив Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Фонд Л. Н. Соловьева.

тического" слоя определил первой половиной II тыс. до н. э., а дату дольменов Абхазии серединой II тыс. до н. э. В промежутках он исследовал террасы и их стратиграфию на Лечкопском плато (6.I), 21 марта и 3 апреля совершал экскурсии в Нейдорф (21.III и 3.IV), где открыл погребенный торфяник, в конце марта побывал в Цебельде с целью изучения террас (28.III).

В 1936 г. Л. Н. уделил много внимания Яшгуской палеолитической стоянке, где обнаружил следы морены на водоразделе Гнилушки и Хариквары (30.IV), прошел по маршруту Трапезия—Остроумовское ущелье—кладбище—Лечкоп, где отметил по балкам и террасам восемь пунктов находок древних изделий (12.V), вел сборы по террасам в районе Табачной станции вдоль р. Хариквара и фиксировал моренные отложения (6.V), в пойме Хариквары зачистил в толще галечника остатки средневекового пифоса (8.V), обследовал территорию у с. Нижний Яштух (6.VI), поднимался из Остроумовского ущелья на IV террасу, где собирал мустьерские орудия до развалин средневековой церкви у подножья горы Яштух (12.VII), провел сборы орудий в семи пунктах по маршруту Трапезия—Нижний Яштух (15.VII), в Остроумовском ущелье, в 100 м ниже железного моста исследовал оползень и следы морены, на поверхности которой собрал коллекцию мустьерских отщепов (29.VII), на участке Яштух-1 зачистил разрез, впервые получив представление о стратиграфии местного палеолита (18.X). Позднее по этому принципу Л. Н. Соловьев составил десятки колонок разрезов различных стоянок с фиксацией глубин находок орудий. 12 сентября Л. Н. собирал обработанные кремни на территории армянского кладбища в Лечкопе.

Продуктивной была и поездка в Цебельду 20—24 августа. В первые два дня Л. Н. исследовал террасы у Мерхеула и Олыгинского, осмотрел ряд навесов в ущелье Б. Мачары, грот с источником у греческой школы в Цебельде, описал ряд разрезов, отложения лесса, террасы и грот ниже дороги между селами Топчиановка и Малые Краевичи, пересек бассейн р. Шакуран, описал вал морены в с. Захаровка (Амткел), где отметил следы мустьерской стоянки, затем через с. Панта спустился к устью Джампала, где зарисовал выходы подземной реки Кара-су, и остановился на ночлег в Холодном гроте, где обнаружил мезолитическую стоянку. Затем Л. Н. исследовал склон от Цебельды к Амткелу, верховья р. Шакуран, где описывал разрезы почв, лессовые отложения, в которых выделил два яруса, из которых верхний оказался моложе ледниковой морены (22.VIII). Вслед за этим Л. Н. пересек болотистую низину к юго-востоку от Цебельды, отметил карстовые явления, выявил две палеолитические стоянки — № 1 на перемычке между болотом и спуском в урочище Кеп-Богаз и № 2 на перемычке между тем же спуском и карстовой долиной "Джагашкар" (Малые Краевичи), установил наличие культурного слоя в гротах Кеп-Богаз, провел сборы орудий в долине ниже гротов (24.VIII).

Из других работ, осуществленных Л. Н. в 1936 г., нужно отметить геологические исследования в Моквском тунговом совхозе (10.V), изучение гончарного производства в с. Куазан (12.V), экскурсию в с. Полтавское и на гору Агыш с целью исследования террас (6.VIII), находку раннесредневекового кувшинчика в с. Охурей, описание Ачадарского поселения эпохи бронзы у Афонского шоссе, где были собраны орудия из гальки, зернотерки, керамика (12.X, 21.XII), обследование памятников холма Верещагина, где были обнаружены

обломки текстильной керамики и осмотрено городище античной эпохи, фиксацию в овражке рядом с одним из верхнеэшерских дольменов культурного слоя поселения с посудой дольменного облика (12.XII), экскурсии на поселение Красный Маяк, где велись сборы текстильной и прочей керамики (6 и 18.XII), фиксацию слоев эллинистической Диоскуриады на углу ул. Мира и бывшей Мясникова в Сухуме "напротив Торгсина" (17.XII). В ноябре он шурфовал Мачарское поселение (18.XI), где выделил три горизонта (в нижнем с датой 2000—1500 гг. до н. э. материалы "немного раньше Очамчыры", средний слой с датой 1500—1000 гг. до н. э., в верхнем отмечена античная черепица). В 1936 г. Л. Н. опубликовал три статьи в газете "Советская Абхазия" о результатах исследований в Гиеносе, Цебельде и у СухумГЭС.

Лев Николаевич, с головой уйдя в изучение археологии и геологии края, не забывал о своих домашних обязанностях. Своей квартиры у Соловьевых в Сухуме долго не было — снимали комнату на городской окраине. Л. Н. продолжал подрабатывать рисованием плакатов, радовался успехами своего сына Бориса, о которых писал: "Бориска очень худ, но главным образом потому, что их (в школе № 1 — Ю. В.) сильно гонят педагоги. . . , а на Бориску как на "отличника" падает главная роль во всех выступлениях. . . Это обратная сторона медали и я не хочу, чтобы он был отличником. . . Кроме книг у него никаких увлечений нет, но с недавнего времени он усердно принялся рисовать виды и узоры, красками и карандашами. Для меня это приятная неожиданность, т. к. я считал, что ему подобного наследства не досталось."

В 1937 г. Л. Н. Соловьев продолжал накапливать сведения о разнообразных памятниках Абхазии. Особенно "массированные" разведки он вел по всей территории Яшгуской стоянки, где исходил вдоль и поперек бассейн Западной и Восточной Сухумки, бассейн р. Гнилушки, разделяющие их водоразделы (1 и 24.III, 23 и 24.IV, 12.V, 13 и 30.VI, 30.XI и 7.XII), много размышлял о динамике формирования покровных отложений и стратиграфии Яштуха (1.IV, 30.XI), изучал разрез карьера ЧЖД в Лечкопе (24.III). Помимо этого Л. Н. иллюстрировал абхазские сказки (11.V), на Ачандарском поселении бронзовой эпохи собрал обломки сосуда типа эшерского оссуария (30.VI), прошел гребень Аныха-Паара, на юго-западном склоне которого подобрал мустьерский остроконечник (9.VII), у устья Псырчи на ее левом берегу зафиксировал на вершине холма башню и стену (толщина 70 см), протянувшуюся на 80 м, с которой были связаны черепица и обломки средневековой посуды (6.VIII). Тогда же в 120 м от Армянского водопада и в 30 м от реки он отметил известняковую плиту, сходную с дольменами. По пути к селу Андреевскому Л. Н. фиксировал террасы и карстовые воронки в сухой долине между горами Яштух, Ахбюк, Бырцх и Каман (24.VIII). В Андреевском он заложил несколько шурфов, где в болотистых отложениях обнаружил деревянные орудия (булавка, иглолка и пр.), кремневые "эолиты" и верхнепалеолитическую пластинку. Затем Л. Н. Соловьев работал в составе экспедиции Б. А. Куфтина, раскопав дольмен № 1 в Верхней Эшере (2—8, 23.IX). Позднее вблизи Беслетского моста в 50 м за линией водопровода он обнаружил остатки здания с 7-рядным кирпичным поясом в стене (6.X). В течение года он несколько раз посещал торфяник в верховьях р. Дзегуты (Найдорф), обследовал Бзыбский храм и крепость, в которых выделил два строительных горизонта — IX—X и X—XI вв. 27 апреля 1937 г. Л. Н. по

совместительству занял должность старшего научного сотрудника Абхазского государственного музея, в котором проработал до 1949 г. В 1937 г. в "Советской Археологии" была опубликована небольшая заметка Л. Н. о раскопках Гиеноса. Тогда же он исполнил несколько таблиц и рисунков для "Флоры Абхазии"

В начале 1938 г. Л. Н. Соловьев был утвержден Президиумом АН СССР в должности старшего научного сотрудника. На него ложится основная работа по коренной перестройке экспозиции отдела археологии Абхазского государственного музея. В этой связи наряду с первобытными древностями его внимание все больше начинают привлекать и памятники феодальной эпохи. Л. Н. продолжал исследования Яштухской стоянки, в частности, зачищал разрезы на VIII террасе (12.I), описал развалины средневекового храма в с. Хумушкур, рядом с которыми зафиксировал мустьерскую стоянку (31.V), обмерял древнюю башню на Ново-Афонской набережной (6.VI), заложил в нижнем гроте Кеп-Богаз шурф (1 x 2 м при глубине 0,45 м), выявивший здесь мезолитические остатки (21.VI), приступил к исследованиям Каласурской (Великой Абхазской) стены, обмерил Приморскую башню (10.VII), прошел линию стены до с. Александровского, зафиксировал башню на левом берегу р. Каласур в с. Нейдорф (11.VII). Несколько дней ушло на описание Багмаранско-Черниговского участка стены, затем были обследованы 7 башен на берегу Б. Мачары, замыкающие Пацхирское (Ольгинское) ущелье (23.VII). Позднее Л. Н. прошурфовал у северной подошвы Анакопийской горы поселение, в котором выявил два горизонта феодальной и римской эпохи (29.VII), произвел обмер и описание крепости Хасанта-абаа (2—3.VIII), тогда же установил, что нижние ярусы стен Гагрской крепости относятся к ранневизантийской эпохе, заложил в Холодном гроте шурф, из которого, включая выбросы кладонисательских раскопок, добыл 114 кремневых поделок мезолитического времени (21—22.VIII), затем был командирован в с. Бедиа для составления справки о состоянии собора в целях его сохранения и реставрации (6—7.IX). В тот же период совместно с И. Е. Адзинбой он занимался вопросами охраны и укрепления Беслетского моста и Моквского собора, участвовал в подготовке проекта постановления Абхазского обкома КП Грузии об увековечивании памяти С. Орджоникидзе в Сухуме (14.X). В первой половине октября Л. Н. провел небольшие раскопки на территории могильника "Сушка" (к северу от Анакопии) вблизи более ранних раскопок И. Е. Адзинбы и А. Н. Грена. В результате здесь им были зафиксированы два горизонта накоплений — феодальной эпохи и каменного века, в которые было опущено 5 безинвентарных погребений с каменной обкладкой. Несколько погожих октябрьских дней Л. Н. Соловьев посвятил исследованию Верхне-Анухвинской палеолитической стоянки (7, 16, 17.X). 6 ноября он совместно с И. Е. Адзинбой провел обмер и описание Гагрской крепости и храма и составил о них подробную справку. На следующий день они визуально обследовали Цандрипшскую (Гантиадскую) базилику, в которой было выявлено три строительных горизонта, предварительно датированных VI—VII, VII—VIII, IX—X вв. В ноябре Л. Н. произвел предварительное описание второй линии обороны Анакопии (24.XI) и снова обследовал развалины в устье Псырчи, отметив в

кладке стен однорядный кирпичный пояс (28.XI). Дома работал параллельно над двумя рукописями — "История Нового Афона" и "Геологическая датировка абхазского палеолита".

В 1939 г. Л. Н. Соловьев продолжал углублять свои знания о разнообразных памятниках прошлого Абхазии. Большая часть января ушла на изучение (разрезы, сборы и т. д.) VIII и IX террас Яштухской стоянки (13, 16, 18, 23, 24.I), где в верховьях Западной Сухумки он впервые попытался выделить шелльский комплекс. В конце января Л. Н. находился в командировке в Феодосии, где изучал постройки генуэзцев. Конец зимы и начало весны ушли на перестройку экспозиции в музее. В начале мая Л. Н. описал террасы в районе Планты, вновь посетил Холодный грот, зафиксировал серию гротов у Багадской скалы, выделил два яруса в Цебельдинской морене (3.V), затем зафиксировал Каманский грот, заложил в нем рекогносцировочный шурф (2 x 2 м при глубине 1 м). Летом Л. Н. вновь исследовал Цандрипшский храм, зафиксировав вокруг него стены и башни раннесредневековой крепости (17.VI), произвел обмер и краткое описание крепости в с. Чхалта (25.VII), описал нижний ярус Мчиштинского скального замка (30.VII), обследовал цепь башен Каласурской стены по линии Отап—Улыс—Арасадзых, причем в стене у "Улысских ворот" обнаружил водопроводную трубу (13.VIII), зафиксировал по трассе стены на водоразделе Улыса и Моквы мустьерскую стоянку, описал развалины средневекового храма с рельефами и надписью на приусадебном участке Капба и достиг ущелья Геджира (14.VIII). Затем Л. Н. обмерил башню в с. Нейдорф (23.VIII), форсировал Каласур в брод, прошел вдоль линии стены до Малой Мачары, по пути обмерив Александровскую крепость и зафиксировав поселение "бронзового века" на седловине восточнее крепости. Позднее был командирован от института Абхазской культуры в с. Андреевское, где вновь изучал торфяник и пещеры (24—26, VIII). Затем обнаружил поселение бронзовой эпохи к западу от устья Псырухи (27.VIII), произвел осмотр памятников Анакопии с целью проверки сведения Дюбуа де Монпере о соединении крепости с морем стеной (30.VIII). Это сведение подтверждено не было, но на территории городища Л. Н. зафиксировал известковую печь и грот со сводом. Осенью он совершил поездку по маршруту Дранда—Бедиа—Чхортал, в первом пункте кратко описав собор, во втором — собор и крепость, в третьем — крепость на скале (5—8.IX). Затем вел исследования трассы Каласурской стены между Куазан и Оцарце, где обследовал крепость Наджиху в с. Окум (22.X), крепость Наголовани в с. Гумуриш, церковь на участке Зугбая, апсельскую стоянку в 200—250 м от реки Окум в сторону Чхортала, энеолитическую стоянку "на седловине между крепостью Наголовани и передовым известняковым хребтом", где нашел кремневые скребок и наконечник дротика, развалины церкви с надписями в ущелье р. Окум в 1 км от выхода ее из теснины (24.X), крепость Скайсук и стоянку каменного века на притоке р. Ладжимон (Лекухон) (25.X), башню в с. Лекухон и крепость Сагучу в с. Пахулан (26.X). Тогда же он обмерил крепость Оцарце (28.X) и установил отсутствие башен Каласурской стены на участке Бедиа—Квезан (29.X). В 1939 г. в соответствии с планом отдела истории Абхазского института Л. Н. Соловьев принял участие (вместе с С. Н. Джанашиа, И. Г. Антелава, А. В. Фадеевым и А. А. Олонетским) в составлении "Пособия по истории Абхазии для школы", для которого написал две первых

* Колаковский А. А. Флора Абхазии, т. 1. — Сухум, 1938, с. 132, 268, 272, 276, 322. табл. XXXVI, LXV, рис. 29, 31, 32.

главы: "Абхазия в далеком прошлом" и "Абхазия в первые века н. э.". В том же году Л. Н. много работал над составлением карты археологических и архитектурных памятников Абхазии, для чего подробно конспектировал и проверял на местах сведения, содержащиеся в трудах П. С. Уваровой, В. И. Стражева и др. Одновременно был собран материал для книги "Чировская пещера" — данные геологии, археологии, фольклора и др. В ноябре он работал над составлением таблицы хронологии кладок V—VIII вв., в которой, в частности Цибилуш получил дату V—VI вв. В том же году было опубликовано наиболее значительное исследование Л. Н. 30-х годов — статья "Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии" (объем 5 п. л.).

Очень плодотворным в биографии Л. Н. Соловьева был 1940 год. В январе—феврале он совместно с И. Е. Адзинбой разработал план мероприятий по благоустройству Сухумской крепости составлена смета расходов на 170.500 р., предусмотрены восстановление трех камер и размещение в них экспозиции, устройство мемориального музея в камере Серго Орджоникидзе, установка ему памятника, установка мемориальных досок и памятника комсомольцам, переселение 60 семей в благоустроенные квартиры, восстановление памятника Келеш-бею, археологические раскопки, на базе которых намечена организация музея-выставки истории города). Тогда же Л. Н. продолжал обработку коллекций из Холодного грота и Очамчиры, провел вместе с П. П. Бабенчиковым исследование погребения IV—III вв. до н.э. на холме Ахвыла-абаа Гнатенберг). Затем Л. Н. описал средневековую церковь в Верхней Эшере ("храм Дюбуа") (20.III), изучал стратиграфию Сухумской крепости по свежевырытым помойным ямам глубиной до 2 м (7.IV). В мае Совнаркомом Абхазской АССР были выделены дополнительные ассигнования на археологические исследования, что позволило Л. Н. усилить разведки и произвести раскопки ряда памятников. В мае Л. Н. вновь изучал архитектуру Анакопии (18.VI), прошел по маршруту Новый Афон—Верхняя Анухва, обмерив и описав по пути средневековый храм Акуач и древнюю ограду на греческом кладбище (19.VI). В конце мая Л. Н. был командирован на 6 дней в Цебельду с целью изучения связи Цебельдинской морены с террасами морского побережья. Туда он шел через села Наа Армянская и Тех, по пути обмерив две башни Каласурской стены у выхода Кодора из теснины и осмотрев в 200 м к северо-западу от них грот, перед которым обнаружил несколько мезолитических пластинок (25.V), затем в с.Греческий Каваклук вблизи Цебельды он осмотрел церковь, в стене которой отметил каменную баранью голову с древней надписью (26.V). 1—10 июня Л. Н. Соловьев вместе с И. Е. Адзинбой исследовал траншею, проложенную по проспекту Руставели в районе гостиницы "Рица", где удалось выявить горизонты эллинистической и феодальной эпох. В перерывах между поездками Л. Н. Соловьев продолжал инвентаризацию материалов из Холодного грота, Очамчирской стоянки и Гнатенберга, принимал активное участие в создании при музее временного лапидария и в организации музея истории Гагра в помещении Гагрского храма, дату которого он определил VIII—IX вв. В конце июня—начале июля Л. Н. вел разведки в ущельях Жоэжвары и Цихервы, где установил отсутствие первобытных стоянок, между Новой Гагрой и с.Бзыбь вблизи шоссе зафиксировал стоянку мезолитического времени, в Калдахварском гроте путем шурфовки (глубина до 1,5 м) установил наличие горизонтов бронзовой и

неолитической эпох с керамикой, кремневыми орудиями и вторичным захоронением, в Верхней Анухве продолжал исследование поселения верхнепалеолитического времени, вблизи которого вместе с группой альпинистов штурмовал грот Агца, в котором обнаружил рисунки феодальной и первобытной эпох, обследовал пещеру выше водопада на реке Мануэжуара, где выявил кости пещерного медведя. 14—23 июля Л. Н. вел раскопки в Каманском гроте, где расчистил пространство (4 x 4 м при глубине до 3—4 м), примыкающее к входу и содержащее горизонты феодальной и античной эпохи, горизонт с пятью вторичными захоронениями середины—второй половины II тыс. до н. э. и "очамчирской культуры" с грубой черной и лощеной керамикой. Тогда же им было произведено визуальное обследование Михайловской пещеры с зачисткой у входа (18.VII), проведены сборы палеолитических орудий на участке Яштух-16 у выхода из ущелья Бырцх-Яштух (21.VII). С 1 августа по 2 сентября Л. Н. в гротах Холодном и Кеп-Богаз вел раскопки, в которых принимали участие сотрудники Абхазского государственного музея П. П. Бабенчиков и В. Цитеман, а также Е. Х. Скорнякова, Б. Л. Соловьев и 4—5 рабочих. Исследования в Кеп-Богазе велись 2—9 и 13—27 августа. Раскоп площадью 3 x 6 м был доведен до глубины 0,7 м, затем сужен до 2 x 2,5 м и пройден до глубины 5,25 м, а далее шурф сечением 1 x 1,5 м опущен до отметки 6,5 м, после чего раскоп был засыпан. Результатом этих работ явилось установление многослойности памятника, содержащего остатки феодальной, ранне-бронзовой, ранне и позднемезолитической и верхнепалеолитической эпох. В навесе № 3 было найдено средневековое погребение старика (24.VIII). В Холодном гроте исследования велись 10—12 и 28—31 августа. Первый раскоп (2,5 x 4 м при глубине до 1 м) был заложен в западном конце площадки перед гротом, где были отмечены горизонты переходной эпохи от мезолита к неолиту, тарденуаза и верхнего палеолита. Ниже по склону был заложен шурф (2 x 2 м при глубине до 2,5 м), давший аналогичный материал. Второй раскоп был заложен у задней стенки грота (1 x 2 м при глубине 0,2 м), где были выявлены два горизонта "тарденуазского" времени; среди находок оказался костяной гарпун. В сентябре Л. Н. написал предварительный отчет об этих раскопках, параллельно продолжив наблюдения в районе гостиницы "Рица", где заложил несколько шурфов до глубины 1,7 м, определив мощность эллинистического слоя в 0,6 м. 26—29 сентября Л. Н. Соловьев принял активное участие в работе выездной сессии Грузинского филиала АН СССР, проходившей в Сухуме. Доклад Л. Н. "Палеолитические стоянки долины р. Кодора в связи с историей Кодорской долины" был зачитан на утреннем заседании 28 сентября, а его тезисы тогда же опубликованы в материалах сессии. В эти дни Л. Н. неоднократно беседовал с акад. С. Н. Джанашиа о Клисуре и Анакопии. 22—25 октября Л. Н. работал в Сочинском музее краеведения, где с помощью А. П. Краснова изучал материалы раскопок пещерных стоянок каменного века (Ахштырь, Хоста, Малая Воронцовка, Ац, а также открытых стоянок Агуа и Ахштырь). В течение года Л. Н. Соловьев как член месткома Абхазского института, заведовал секциями альпинизма, туризма и стрелкового дела. В первом полугодии 1940 г. Л. Н. завершил работу над рукописью "Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена)", которая была 11 июля направлена в РИСО АН Грузинской ССР. К

концу года он написал статью "Палеолитические стоянки долины р. Кодора" как часть запланированной для издания в 1942 г. книги "Первобытные обитатели Абхазии", а также статью "Сухумская крепость", переданную им И. Е. Адзинбе для издания в трудах музея. В течение года помимо упомянутых выше тезисов Л. Н. опубликовал две статьи — "К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита" и "Полезные ископаемые Абхазии". К своим исследованиям Л. Н. Соловьев широко привлекал учащуюся молодежь, читал много лекций на краеведческие темы, по поручению Абхазского обкома комсомола разрабатывал маршруты для летних походов трудящихся, проводил большую работу по охране и пропаганде местной материальной культуры.

Начало 1941 г. ушло на обработку коллекций, полученных в предшествующие годы. 18—25 апреля он возглавлял экспедицию Абхазского научно-исследовательского института по изучению неолитической стоянки в Кистрике, где работал вместе с А. Л. Лукиным. Эта экспедиция дала "обильный подъемный материал и ряд ценных наблюдений, добытых путем пробных шурфовок"*. 22 апреля Л. Н. прошел по правому берегу ручья Кистрик, описав геологические особенности Бамборского мыса. 25 апреля он закончил изучение разрезов Кистрикской террасы. В мае он вместе с А. Л. Лукиным принял участие в Воронежской сессии Советской секции INQUA, где сделал доклад о новых находках палеолита в Абхазии, в частности, Анухвы. В конце мая он представил смету на раскопки по теме "Сухумская крепость", запланированные на лето 1941 г. В сентябре он планировал вместе с Г. К. Ниорадзе и А. Л. Лукиным копать Кистрик. Начало Великой Отечественной войны нарушило все планы.

1 августа 1941 г. Л. Н. Соловьев становится директором Абхазского государственного музея, а два дня спустя увольняется из Абхазского института. Новая должность, обстановка военного времени резко сокращают поездки по памятникам. Сохранились сведения о поездках Л. Н. в Новый Афон по случаю разграбления гробницы у храма Симона Кананита (23.X) и в Михайловскую пещеру, где были осуществлены ее обмер и найдены два верхнепалеолитических орудия (26.X). 8 июля на заседании РИСО АН Грузинской ССР была зачитана резолюция Н. В. Хоштария на рукопись его книги "Древние оборонительные рубежи. . .", в которой в частности говорилось: "Нужно признать, что их (т. е. памятников Абхазии — Ю. В.) изучение. . . продвигается значительно вперед. Работа Л. Соловьева представляет еще один следующий и притом значительный шаг вперед по пути выяснения назначения, даты и т. п. колоссальных древних оборонительных сооружений, остатки которых сохранились на территории Абхазии, в частности, т. н. Келасурской стены". Трудности военного времени однако помешали изданию этой работы, как и написанной в том же году статьи "Торфянки Абхазии".

В 1942 г. Л. Н. Соловьев организовал в музее выставку, посвященную Великой Отечественной войне, которую за несколько месяцев посетило 12 тысяч человек. 26 апреля Л. Н. ездил в Бедио, где изучал состояние собора и сделал набросок плана реставрационно-консервационных работ. В июле он описал состояние Сухумской крепости, в отношении могил Келешбея и комсомольцев оставив краткую запись: "все заросло бурьяном" (17.VII), побывал в с. Никола-

евка (Анастасьевка), где рядом с новой церковью описал развалины средневекового трехапсидного храма (20.VII), доследовал в овраге рядом с крепостью Цибилум в отложениях селища на глубине 1,4 м два погребения, содержавшие бронзовую фибулу, сердолики и 36 бусин, а также собрал сведения о находке бронзового гроба в начале века (26.VII). Осенью в выемках окопов на территории Верхнеанухвинской стоянки Л. Н. Соловьев зафиксировал содержавшие отщепы и орудия верхнепалеолитического облика "полуземлянки" (длина 5 м, глубина 1,2 м), опущенные в суглинок с мустьерскими орудиями. Тогда же, совершив экскурсию на северо-западную окраину Лечкопского плато вместе с Е. Х. Скорняковой, обнаружил древнюю курганный насыпь, поврежденную окопами, в выбросах которых собрал керамику бронзового века.

Должность директора Абхазского государственного музея Л. Н. Соловьев занимал до 1 февраля 1943 г., а затем продолжал здесь работать в качестве старшего научного сотрудника, заведующего отделом истории и заместителя директора. В феврале 1943 г. Л. Н. был мобилизован в Сухумский истребительный батальон гражданской обороны, за участие в операциях которого получил благодарность от командования. Одновременно, по заданию штаба инженерных войск Закавказского фронта он писал работу оборонного значения по геологии края. В апреле он был командирован в с. Поквеш, где вблизи церкви против моста через Гализгу к с. Акваска зафиксировал "неолитическую" стоянку, подобрав кремневый резец и шлифованный топор с желобчатым перехватом (28.IV).

В 1944 г. в поисковой деятельности Л. Н. наступает определенное оживление. Он продолжал сборы палеолитических орудий в ущелье Сухумки (8.I), исследовал террасы р. Кодор у с. Эстонка, в частности, зарисовал разрез правого берега Малого Кодора (19.IV). В октябре он был командирован в с. Псху, где собирал материалы для написанной в том же году статьи "Борьба за перевалы с немецко-фашистскими захватчиками в конце 1942 года в районе Псху (Абхазская АССР)", зафиксировал и описал два дольмена у хутора Ришвей (5.X), на Санчарском перевале отметил четыре "древних каменных оградки", рядом с которыми обмерил грот (сечение входа 4 x 1, 25 м) (6.X). 14—18 ноября Л. Н. снова работал на Анухвинской стоянке. В первый день он осмотрел руины Анакопии, размышляя об уточнении ее даты, а затем прошел вдоль ущелья р. Мысра, описав грот на ее левом берегу. В следующие дни Л. Н. составил систематическое описание стоянки, выделив на ее территории ряд пунктов — Импруд, площадку у грота Агца, Хох-аурум и Чобанлук. В конце 1944 г. по распоряжению штаба инженерных войск Закавказского фронта Л. Н. Соловьев был отозван из батальона для проведения геологических работ оборонного значения, в частности, консультировал строительство шоссе и моста через Гумисту.

1945 год начался с широких исследований Яштуха. Л. Н. Соловьев вел поиск по всем террасам и пунктам бассейнов Хакепсы—Сухумки и Гнилушки (участок 7г, VIII терраса, стоянки левобережья этих рек и др.) (1, 15, 16, 22, 29.I; 12.II), в частности собирал "шелльско-ашельские" орудия в суглинке первой генерации на левом берегу В. Сухумки (22.I). Затем Л. Н. работал на Верхнеанухвинской стоянке (8.I), совершил экскурсию в с. Михайловское, где исследовалась поперечная долина Восточной Гумисты, а на склоне горы Ахбюк были отмечены остатки древнего озера (29.III), зафиксировал в 2-х км

* Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут, — СА, XII, 1950, с. 247—248.

восточнее с. Михайловского (уроч. Корида) по дороге на Беш-Кардаш две стоянки (ашель, мустье) и дольмен (2.IV), зарисовывал разрезы у Михайловского карьера (16.V), вел разведки в окрестностях Нового Афона, где к западу от устья р. Псырцха отметил два горизонта накоплений бронзовой и античной эпохи (18.V), вел сборы на верхнеанухвинской стоянке Хох-Аурум (19.V). 1 и 18 августа Л. Н. встречался с антропологом М. Ф. Неструхом, которому передал для определения человеческие кости из Андреевского и Анухвы. Затем он вел сборы на Ачандарском поселении эпохи поздней бронзы (2.VIII), совершил экскурсию в Михайловскую пещеру (3.IX), вел обследование Гумистинского кургана и поселения эпохи бронзы (2, 10.X), наблюдал за последствиями ливня в Гумской пещере, где у северной стены заложил шурф, обнаруживший скопление дробленных костей животных (8.X; 19.XI), обследовал цитадель Анакопии, которую связал с деятельностью византийских зодчих, датировав древнейшую кладку временем "ок. 541 г." (10.X), вместе с А. Л. Лукиным обследовал поселение с текстильной керамикой у Нового Афона (3.XI), вместе с военным инженером С. В. Коноваловым исследовал стены Сухумской крепости (5.XII). Помимо музейной работы и поисковых вылазок Л. Н. много работал над обобщением своих наблюдений — писал статью "Геологическая датировка эпипалеолита и неолита Абхазии", собирал материалы для очерка о характере перехода от среднего к верхнему палеолиту (IV), составил синхронистическую таблицу дат памятников Гагры, Анакопии, Сухумской крепости, замка Баграта и Каласурской стены (от V до XII вв.), при музее вел кружок юных краеведов, написал и отослал в журнал "Рыбное хозяйство" статью "Новые находки ископаемых рыб в Абхазии" — об отпечатках рыб из Верхней Эшеры, был награжден медалью "За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг."

В 1946 г. Л. Н. Соловьев в качестве заведующего отделом истории абхазского государственного музея вел большую работу по обработке коллекции и перестройке экспозиции и фондов, участвовал в различных экспедициях, много ездил и ходил; вместе с С. В. Коноваловым обследовал Анакопию, составив, в частности, описание остатков известковой печи (7.I), работал в составе комиссии по осмотру гипсового камня, обнаруженного по трассе строительства шоссейной дороги в с. Ачандара (10.I), изучал технику обработки дольменов в Верхней Эшере (18—19.I), был командирован в г. Зугдиди, где изучал коллекции музея, а по пути обследовал Илорский храм и развалины крепости Рухи, предположив в ее основании постройку древнее XVII в. (1—3.V), вел сборы галечных грузил и керамики на поселении "кобанской эпохи" на южном склоне горы Чернявского (1.VIII), был командирован в Гагру (6—14.VIII), где по просьбе Гагрского райкома партии и курортного управления Абхазской АССР развертывал экспозицию музея, возобновленного в древнем храме, обмерял и собирал материалы о времени постройки крепости, обнаружил поселение раннего бронзового века в Новой Гагре, обследовал пещеру "Ольгинский ключ" (13.VIII) и др. 19—28 августа Л. Н. вместе с Е. С. Миляновским принял активное участие в экспедиции Общества по изучению пещер при АН Грузинской ССР под руководством проф. А. А. Садовского в с. Отап, где изучал геологию района пещер Абрскила и Голова Отапа, снимал их план, фиксировал карстовые воронки, в 0,5 и 1 км от пещеры Абрскила обнаружил две верхнепалеолитические стоянки, а в самой пещере в глинах нашел кости пещерного медведя.

Помимо этого он обмерил древнюю церковь Охваме на правом берегу ручья Кяптакуара у впадения его в Галидзгу ниже озера Папанцкур (20.VIII). 1—5 сентября Л. Н. участвовал в экспедиции геологического института АН СССР под руководством проф. А. Г. Эберзина и проф. П. И. Ивченко, в рамках которой работал над установлением возраста и числа древних морских террас, сделав ряд новых наблюдений и уточнений, в частности, в Эшере, где продолжил исследование им открытых в 1936 г. месторождений ископаемой фауны моллюсков. Относительно этих находок проф. В. И. Громов позднее писал: "... только что сделанное Л. Н. Соловьевым открытие фауны на террасах Абхазии оказалось настолько важным, что уже теперь позволило поставить вопрос о пересмотре некоторых существенных заключений по геологической датировке прежде всего самих террас, а в связи с этим и приуроченного к ним палеолита". 7—24 сентября Л. Н. вместе с сотрудником Абхазского государственного музея С. Расторгуевым вел раскопки в Михайловской (Шромской) пещере, где было выявлено 7 вторичных захоронений с инвентарем II тыс. до н. э. 25 сентября—7 октября он работал в составе экспедиции АН Грузинской ССР под руководством проф. Б. А. Куфтина, по поручению которого произвел расчистку вокруг большого дольмена в Верхней Эшере (26.IX—3.X), обнаружив здесь ритуальный горшочек и пробку. Одновременно Л. Н. зачистил разрез культурного слоя на поселении Красный Маяк и посетил Михайловскую пещеру. 4—15 октября Л. Н. принял участие в работах Краснодарской спелеологической станции МГУ, проводившей по поручению АН СССР исследования пещер в ущелье З. Гумисты. Л. Н. провел разведки в пещере Иващенко (Ю.-З. склон горы Гумбиху), где выявил следы стоянки верхнего палеолита и керамику бронзовой эпохи (10.X), вновь заложил шурф в Гумской пещере, зафиксировав следы пастушеской стоянки "неолитической и раннебронзовой эпох", а в соседней пещере, открытой Л. Н. еще в 1935 г., найдены были новые залы, где под натекающими оказались кости пещерного медведя (13.X). Тогда же Л. Н. в геологическом отношении были описаны пещеры Иващенко и Шромская. 15—22 октября Л. Н. Соловьев работал в составе экспедиции Института истории искусств АН СССР под руководством проф. Барановского, когда были обследованы Драндский храм, дата которого была определена VI в., два стоящих рядом храма в с. Гупы, датированных соответственно VIII и XIV—XV вв., поселение феодальной эпохи (пифосы с "жемчужинами" и др.) у с. Заган на правом берегу Галидзги, где в толще накоплений речной террасы он обнаружил еще два пункта с ископаемой фауной (морские моллюски) (17.X). Одновременно Л. Н. осмотрел озеро Папанцкур, вел геологические наблюдения над террасами от Очамчиры до Ткварчала, вновь изучал стоянку с текстильной керамикой у Очамчиры (16.X). 23—30 октября он вновь работал вместе с Б. А. Куфтиным, ведя исследования стоянок с текстильной керамикой у Очамчиры и Сухума, где делал зачистки разрезов в заброшенных окопах на Красном Маяке. 15—18 ноября Л. Н. Соловьев показывал акад. П. П. Ефименко памятники в окрестностях столицы республики (Красный Маяк, Шромская пещера, Яштухская стоянка), а также Гудауты, где они осмотрели стоянку Кистрик.

* Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. — М., 1948. с. 272.

Кроме отмеченного, в 1946 г. Л. Н. завершил работу по устройству лапидария при музее, в котором были выставлены архитектурные детали с древних построек, провел камеральную обработку материалов из Красного Маяка (раскопки 1945 г.), прочитал пять лекций на тему "Природа и история Абхазии" (июль—сентябрь), совершил поездку в Тбилиси по вопросу издания первого тома трудов музея, на окраине Лечкопской террасы у железной дороги зафиксировал поселение античной эпохи (черепица, амфоры, гальки-грузила) (2.X), принимал активное участие в обсуждении доклада А. Л. Лукина "О новых находках в Куланурхве, Хабью, Гагре, Адзлагархуке и Новом Афоне" (10.VII).

В 1946 г. Л. Н. Соловьев много работал над подготовкой к изданию своих находок. В июле была закончена рукопись "Диоскуриада—Себастополис—Цхум", рецензентом которой был А. Н. Мелихов (28.VII), тогда же написаны несколько вариантов статьи о стоянках с текстильной керамикой ("Промысловые поселения кобанской культуры с текстильной керамикой" — 27.I; "Текстильная керамика из промыслового поселения конца бронзовой эпохи у с. Красный Маяк близ Сухума" — 12.II; "Промысловые поселения с сетчатой керамикой в Абхазии" и др.), в августе написан раздел о хронологии этих стоянок (Мачарское поселение отнесено к X—IX вв., Моквское — к VIII—VII вв., а Красномаякское поселение — к VII—VI вв. до н. э.). Тогда же Л. Н. консультировался по технологии производства соли у инженера В. Д. Воцелева. К концу года был завершён окончательный вариант работы "Древние промысловые поселения с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии", а также написана работа "Исторический обзор применения естественного камня в строительстве Абхазии", в которой, в частности, дольмены и ацангуары были отнесены к одной эпохе.

Начало 1947 года было посвящено камеральной обработке коллекций из Шромской пещеры (раскопки 1946 г.) и поселения у Красного Маяка, систематизации находок со стоянок Анухва и Кистрик, инвентаризации коллекций историко-революционного отдела. 13—18 февраля Л. Н. был командирован в Гальский и Зугдидский районы, где обмерил и описал крепости Сатанжо (14.II), которую датировал X в., и Рухи, которую включил в систему Каласурской стены и на этом основании датировал временем "значительно раньше" XVII в. В конце февраля на селище у р. Псырцха Л. Н. проследил мощность накоплений на 1,5 м. В марте он прошёл вдоль шоссе от Сухумского вокзала до Гумистинского моста, проведя сборы на Ачандарском поселении поздней бронзы и зафиксировав селища античного и средневекового времени в 150 м от моста на левом берегу Гумисты, где между шоссе и подошвой скалы подобрал дно буролакового сосуда и крышку кастрюли III—II вв. до н. э. (2.III). На поселении Красный Маяк Л. Н. обследовал пятно текстильной керамики к востоку от раскопа 1946 г. (7.III), изучал геологию, снимал схематический план и зарисовал разрезы западного края древнего берегового вала Красномаякского поселения, где выявил следы гончарного производства античной эпохи в 50 м от берега в окопе, в котором доследовал и погребение № 2, содержавшее оссуарий, прикрытый текстильным сосудом, два других сосуда, изделия из бронзы (высокая пряжка, круглая бляха с многолучевой инкрустированной розеткой, две фибулы — с елочковидным орнаментом и витая, конусовидная бляха, галечные грузила), дата которых была определена VIII в. до н. э. (9.III), продол-

жал исследовать дельту Гумисты, отмечал старицы р. Гнилушки, в 300 м от берега к северу от шоссе на поле вблизи кладбища обнаружил следы поселения—обломки текстильной керамики, галечные грузила, фрагменты античной черепицы (14—15.III), исследовал поселение бронзового века в Лечкопе (19.III; 10—15.IV). 25—30 июня Л. Н. с группой юных краеведов 4-й Сухумской школы обследовал озеро Амткел и его окрестности, описал группы дольменов в Сули и Азанте, около одного из которых был найден бронзовый топорик, изучал геологию района, историю происхождения озера, рядом с большим дольменом опустился в вертикальную карстовую шахту, зафиксировал грот Верхний, в котором заложил шурф, обнаружив обломки керамики бронзовой эпохи, а во втором этаже пещеры нашел кусок кожи с изображением человека и оленя, переплыл на плоту на северную сторону озера, где описал выходы розового гранита и минеральный источник, исследовал следы древнего оледенения в районе озера и у Цебельды. Затем Л. Н. собирал на южном склоне Анакопии обломки посуды и кремневые поделки бронзового века (8.VII), в Верхней Анухве в урочище Абаарук обнаружил еще одну палеолитическую стоянку и провел сборы орудий у подошвы скалы с гротом Агца (9.VII), продолжал изучение Каласурской стены, описав 13 башен Багмаранского участка (20—22.VII), вел исследования четвертичных отложений по долинам рек Кодор и Чхалта, где собрал коллекцию горных пород для музея, описал Чхалтинскую крепость, которую поставил с Бухлооном Агафия, собрал сведения о Гуарапском камне (10—11.VIII), с инженером С. В. Коноваловым вновь исследовал постройки Анакопии (12.VIII). С 16 по 30 августа Л. Н. Соловьев с группой школьников-краеведов снова работал в районе озера Амткел, где отметил два яруса в плотине — древнейший с лежащими поверх него моренными отложениями, и позднейший, возникший во время землетрясения 1891 г., проследил участок древнего русла Амткела между двумя завалами, отметил новые минеральные источники. В сентябре—октябре Л. Н. совершил две поездки в Красную Поляну (Адлерский р-н). В первой (11—16.IX) он совместно со ст. научным сотрудником Абхазского института А. Н. Мелиховым обследовал дольмены в Красной Поляне и в ущелье Бешенки, обмерил Ачипсинскую крепость, изучал остатки ледникового периода, обследовал окоп, где в 1942 г. было найдено богатое погребение IV—V вв., приобрел для Абхазского государственного музея происходящее оттуда серебряное сасанидское блюдо. Во вторую поездку (27.IX—4.X) Л. Н. вместе с геологом В. В. Никифоровым прошёл вдоль Мзымты от с. Эстосадок до 9-го километра ниже Красной Поляны, фиксируя древние ледниковые кары, террасы и морены, и, в частности, обнаружив на границе двух слоев Краснополянской морены остатки погребенного леса, в т. ч. вертикально стоящий ствол пихты. Затем Л. Н. Соловьев обследовал поселение бронзовой эпохи в с. Тамыш вблизи моря, подобрав среди прочего кремневую стрелку (20.XI). В течение 1947 г. Л. Н. готовил к печати ряд работ, среди которых "Керамика поселения у Красного Маяка", "История Гумистинской дельты", "Наскальные изображения и надписи в гроте у с. Анухва Абхазская", на основе своих фотографий составил альбом "Памятники старины Абхазии", для экспозиции написал картину "Строители дольменов", проводил систематические консультации школ по вопросам летних экскурсий, руководил кружками юных натуралистов и историков. Некоторые моменты из жизни Л. Н. в том году хорошо отражены

в одном из его писем: "Сборник нашего музея уже утвержден к изданию и скоро будет печататься. Музей пережил довольно тяжелые дни, т. к. на нашей территории горисполком решил строить жилой дом. В два дня сломали наши склады и флигель, где была моя квартира и рабочие кабинеты. Фонды мы разместили в музее, я получил другое помещение при музее. В виду того, что теперь музей не имеет резервов для своего роста и у него нет помещений для фондов и библиотеки, мы просим разрешить надстройку 3-го этажа; спасая фонды, я подорвал немного свое сердце и дней 10 был в постели. Все это сейчас вспоминается как контрастный сон. Но теперь все разместились и опять нормально работаем. . . " В выпущенном в том же году первом сборнике Трудов Абхазского государственного музея было опубликовано две больших статьи Л. Н. — об истории города Сухума ("Диоскурия—Сабастополис—Цхум") и о древнем соляном промысле у Сухума и Очамчиры.

В первом квартале 1948 г. Л. Н. Соловьевым была проведена камеральная обработка 16 ящиков материалов (Гиенос, замок Баграта, античное поселение на Сухумской набережной, Сухумская крепость, средневековая посуда из различных поселений, коллекции строительных известковых растворов, кирпичей, черепицы из разных памятников, коллекции из Кистрика и Азанты из сборов 1947 г.). Помимо этого Л. Н. вел сборы на Кистрике (3.I). В конце января он принял участие в Закавказском пленуме Института истории материальной культуры и ГосЭрмитажа, где выступил (29.I) с докладом о палеолитической стоянке в Анухве Абхазской. Доклад был тепло встречен — среди выступивших были П. П. Ефименко и П. И. Борисковский, одобдившие попытку выделения на этих материалах новой фации палеолита. В апреле Л. Н. совершил поездку в Атару Армянскую, где с В. И. Воротниковым осмотрел зафиксированные последние места разрушений древних могил. Тогда же Л. Н. работал над составлением таблицы соотношений памятников конца неолита — начала бронзовой эпохи. 15—21 мая он находился в командировке в сс. Охурей и Поквеш для выяснения обстоятельств находки каменной головы барана, пешком прошел от Очамчиры по левому берегу Галидзги в Охурей, по пути осмотрев Илорский храм, где были взяты образцы растворов. В Охурее Л. Н. описал развалины храма "Цальпа-Наохваму" и укрепление "Ростом-Насхапа" на обрыве левого берега Галидзги, сняв планы и записав предания и суеверия, связанные с культом святого Георгия. По пути в Пакуаш в лесу он отметил еще одни древние развалины. В с. Урта Л. Н. зафиксировал остатки укрепления в верховьях р. Куараш, а на месте находки головы барана обнаружил развалины храма, раскопанного местным населением в поисках золота, в алтаре которого лежало скопление железных наконечников стрел ("абордзал"). На обратном пути у с. Урта он обследовал развалины еще одной крепости — "Быч-икуац", параллельно изучив и описав скалистый навес Цхва-апы, четвертичные отложения террас. Затем Л. Н. Соловьев участвовал в экспедиции в урочище Ауадхара, где описал следы трех древних оледенений, речные террасы Лашипса и Ауадхары, по пути обследовав крепость Хасанта-абаа (22—28.V), позднее вместе с Г. К. Бокучава исследовал стены и кладки замка Баграта (19.VI), вел сборы керамики на вершине Сухумской горы, отмечая общие черты со вторым Очамчирским поселением и Красным Маяком (19.VI), исследовал селище у устья р. Псыр-цхи, а затем зафиксировал поселение и погребения раннего средневековья

в районе навесов на уступе над монастырем ("Орлиное гнездо") (23.VI), с группой школьников вел раскопки Гумистинского кургана, где обнаружил несколько погребений и инвентарь II тыс. до н. э. (8—18.VII), находился в командировке в г. Тбилиси (19—27.VII), где обмерил и описал крепость Нарикала, отметив в ней строительные ярусы древнее XVII—XVIII вв., работал в библиотеке им. Карла Маркса, где конспектировал работы по четвертичному периоду, а также скопировал статью И. А. Гзелишвили о кремациях в Цебельде, в Госмузее Грузии зарисовал материалы Самтавро раннежелезной и античной эпох, беседовал с Г. З. Чадлишвили о вторичных погребениях. По пути обратно в районе Сурама и Цхакая исследовал древние террасы. 1—11 августа Л. Н. вел геологические наблюдения на террасах между Гантиади (Цандрипи) и Леселидзе (Гечрипи), где выделил пять ярусов, завершил работу по организации экспозиции в Гагрском храме, передав его Курупру, побывал в с. Куланурхуа, где ознакомился с инвентарем погребения № 1, исследованного М. М. Трапшом и А. Л. Лукиным. Затем Л. Н. продолжил раскопки Гумистинского кургана (1.IX), находясь в командировке в Гагре для оказания методической помощи музею, изучал террасы между Леселидзе (Гечрипи) и Бзыбью, где у кирпичного завода "Колхида" обнаружил месторождение красок (охра, сурик и др.) (5—12.IX), будучи прикомандирован к геологической партии, вместе с геологом Г. Ф. Одинцом изучал террасы между Афоном и Гумистой, обнаружив попутно новое месторождение морской фауны в отложениях 30-метровой террасы, а на 17 км Новоафонского шоссе на берегу моря зафиксировал остатки поселения поздней бронзы (с текстильной керамикой) и античной эпохи (14—19.X). С 22 октября по 5 ноября Л. Н. был вновь командирован в Гагру для поиска полезных ископаемых, уточнял данные о местонахождении минеральных красок, собрал коллекции образцов известняков, на пятом километре шоссе на Мамзышху установил залежи мрамористых известняков, пригодных для облицовки зданий, вел наблюдения на террасах Бзыби. С 1 по 7 декабря Л. Н. находился в командировке в Очамчирском районе, где по поручению Областного комитета партии составлял справку о состоянии наиболее значительных памятников культуры, пройдя по маршруту Илори—Ачигуара—Бедиа—Квазан—Акуаска—Моква—Очамчира. По пути Л. Н. обнаружил еще одно местонахождение ископаемой морской фауны вблизи Очамчиры. В течении 1948 г. Л. Н. работал над рукописью "История абхазского побережья моря в бронзовую эпоху", написал две главы к работе "Морские террасы Абхазии" и отзыв на тезисы кандидатской диссертации И. З. Паничкиной "Палеолит Армении", по просьбе Обкома комсомола прочитал две лекции на совещаниях педагогов, пионервожатых и физруков по методике летних экскурсий, 20 лекций по краеведению в школах и на предприятиях, оказывал помощь Педагогическому техникуму в организации археолого-краеведческих кружков, провел девять экскурсий для юных краеведов по различным районам Абхазии.

1949 год начался как обычно. Камералка, поездки, записи. . . 20 марта написал отзыв на тезисы диссертации В. Н. Даниленко "Нижнепалеолитическое стоябище Круглик как исторический памятник", одновременно работал над двумя рукописями — "Крепость на горе Сатанжо и система укреплений на р. Ингур феодальной эпохи" (2 а. л. с илл.) и "История крепостного строительства в Абхазии" (7 а. л. с илл.). В последней работе были описаны крепости Гаг-

рская, Хасанта-абаа, Бзыбская, Пицундская, Мчишта, Ачипсе, Лыхны, Анакопия, Уаз-абаа, Сухумская, замок Баграта, ограда Бедиа, Сатанжо, Оцарце, Каласурская стена, Рухи и Гиенос. Одновременно Л. Н. организовал выставку надгробий с мусульманскими надписями XVII—XIX вв., чем вызвал гнев тогдашнего первого секретаря обкома А. Мгеладзе. Ученому было предложено немедленно убраться из Абхазии. 7 мая комиссия в составе Г. К. Бокучава, Ш. Д. Инал-ипа и В. С. Матиташвили приняла от "бывшего зам. директора Абгосмузея" Л. Н. Соловьева дела в целом музея и отдела истории. 9 мая Л. Н. получил расчет и, оставив жену в Сухуме, глубокой ночью перешел через Псоу*.

3. МЕЖДУ АДЛЕРОМ И СИМФЕРОПОЛЕМ (1949—1958 гг.)

Лето и часть осени 1949 г. ушли на поиск нового места работы, неоднократно "контрабандные" поездки в Абхазию, перевозку вещей. 21 мая он поднялся на Анакопию, где осматривал стены второй линии обороны, затем обследовал в окрестностях Нового Афона конгломераты с древней фауной. 5 августа он изучал растворы Драндского храма. В июне—августе вместе с товарищем по несчастью А. И. Мелиховым, также изгнанным из Абхазии, Л. Н. вновь работал в Красной поляне, где обследовал две группы дольменов, район позднеантичного могильника, Ачипсинскую и Пслухскую крепости, крепость на левом берегу Мзымты за "Греческим" мостом (Аибга), а также крепость на левом берегу Мзымты у теснины Ахцу, храмы на горе Ахун и в ущелье Хосты. 1 октября Л. Н. занял должность старшего научного сотрудника Кавказского филиала карстово-спелеологической станции МГУ, размещавшегося в Хосте. В ноябре он совместно с Т. Н. Высоцкой и А. А. Ломаевым приступил к разведкам пещерных стоянок в окрестностях с. Воронцовка, в том числе в Большой Воронцовской пещере, где в одной из ниш верхнего этажа обнаружил обломки керамики (16.XI), заложил шурф в нижнем этаже (17.XI), давший керамику и кремневые орудия (18.XI), произвел съемку нижнего зала, где на поверхности пола собрал пряслища, клиновидные топоры, костяные и кремневые пластины, отщепы, скребки и проколки (19.XI). Зимой 1949—1950 гг. Л. Н. вместе с Т. Н. Высоцкой произвел разведки в Малой Воронцовской пещере, описал круглые каменные ограды в с. Ивановка, на скате к р. Псахо, дважды побывал в Красной поляне. 12—14 декабря он вел сбор орудий в Анухве и прошел по ущелью Псырцхи. В декабре им был написан "Археологический очерк заповедника Карстово-спелеологической станции МГУ и прилегающего района".

1950 год начался с написания совместно с Т. Н. Высоцкой отчета об археологических работах карстово-спелеологической станции за 1949 г. Затем Л. Н., изучая геологию Хостинского тисово-самшитового заповедника, у входа в него зафиксировал стоянку с кремневыми и каменными орудиями (13.II), вел разведки по маршруту Гагра—Гудаута—Дурипи—Анухуа Абхазская, дополнительно изучал выявленные им ранее памятники (3—6.IV), шурфовал одно из помещений нижнего этажа Б. Воронцовской пещеры (13.IV), вместе с Н. И. Гумилевским и его учениками вел разведки в районе с. Воронцовка, заложив шурфы в Пионерской (5—6.V) и Малой Воронцовской (Партизанской) (7—12.V) пещерах. Важные работы были проведены в июне: начал раскопки III и IV входов Большой Воронцовской пещеры и площадки между ними (2—6.VI), провел разведки в 1,5 км к западу от санатория "Известия", где у шоссе были зафиксированы следы гончарной печи раннефеодальной эпохи и три стоянки с мотыжками сочи-адлерского типа, обследовал навес у Красной скалы на вос-

* Подробнее об этом: Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана — М., 1968, с. 25.

точном склоне горы Кепш на высоте 200 м над Мзымтой вблизи 32 км Краснополянского шоссе (25.VI), описал Дзыштинскую (Лиановую) пещеру на левом берегу Мзымты в верхней части Ахштырской антиклинали, где отметил наличие культурных накоплений с костяками, отщепами, черепками посуды раннебронзовой эпохи. 3—6 июля Л. Н. обследовал серию пещер и навесов на территории Ахштырской антиклинали между с. Каменка и сс. Тверское и Красноводск вблизи слияния Псахо и Кудепсты ("Пещера с нарами", "Пещера с боковой лестницей", "Навалишинская пещера", "Карстовая щель", "Даньковский яр", "Каменка", серия колодцев, гротов и пещер в скалах над рекой Псахо), зафиксировал остатки нескольких селищ каменного и бронзового века. С 19 августа по 8 сентября, а затем в октябре вместе с Т. Н. Высоцкой вновь продолжил исследования в Большой Воронцовской пещере — на площадке между IV и V входами, в Заложеном и Колокольном гроте. В тот же период он прошел по ущелью р. Псахо от теснины Ахцу до с. Лесного, оттуда до с. Галицино с заходом в Б. Воронцовскую пещеру (27—28.IX). В октябре Л. Н. удалось совершить поездку в верховья Кодора, где он, в частности, исследовал (описание, зарисовки) Генцвишский конечно-моренный вал (25.X). Затем Л. Н. вместе с Н. И. Гумилевским провел небольшие раскопки около школы № 63 в колхозе им. Чкалова (вблизи санатория "Известия"), где обнаружил сооружение из песчанниковых плит с керамикой первых веков н. э., а также зернотерки, отщепы и галечное грузило более раннего времени (2.XI), зафиксировал энеолитическую стоянку на IX террасе над обрывом к р. Хосте (2.XI). В течение года Л. Н. неоднократно возвращался к обработке материалов палеолитического времени из Абхазии, начал статью "Ближний Восток и Анухва", вносил дополнения в рукопись "О технике возведения стен в крепостях Абхазии" (18.VI), работал над статьей "К истории климата Северо-Западного побережья Кавказа" (29.X), описывал керамику Б. Воронцовской пещеры (XI) и др.

В январе 1951 г. Л. Н. Соловьев продолжал обработку материалов из Анухвы, обосновывая ее геологический возраст (20.I), работал над схемой соотношений культурных провинций палеолита (21.I) и схемой синхронизации памятников мустье Палестины, Крыма и Анухвы (20.I). Тогда же им исследовалась в колхозе "Блиново" стоянка № 6. Затем Л. Н. прошел по маршруту Хоста—Белые Скалы—Красновольск, где на правом берегу Хосты на подходе к чайсовхозу за ущельем зафиксировал мустьерскую стоянку (21.II), вместе с Н. И. Гумилевским составил карту древностей в районе Адлерского овощного совхоза между реками Хирота и Холодная, для чего в частности обследовал раннесредневековый храм, поселение феодальной эпохи, вторичное захоронение черепа в сосуде, серию стоянок "энеолитического" времени, поселение с "текстильной" керамикой и античного времени (амфоры, чернолаковая посуда и др.) (2.V). В июне Л. Н. с Н. И. Гумилевским исследовал район citrusоводческого совхоза выше санатория "Известия" (Махновский сад), где были найдены амфоры и черепица IV—II вв. до н. э., керамика раннебронзовой и энеолитической эпох и шлифованный топор (1.VI), исследовал пещеры в междуречье Хосты и Мзымты — Большую Воронцовскую (21,28—30.VI), Ахштырскую (28.VI), прошел от с. Каменка к с. Лесному со спуском к р. Псахо и ее притокам, где зафиксировал в 100 м над рекой палеолитическую стоянку, изучал историю сложения ландшафта (22—27.VI). 13 июля на имя Л. Н. был выписан

Открытый лист № 58 на право проведения разведок в Краснополянском и Сочинском районах Краснодарского края, подписанный А. В. Арциховским. В августе он встречался с А. А. Иессеном, которому рассказал об итогах исследования Заложеного и других гротов Воронцовки, и который посоветовал ему на этой основе написать кандидатскую диссертацию (1.VIII), осматривал Ахштырскую пещеру, после чего прошел по ущелью Чвижепсе (11.VIII), передал Н. И. Бурчак-Абрамовичу кости животных из пещер Андреевской, Иващенко, Кеп-Богаз, Холодный грот и Б. Воронцовка (12.VIII), изучал у с. Медовеевка геологию и следы древней дороги (14.VIII), геологию окрестностей с. Орлицы и карстовое поле вблизи Б. Воронцовки у Заповедного хребта, где описал и обмерил 85 воронок (18—21.VIII), вел разведки поселений с мотыжками в окрестностях Имеретинской бухты (28—30.VIII). В сентябре Л. Н. принял от Н. И. Гумилевского на хранение в стационар коллекцию археологических и геологических экспонатов (3.IX), проводил съемку профиля от восточной подошвы Заповедного хребта до р. Псахо, от с. Ивановка до с. Лесного и через водораздел Мзымта-Псахо до с. Монастырь (12—15.IX). Маршрут завершился спуском обратно к Псахо с переходом от с. Юрьевичи до Красновольска. В октябре Л. Н. с Т. Н. Высоцкой провел небольшие раскопки верхнего горизонта ("неолит" по С. Н. Замятину) в Ахштырской пещере, где нашел шлифованные топоры, мотыги, чернолощенную керамику, подобную Б. Воронцовке, а затем вместе с Н. И. Гумилевским шурфовал Пионерский грот, в Адлерском овощном совхозе зарисовал разрез отложений в свежевырытом колодце, на дне которого обнаружил галечные отщепы (2.X). В декабре Л. Н. исследовал геологию и террасы ущелья Мзымты у Ахштырской пещеры, отметив, в частности, древние фундаменты (церковь?) в 1,5 км ниже впадения Галицинского ручья в Мзымту на VI террасе (4.XII), на Адлерской террасе у овощной базы зафиксировал поселения античной эпохи и бронзового века (8.XII), исследовал пещеру в конгломератах Адлерского citrusового совхоза (14.XII), заложил три шурфа в Малой Ахштырской (Казачебродской, Ачхарской) пещере, где обнаружил кости пещерного медведя (20.XII), изучал геологию Большой и Малой Ахштырской пещер (27.XII). В течение 1951 г. Л. Н. неоднократно возвращался к составлению "Хронологической схемы неолита—меди—бронзы юга Восточной Европы и Кавказа" (X), продолжал работу над разделом о возрасте Анухуской стоянки (20.X), дорабатывал статью о наскальных изображениях грота Агца (27.X), вносил поправки в работу об Анухуе (28.XI), трудился над рукописью "Дополнительные соображения о взаимоотношении палеолита разных территорий СССР" (16.XII). В 1952 г. ученый успешно продолжал большую поисковую и научно-исследовательскую работу. В январе он изучал ландшафт и геологию ущелья Хосты от устья до Б. Воронцовки (4.I), вместе с Н. И. Гумилевским вел геологические и археологические наблюдения на террасах у с. Веселого (16.I), прошел вдоль траншеи нового водопровода от санатория "Известия" до школы № 63 (совхоз "Чкалов") между реками Кудепста и Псоу (28.I). 4 февраля Л. Н. обратился в Главное Управление Комитета по охране памятников культуры при Совете Министров СССР с письмом, в котором просил прекратить разрушение приморской части Сухумской крепости, осуществлявшееся в целях благоустройства набережной. Затем он выступил перед школьниками с. Веселого (25.II), вместе с И. К. Недолей вел поиск по побережью восточного устья

Мзымты до совхоза "Южные культуры", где расчистил три (женское и два мужских) средневековых погребения (инвентарь: серебряные кольца, кувшин, нож) рядом с развалинами раннесредневекового храма (8.III). В конце мая — июне Л. Н. с Н. И. Гумилевским начал раскопки на Нижнешиловском неолитическом поселении, попутно обследовав свыше 20 стоянок первобытного человека. Затем Л. Н. изучал следы морен, террасы, разрезы, ручьи по левому берегу Бзыби в районе Калдахвары (29.VI), карры и воронки в окрестностях Б. Воронцовской пещеры (6.VII), шурфовал верхний этаж этой пещеры (24.VII), исследовал ущелье Кудепсты (25—26.VII), прошел по правому берегу Мзымты от Красной Поляны до р. Пслух (31.VII), обследовал Могильную поляну и курганные насыпи у крепости Пслух, прошел до Ореховой поляны, исследуя рельеф и следы морен (1.VIII). В августе—октябре Л. Н. вел раскопки Б. Воронцовской пещеры, где исследовал грот Тоннель (4—31.VIII; 1, 4—30.IX), Очажный грот (30.IX; 2—14, 20—21.X) и площадки между III и IV входами (11, 13, 14.IX), делал прирезки к раскопам 1950 г. (13—24.IX). В перерывах совершал поездку в Пицунду, где беседовал с А. М. Апакидзе и осмотрел раскопки храмов, кастеллу, мозаику и надпись (3.IX), исследовал морфологию Припещерного ручья (2.X), рисовал панораму Ахцу-Агуа и района Воронцовской пещеры (5.X). В ноябре—декабре Л. Н. со школьниками из кружка Н. И. Гумилевского (14 человек) по выходным дням вел раскопки Нижнешиловского поселения (7, 16, 21, 23.XI; 2, 7.XII), исследовав, в частности, землянку, датированную предварительно "ранним энеолитом", затем в одиночку занимался обмерами и зарисовками на этой стоянке (12.XII), после чего прошел пешком до с. Веселого, описав по пути озеро в уроч. Черешня. Много сил отдал Л. Н. в 1952 г. подготовке к защите диссертации. В начале года окончательно созрела мысль о такой необходимости. Сразу же возникло препятствие — при переездах потерял диплом об окончании Харьковского университета. Пришлось обратиться в ВАК за разрешением сдавать кандидатские экзамены без диплома. Такое разрешение было получено. Дальнейшие события хорошо передает письмо Л. Н., написанное им 17 мая на пути из Киева: "Я полагал к майским дням вернуться в Адлер, но мое путешествие затянулось. Начну по порядку. Море было ко мне ласково. Целые дни я сидел на палубе парохода. Видимость была хорошая и можно было сделать некоторые геоморфологические выводы о погружении Большого Кавказа. В Новороссийск приехали вечером. Я сошел на берег и сейчас же покрылся пылью. Какая бедная, чахлая природа! В Ялте я застал первые распускающиеся листья. Как жаль, что мы шли далеко от Феодосии и не виден был Ваш Карадаг. Гору Медведь и "Медвежонок" я видел близко, зелень еще не распустилась и они были серые. В Одессе была ранняя весна. Первая зелень — каштаны распустились при мне."

Одессу я не смог полностью посмотреть, но все же был в театре, т. к. это одно из "семи чудес мира". И снаружи, и внутри это роскошная бомбаньерка, сделанная со вкусом.

Я обложился различными пособиями и все время занимался несмотря на то, что после гриппа у меня до боли резали глаза. Я сдал на "хорошо" основы марксизма-ленинизма и французский язык. Т. к. обратного теплохода не было, я решил за оставшиеся 5 дней сдать экзамен по истории народов СССР. Я всегда любил историю и хорошо ее помнил. Поэтому я сдал на "отлично". После

этого А. Н. Мелихов, у которого я остановился, стал меня упрекать, что я не довожу дело до конца и уговорил меня ехать в Киев сдавать последний экзамен по археологии. Он ссудил меня деньгами и я поехал в Киев, где остановился у П. П. Ефименко. Он предупредил, что экзамен будет серьезный, без снисхождений к моим археологическим заслугам. Накануне экзамена выяснилось, что мне надо сдавать два экзамена — по палеолиту и по остальному курсу археологии. 15-го я выдержал на "отлично". Я так устал, голова перестала работать, я днем засыпал. Все это я почувствовал после последнего экзамена и тогда я решил, что имею право на отдых, а отдых заключался в том, что я поехал в Симферополь не железной дорогой, а пароходом по Днепру до Запорожья с тем, чтобы оттуда автобусом или ж. д. добраться до Крыма. Вот почему я сейчас сижу на палубе "Ломоносова", любуюсь на "Ланы широкополы", на Днипро, на кручи. В бинокль изучаю обнажения и знаменитые мустьерские стоянки у порога Кодак. Днепр сейчас величествен, широкие весенние разливы еще не спали. Сначала мы ехали пойменными лесами и вечером для нас пели соловьи. Сейчас второй день путешествия — бывшие пороги. В Кременчуге сходил на берег и бродил по развалинам этого на 80% уничтоженного немцами города. Приближаемся к Запорожью. 18-го надеюсь быть в Симферополе, а 21-го там начнется сессия Крымского филиала по вопросам истории и археологии. Поэтому вернуться не ранее 26—27 мая. . . " В Одессу Л. Н. плыл на теплоходе "Грузия", где 20 апреля рисовал моряков.

В течении 1952 г. Л. Н., помимо подготовки диссертации, много работал над различными рукописями: "О Келасурской стене" (16.II), "Погребальный обряд на побережье Абхазии" (23.II), "Схема террас Таманского полуострова и Восточного Причерноморья" (1.VI), "Значение стоянок первобытного человека для изучения карста побережья Абхазии (XI). В декабре написал две статьи для местных газет — "Молодые исследователи" и "Летние работы красведческого кружка при школе с. Веселое".

В начале 1953 г. Кавказский филиал в Хосте был реорганизован в Кавказский стационар при Крымском филиале АН СССР. Об этом в одном из писем Л. Н. говорилось следующее: "... опасения частично оправдались: Я. Д. Козин отнесся к археологии с большим предубеждением. Все мои старания убедить его в необходимости сохранить археолога (Т. Н. Высоцкую) в штате стационара были бесполезны. Мои позиции были слабы еще и потому, что приказом уже были уволены все научные сотрудники и я в том числе "ввиду изменения профиля работ стационара". После все же Козин предложил мне заведовать стационаром, но я сначала отказался. Роль администратора мне совсем не улыбалась. На следующий день меня однако вызвали и, получив обещание, что у меня будет помощник по адм. хоз. части (В. С. Козлов) и зав. заповедником (В. В. Мелких), я принял предложение. . . " Параллельно с решением этого важного в биографии ученого момента, Л. Н. принял активное участие в проходившей в те дни в Симферополе научной сессии. "Сессия прошла, — отмечал он в том же письме, — на высоком уровне критики и самокритики и дала много в смысле принципиальных установок, но, к сожалению, не были обсуждены интереснейшие находки крымских археологов, позволяющие поставить вопрос о весьма давнем (с III в. н. э.) появлении восточноевропейских славян в Крыму. . . Встретился со старыми знакомыми, познакомился с новыми. Просмотрел кол-

лекции музеев: члены сессии, и я в том числе, посетили Бахчисарай и Севастополь, из которого я уехал 26 лет назад. Там все переменялось, ничего не узнать. Шульц встретил меня приветливо. Такое же отношение я встретил и среди крымских археологов, которые сверх ожидания хорошо меня помнят. Они хорошие люди и хорошие работники. . . В частности Ю. Г. Колосов обещает быть хорошим археологом. Очень жаль, что не могу его иметь на Кавказе своим помощником, может удастся устроить его приезд летом. . .

4—9 января 1953 г. Л. Н. Соловьев совместно с Н. И. Гумилевским продолжил раскопки верхнего горизонта в Ахштырской пещере, обнаружив мотыжки “сочи-адлерского” типа и керамику бронзовой эпохи. В апреле он обмерял Малую Ахштырскую (Казачебродскую) пещеру (7.IV), замерял разрезы культурных слоев Нижнешиловской стоянки (13.IV), затем исследовал террасы р. Мзымты у Монастыря и Кепши (12.V), копал площадку у входа Б. Воронцовской пещеры (23.V), вместе с И. К. Недолей продолжил раскопки погребений у храма в парке “Южные культуры”, где выявил еще три захоронения в черепичных ящиках, прикрытых мраморными плитами с орнаментом VI в.* Летом Л. Н. исследовал стоянку каменного века у с. Каменка, где собрал 20 отщепов и пластин позднепалеолитического времени (26.VI), изучал Хостинский известковый карьер, где следил за скоростью образования натечных сталактитов и произвел зачистку культурного слоя на южном краю Нижнешиловской стоянки (29.VII), вместе с Н. И. Бурчак-Абрамовичем работал над определением костей из Воронцовской пещеры (23.VIII), затем с Н. И. Гумилевским зафиксировал Брекчиевый грот в Бзыбском ущелье (25—26.VIII), вел разведки в ущелье р. Троицкой между Михельрипшем и БагнарГЭС, где обследовал несколько гротов, две двухъярусные пещеры на левом берегу реки и заложил шурф в пещере Акопа (три горизонта, содержавшие средневековую посуду и кремневые пластины) на правом ее берегу (28—29.VIII). В сентябре—октябре Л. Н. вновь вел раскопки в Большой Воронцовской пещере, где копал грот Тоннель (26—28.IX), Очажный грот (5.IX), площадку IV входа (5—20, 23—25.IX; 2—4.X), обследовал по соседству Длинную (23.IX) и Южную пещеры. Затем Л. Н. с Н. И. Гумилевским исследовал стоянку Псоу (7.X) и пещеру Ущельная (1.XI), заложив шурф в Брекчиевом гроте (5.XI), произвел обмер Хашупской крепости (21.XI), продолжил исследования верхнего горизонта Ахштырской пещеры, обнаружив раннесредневековые остатки с кермикой “салтовского” типа (9.XII), прошел по третьему береговому валу от устья Псоу до Мзымты, собирая обломки древней посуды и галечные грузила (30.XII).

В течении 1953 г. Л. Н. Соловьев работал над многими рукописями, среди которых статьи и наброски “Возраст Воронцовской пещеры в связи с общей историей рельефа и данными археологических раскопок. 1950—1953 гг.” (2 п. л.), “Культурно-технические связи на Северо-Западном побережье Черного моря в эпохи неолита—меди—бронзы” (2.I), “К истории одомашнивания животных на северо-западном побережье Кавказа” (8.II), “К вопросу взаимоотношения культурных групп эпохи палеолита (на примере Анухвинской культуры)” (17.II), “Возникновение рода” (19.II), “К вопросу о классификации палеолита” (28.II), “Грот Хупынипшахва в долине р. Кодор” (26.II), “Воронцовская пещера

и Нижнешиловская стоянка (вариант диссертации)” (2.III), “Стратиграфия Нижнешиловской стоянки” (6.III), “Древнечерноморская трансгрессия и дальнейшая история северо-западного побережья Кавказа” (7.III), “Когда возникло мореходство в Черном море” (III), “О поведении медведей” (13.III), “Развитие культуры палеолита” (30.III), “Об опыте краеведческой работы Н. И. Гумилевского” (для “Учительской газеты”) (1.VI), “О возрасте Черноморских террас” (13.X), “Сравнительная схема движений страны (отголоски тектонических фаз) на морском побережье Сочи-Адлерского района и хребта Ахцу” (31.XI), “Схема морских террас северной части Черноморского побережья Кавказа” (X) и др.

В январе 1954 г. Л. Н. Соловьев ездил в Гудауту для уточнения данных о стратиграфии Кистрика (4.I), вместе с Н. И. Гумилевским продолжил раскопки в Малой Ахштырской (Казачебродской) пещере, где отметил два горизонта — феодальной (керамика) и бронзовой (отбойники, гальки, осколки, кости животных и др.) эпох (8—9.I), затем работал над структурой дельты Мзымты-Псоу. В середине января Л. Н. съездил в Симферополь с отчетом и для участия в сессии по археологии Крыма. По возвращении он исследовал трассу водопровода на территории Адлерского овощного совхоза в том месте, где она разрушила поселение античного времени (амфора, кувшины, чаши с буролаковым покрытием III—I вв. до н. э. и др.) (26.II). Весной Л. Н. описывал натечные сталактиты в пещерах “Большая щель” и Длинная, вел геологические наблюдения в районе с. Казачий Брод (14, 29.III), исследовал поперечную долину р. Гумарея у Нижней Шиловки (7.III; 31.IX), продолжал раскопки Малой Ахштырской пещеры (18.IV), совместно с Н. И. Гумилевским провел раскопки двух навесов в Лавинной балке на 14-ом км Рицинского шоссе. Кости из этих навесов были затем отправлены на определение в Киев проф. И. Г. Пидопличко. В июле Л. Н. продолжил исследования Воронцовской пещеры, где в боковой нише большого зала раскопал погребение (16.VII). В сентябре он продолжил здесь раскопки, уделив главное внимание Очажному гроту (12—13.IX), верхней площадке (8—9.IX), нижней пещере (10.IX) и северной нише Большого зала на верхнем этаже (11.IX). Результаты этой деятельности получили освещение в местной печати.* 30 ноября Л. Н. ездил к Блиновским озерам, где исследовал геологию и древние стоянки.

В течении 1954 г. Л. Н. Соловьев много работал над обобщением результатов своих исследований. В январе—марте им были завершены для сборника “Палеолит и неолит СССР” статьи “Настенные изображения грота Агца в Абхазии”, “Стоянка времени позднего мезолита в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии”, “Шиловская неолитическая стоянка близ г. Адлера” и “Псоуская стоянка раннего медного века близ г. Адлера”, которые он с приложением статьи Н. И. Бурчака-Абрамовича о фауне Холодного грота отправил в редакцию сборника 29 марта. Названия других рукописей, подготовленных Л. Н. в этот период, звучали так: “Значение стоянок первобытного человека для четвертичной стратиграфии” (I), “Стратиграфия поселений с текстильной керамикой” (4.I), “Соляные промыслы бронзового века на Черноморском побережье Кавказа” (I—IV), “Схема стадий отступления ледни-

* И. Недоля, Прочитанные страницы, Находка археологов на территории совхоза “Южные культуры” — КЗ, 14 июня 1953 г.

* К. Иосифов, Поход в Воронцовские пещеры. — КЗ, 17 ноября 1954 г., с. 3.

ков последнего оледенения Большого Кавказа" (20.IV), "Сравнительная схема черноморской трансгрессии и связи с ней стоянок неолита и бронзы" (30.I), "Сравнительная схема пещерных отложений северной части Черноморского побережья Кавказа" (6.XI), "О времени заселения Холодного грота" (6.XII), а также наброски "Ископаемая фауна на Тамани (в сравнении с террасами Абхазии)" (24.III), "К вопросу о происхождении восточных славян" (VI), поправки к "Схеме террас Черноморского побережья Кавказа" (6.XI) и др.

В первой половине 1955 г. Л. Н. Соловьев продолжал исследования Адлерского района. В 20-х числах января он вновь побывал в Крыму, куда отвозил отчет и где много общался с П. Н. Шульцом (22.I) и другими местными археологами. Затем Л. Н. с И. К. Недолей вел разведки в окрестностях Адлера (4.II), обрабатывал материалы Воронцовской пещеры и Нижней Шиловки, начав рукопись "Начало земледелия в Адлерском районе", вместе с Н. И. Гумилевским по выходным дням продолжал раскопки Нижнешиловской стоянки (6.III—24.IV), работал над схемой "Положение Новозвксинского днища речных долин Черноморского побережья Кавказа" (10.III), исследовал ряд пещер в районе Белых скал, в окрестностях одной из которых ("Школьная") зафиксировал неолитическую стоянку, а в ней самой заложил шурф (4 x 4 x 5,5 м), давшей кости пещерного медведя (2—8.IV), а затем вел обработку материалов из Большой Воронцовской пещеры.

В мае 1955 г. Кавказский стационар был расформирован, и Л. Н. Соловьев вынужден был переехать на работу в Крым на должность младшего научного сотрудника Крымского филиала АН УССР. 24 мая он долго беседовал с П. Н. Шульцем на предмет выбора темы, остановившись на береговой керамике (с. Каменка, с. Чала, Шпаковская стоянка и др.). В июле—августе он вместе с Ю. Г. Колосовым приступил к широкому геолого-археологическому обследованию Ай-Петри, где работал в составе отряда отдела карстоведения Крымского филиала под руководством Б. Н. Иванова. В ходе этих работ он собрал коллекцию кремневых орудий и отщепов в 300 м. от пос. Шишко на дороге в Бахчисарай, зафиксировал стоянку неолита и мезолита в 500 м по дороге на зубцы Ай-Петри у малой котловины (15.VII), собрал несколько десятков отщепов, сегментов и двустороннеобработанных орудий на местонахождении № 1 (27.VII), прошел от северного борта долинообразной депрессии против зубцов Ай-Петри к Бахчисарайскому шоссе, проведя в ряде пунктов сборы кремневых орудий (30.VII), обследовал Большую Восточную котловину в Ай-Петри, описав свыше 700 обнажений и собрав в них коллекцию в 716 мустьерских орудий (1—9.VIII), вел описание почв у электростанции Ай-Петри (10.VIII), вместе с Ю. Г. Колосовым описывал стоянки около упомянутой электростанции (24.VIII), изучал четвертичную геологию местности вокруг Сюреньских навесов на правом берегу р. Бальбек, где беседовал с Е. А. Векиловой (25.VIII), исследовал стоянки Шишко-2а и 2б, воронку № 895 (26.VIII), раскопал каменный ящик у пос. Шишко (27.VIII), составил описание разреза почв на западном склоне Ай-Петри, описав стоянку Шишко-2б и еще 4 пункта. В течение второй половины года Л. Н. были написаны "Справка об истории образования Сюреньских гротов в Крыму" (2.IX), наброски статей "Сходные черты керамики Крыма и Кавказа (на материалах стоянок Шпака и Очамчиры)" (26.XI), "О дате Кистрика" (2.I), "Периодизация кавказской археологии (схема)", "Про-

грамма описания равнинных участков Ай-Петри" и др. 6 декабря он принял участие в обсуждении доклада К. А. Бредо о памятнике ямной культуры в с. Михайловское, после чего имел длительную беседу с А. Д. Столяром о проблемах кавказской археологии.

В 1956 г. Л. Н. Соловьев продолжал исследования Крыма. В январе он обработал материалы стоянок Шпака и Питомника (поздний мезолит, неолит, бронза, поздняя античность) (14.I), с Б. Н. Ивановым обсуждал результаты анализа отобранной там пыльцы (15.I), затем принял участие в совещании по изучению карста в Москве, созванном отделением геолого-географических наук АН СССР (30.I—3.II). Доклад Л. Н. "О возрасте карста Северо-Западного Кавказа" был квалифицирован (Н. И. Соколов, О. Н. Бедер и др.) как "очень удачная попытка выяснения истории развития карста в районе Хосты, путем сопоставления данных археологии и геоморфологии".* На этой основе совещание приняло решение о восстановлении Адлерской карстовой станции с начала 1957 г. Позже Л. Н. вновь исследовал поверхность Западного плато горного Крыма (29.II), участвовал в обсуждении доклада А. Д. Столяра "К вопросу об области одомашнивания свиньи на юге СССР", заслушанного на заседании археологического отдела Крымского ФАН УССР (7.III), утвердил на отделе индивидуальный план исследований по Крыму (Крымский вариант катакомбной культуры и его связи с Кавказом и Северным Причерноморьем; неолит Крыма; стратиграфия пещерных стоянок Крыма от палеолита до неолита) и Кавказу (взаимосвязи Праколхидской и Кабардино-пятигорской культур с катакомбной крымской; неолит черноморского побережья Кавказа — Нижняя Шитовка и Кистрик) (9.III), принял участие в Пленуме института археологии АН УССР в Киеве, где, в частности, выступал по проблеме ямной культуры (28.III). Затем Л. Н. обследовал плато на правом берегу реки Альма в 3—4 км от Альминского водохранилища (3.IV), проводил шурфовку в районе оборонительных стен Неаполя Скифского (8—10.IV; 29.VI), вел геологический и археологический поиск в районе пещеры Чекурча на левом берегу Салагира (25.IV), с Б. Н. Ивановым собирал материалы по стратиграфии покровных отложений Крымской яйлы (23.V), описал Холодную балку в районе мустьерской стоянки у с. Н. Ячмурцы вблизи шоссе Симферополь—Севастополь (27.V), с сыном проводил археолого-географическое обследование окрестности стоянки Староселье в окрестностях Бахчисарая (8—9.VI), исследовал балки Кайли-дере у горы Бештау (29.VI). В июле Л. Н. вел разведки у с. Курицы (7.VII), обследовал Длинный грот (Узун-Коба) на нижнем плато Чатырдага (северный склон) (8.VII), с горным инженером В. И. Гордеевым беседовал об архитектурных памятниках Кабарды (11.VII), участвовал (совместно с П. Н. Шульцем, Н. И. Соколовым, Б. Н. Щаповым, В. И. Гордеевым и П. П. Алексеевым) в составлении "Протокола осмотра остатков гидротехнических сооружений близ городища Неаполь Скифский" (29.VII). 8—31 августа Л. Н. участвовал в раскопках П. Н. Шульца на г. Кошка, затем подобрал в Бахчисарае ниже дворца кремневый скребок (2.IX). Основная часть сентября ушла на совместные с А. А. Щепинским раскопки курганов бронзового века (два погребения катакомбной культуры) в уроч. Абдала близ Симферополя. Тогда же они обнаружили стелу с изображе-

* Известия АН СССР, серия геологическая. — М., 1956, № 7, хроника.

нием танцоров вблизи с. Казанки (Альминское водохранилище). С 16 октября по 6 ноября Л. Н. Соловьев находился в командировке в Ереване, по пути к которому посетил Новороссийск, Геленджик и Сочи, где работал в музеях. На Ереванском совещании по археологии Кавказа на секции древней истории он сделал доклад "История заселения Воронцовской пещеры в эпохи неолита и бронзы", а также выступал по докладам А. А. Иессена и Ф. Н. Тавадзе, затем работал в библиотеках и археологических фондах Государственного музея Армении и института истории АН Армянской ССР, посетил Гарни, Двин, Звартноц, Эчмиадзин и Арзни.

В течении 1956 г. Л. Н. Соловьев много сил вложил в завершение и продвижение своей кандидатской диссертации "Первобытные стоянки Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология", представленной в ИИМК в начале марта. В этой связи А. П. Смирнов писал ему: "При всем нашем уважении к Вам и высокой оценке Ваших трудов мы не сможем так быстро организовать защиту, как бы Вам хотелось. До сессии остается слишком мало времени". . . (12.III). 21 апреля Е. И. Крупнов сообщал Л. Н. следующее: "Сегодня на секторе неолита и бронзы ИИМК обсуждался Ваш автореферат и было вынесено решение. . . Я внимательно прочитал Ваш автореферат, просмотрел диссертацию и дал положительный отзыв. . . (оппонентами выделили) Пиотровского и меня. Я предлагал Иессена. . . Я лично сделаю все от меня зависящее, что бы содействовать Вашему успеху". Защита была намечена на ноябрь 1956 г. Однако в связи последовавшими летом того же года изменениями правил допуска к защите Л. Н. было предложено изменить тему диссертации в соответствии с имеющимися публикациями, либо подождать до издания материалов Большой Воронцовской пещеры (письмо Е. И. Крупнова от 19.9.56). Л. Н. пришел сначала в отчаяние и обратился с письмом в ИИМК разрешить ему защиту в порядке исключения по старым правилам, поскольку, как он писал: "мне 62 года, я работаю уже около 35 лет в области археологии и в смежных частях геологических дисциплин, опубликовано 13 моих работ". Однако нашел тут же в себе силы смириться и взяться за переработку диссертации.

В 1956 г. Л. Н. много трудился над различными рукописями. В мае писал статью "Реконструкции древнего ландшафта Ай-Петринского яйлы", которую закончил словами: "Крымскую яйлу надо в короткие сроки перевести на положение частичного заповедника и заставить ее давать больше воды народному хозяйству Крыма". К концу года он вчерне написал шесть глав (Предледниковое время; Палеолитический человек в Крыму; Переход от палеолита к неолиту в Крыму; Неолит в Крыму; Энеолит в Крыму; Медно-бронзовый век в Крыму; Переход от бронзы к железу) для монографии по археологии Крыма, а также статьи "Первобытный человек на Ай-Петринской яйле" и (совместно с Ю. Г. Колосовым) "Стоянки первобытного человека на Ай-Петринской яйле". В октябре отослал в печать статью "История заселения Воронцовской пещеры в эпохи неолита и бронзы", в течении года работал над списком памятников Крыма, подлежащих охране (от палеолита до современности), написал текст памятки "Охраняйте памятники культуры — неприкосновенное народное достояние". В отделе археологии Крымского филиала Л. Н. сделал три доклада "О первобытных стоянках Воронцовской пещеры", "О возрасте береговых стоянок Крыма типа Челки—Опук—Киммерий (1900—1600 гг. до н. э.)" и "О всео-

юзном совещании по археологии Кавказа". В ноябре он продолжил работу над "Схемой корреляции ходообразования Воронцовской пещеры, морских террас Черноморского побережья Кавказа и стадий отступления последнего оледенения". В течении года Л. Н. неоднократно возвращался к "Схеме корреляции дат археологических памятников Восточной Европы и Причерноморья" (1.III; 19.IV; 18.VIII; 10.XI), начал работу над "Схемой относительной хронологии палеолита Юга СССР", собирал материал для "Археологической карты Крыма", рецензировал работу А. А. Щепинского "О раскопках курганов в пос. Марьино у Симферополя в 1955 г." (17.XII). Помимо тезисов доклада на Московском совещании по карсту, им в рассматриваемом году была опубликована статья "Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа". Тогда же Л. Н. потратил много сил на координацию работы по приведению в порядок коллекционного фонда отдела, занимавшего три хранилища, множество каталогов, книг учета, стеллажей, лично составил описи коллекций 1955—1956 гг., консультировал Симферопольский областной музей по устройству экспозиции археологического отдела, входил в комиссию по приемке заказанных музеем картин на исторические темы. В конце 1956 г. писал А. А. Иессену: "Я сейчас оторван от кавказских исследований, занимаюсь поневоле крымскими скифами, организацией хранения научного фонда и другими важными и нужными делами, но "большой темы" в Крымских делах пока не нашел и все мои помыслы естественно обращены к Кавказу, где остается незаконченной тема "Стратиграфия археологических памятников Северо-Западного побережья Кавказа". Затем Л. Н. сообщил, что в Симферополь приезжал Н. И. Соколов, которому было поручено восстановление Кавказского стационара и с которым Л. Н. пришлось поехать в Адлер и заниматься поиском помещения, т. к. прежний дом был заселен. "Это обстоятельство, — заключал Л. Н., — важно для меня и потому, что дает надежду соединиться моей разбросанной по белу свету семье. Жена стережет квартиру и коллекции в Адлере, а сын сейчас проходит практику в Белоруссии. . .".

В начале 1957 г. Л. Н. Соловьев, отвечая Е. И. Крупнову на новогоднее письмо, писал: "Я очень признателен Вам за сообщение об имеющихся вакансиях в лаборатории сейсмологии. . . Но я уже договорился прочно с Лабораторией карста в составе Кавказского стационара гидрологии и инженерной геологии в Адлере. С 1.II или 1.III я начну там работать. . . Они предлагают мне этим летом провести дальнейшие раскопки в Воронцовской пещере". В январе—марте Л. Н. завершил главу "Палеолит" для "Очерков по истории древнего Крыма", а также написал палеогеографическую характеристику эпох мезолита, неолита и бронзы для следующих глав "Очерков", обрабатывал материал и писал отчет о работах 1956 г., продолжал деятельность по хранению фондов, вновь обследовал обнажение 716 в конце балки № 9, составив типовую схему разреза покровных отложений Ай-Петринской яйлы (21.I), беседовал с В. В. Богачевым о фауне моллюсков (1.II). В феврале—апреле Л. Н. работал над статьями "О ранних связях фатьяновской, среднелепетовской и майкопской культур" и "К проблеме образования террас" (27.II), конспектировал работу О. Н. Бадера "Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции" (8.IV), собирал материалы по теме "Палеогеография Крыма в доисторическое время", написал

тезисы доклада "Палеолит Крыма" и черновой вариант работы "О катакомбной культуре" (К вопросу о происхождении катакомбной культуры; Кавказские элементы в катакомбной культуре Крыма и Юга СССР; Крымский береговой вариант катакомбной культуры). Вторую половину марта провел в Адлере, в окрестностях которого с Н. И. Гумилевским вел сборы на энеолитической стоянке у поселка "Мурманрыба" и в урочище "Махновский сад", где подобрал обломок зернотерки (14.III), исследовал береговые валы у стоянки Псоу (21.III) и др. В начале мая писал статью "Об экспансии протокатакомбных племен на юг", а затем отправил Н. И. Бурчак-Абрамовичу еще одну коллекцию костей из Холодного грота и Кеп-Богазы (7.V).

25 мая 1957 г. Л. Н. Соловьев прописался вновь в Адлере по ул. Черноморской, 3. С 1 июня по 15 ноября под общим руководством руководителя Карстового отдела Адлерской станции Лаборатории гидрогеологических проблем АН СССР, доктора геолого-минералогических наук Н. И. Соколова Л. Н. продолжил раскопки Большой Воронцовской пещеры. В этой работе принимали участие сотрудник сочинского музея краеведения Б. И. Мерзлякова, Н. И. Гумилевский со своим краеведческим кружком, 10 школьников из Одессы. В пещере исследовались площадка у входа (6—30.VII; 6—8, VIII; 18—23.IX), грот Тоннель (6—8, 28—30.VIII; 3.IX; 11—13.XI), Колокольный грот (4—17, 24—26.X; 13.XI), Очажный грот (27.IX—4.X; 10—13.X; 14.XI) и другие объекты*. В перерывах Л. Н. изучал тектонику пещеры (23.VIII), прошел от пещеры по ущелью Кудепсты вниз до моря (28.IX), с женой, сыном и группой краеведов обследовал ущелье Бешенки у Красной Поляны (28.VI), с Н. И. Гумилевским описал 4 стоянки с мотыжками у пос. "Мурман-рыба" (30.VI), совершил краткую поездку в Сухум, где сделал доклад в Абхазском институте о связях абхазских племен с древним Востоком, получив тогда же приглашение вернуться в Абхазию (VI). В этой связи Л. Н. в начале июня писал А. А. Щепинскому: "Мне хотелось бы иметь Вас моим заместителем по части исследования пещер Адлерского района, т. к. я заметил в Вас интерес к геологической обстановке. Мои же собственные личные и научные интересы тянут меня в Абхазию, куда я, вероятно, переберусь в будущем году". 1—4 августа Л. Н. вел исследования в окрестностях Адлера с Ю. К. Каминским, затем сотрудничал с экспедицией Н. В. Анфимова по исследованию средневековых памятников Сочинского района. 19 октября Л. Н. изучал террасы правого берега р. Псоу и одноименную стоянку. 6 ноября он вместе с Н. И. Гумилевским возобновил раскопки Школьной пещеры на левом берегу Хосты за Белыми скалами (шурф размером в 4 кв. м. дал серию кремневых отщепов и кости пещерного медведя), а затем вновь обследовал сухой северный грот Дзыхринской пещеры, где в выбросах кладонистых собрал орудия из кости, отщепы из сланца, обломки керамики бронзового века. Тогда же Л. Н. исследовал пещеру Черную в ущелье р. Троицкой (Пхиста), где раскоп (2 x 0,5 x 0,1 м) у входа дал материалы феодальной и неолитической эпох, продолжил изучение памятников Хостинской тисово-самшитовой рощи, где взял образцы растворов из стен крепости, по которым ее дату определил IX—X вв., и произвел зачистку в Самшитовом гроте у нижней тропы, где установил отсутствие следов обитания (3.XI). Помимо этого

* Об одном из эпизодов этих исследований рассказывается в обширном очерке: Б. Тихомолов, Путешествие в прошлое, — КЗ, 16 февраля 1958 г., с. 3.

Л. Н. много сил вложил в доработку своей диссертации, совместно с Н. И. Соколовым написал статью "Возраст верхнего этажа Воронцовской пещеры", снова возвращаясь к описанию материалов из Холодного грота (5.I; XII), беседовал с Ю. Г. Колосовым о новых находках на Ай-Петринской яйле (20.XI), вносил поправки в схему относительной хронологии палеолита СССР (15.XII), уточнял схему приустьевой части Большой Воронцовской пещеры (27.XI), пополнял картотеку крымской керамики (3.XII), работал над проектом памятника А. А. Бестужеву-Марлинскому в Адлере (поэта изобразил сидящим на корнях большого дерева) и др.

Первая половина 1958 г. была почти полностью посвящена диссертационным делам. В перерывах продолжались экскурсии, работа над рукописями: разрабатывал типологию орудий из Холодного грота (13.I), совместно с А. А. Щепинским писал статью о Холодной балке (20.I), затем работал над очерком "Геологические условия поселений с текстильной керамикой", с Н. И. Гумилевским и учениками Хейванской школы вел разведки на террасах выше железной дороги к западу от р. Лапста, где, в частности, нашел ашельское рубило (1.II).

24 апреля между 16 и 19 часами на заседании ученого Совета Института истории материальной культуры АН СССР (протокол № 6) состоялась публичная защита кандидатской диссертации Л. Н. Соловьева "Первобытные стоянки Очамчыры и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология". Из членов ученого совета на защите присутствовали Б. А. Рыбаков (председатель совета), С. В. Киселев, А. Д. Удальцов, Д. Б. Шелов, Е. И. Крупнов, В. Д. Блаватский, Н. Н. Воронин, А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, М. М. Кобылина, А. В. Збруева, П. Д. Либеров, К. Ф. Смирнов, Б. Б. Пиотровский, Н. Я. Мерперт (секретарь совета), О. Н. Бадер, А. Л. Монгайт. Официальными оппонентами были Б. Б. Пиотровский и Р. М. Мунчаев. В дискуссии приняли участие А. А. Иессен, Н. И. Соколов, Б. Б. Пиотровский. На защите были оглашены отзывы П. И. Борисовского и С. Н. Бибикова. За присуждение ученой степени было подано 16 голосов, против — 1.

Май и начало июня ушли на подготовку к переезду в Сухум. 9 июня он получил официальный расчет в Адлерской станции. На следующий день он стал младшим научным сотрудником Абхазского института — период скитаний кончился.

4. АБХАЗИЯ ДО КОНЦА (1958—1973 гг.)

В июне — начале июля 1958 г. Л. Н. Соловьев готовил отчет за первое полугодие для Адлерской комплексной станции, куда вместе с ним отослал для публикации в трудах станции статью "О возрасте и темпах развития верхнего этажа Большой Воронцовской пещеры". С 13 июля по 13 сентября он в качестве заместителя начальника Анакопийской экспедиции принял активное участие в исследованиях башен № 3, 4, 5 и 6, а также раскопов № 1—3 и 5 (возглавлял экспедицию М. М. Трапш, сотрудничали Ш. Д. Инал-ипа, О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Левинадзе, Л. А. Шервашидзе, В. П. Пачулиа, В. В. Бжапия, В. С. Орелкин), лично завершив раскопки башни № 5 и приняв участие в исследованиях известковой печи (24—31.VIII), в строительном горизонте которой он обнаружил краснолощенную керамику, участвовал в камеральной обработке всей коллекции, в частности проводя статистическую обработку керамики по горизонтам и отметив "текстильную" и другую посуду более раннего времени (2.IX). На этой основе им были написаны "Материалы к отчету о раскопках в Анакопии в 1958 г.", в котором были подробно описаны все перечисленные выше объекты. С 19 сентября по 8 октября Л. Н. был командирован в Гагрский район, где у пос. Леселидзе и Бароновки вместе с Н. И. Гумилевским обследовал девять стоянок палеолита и три — неолита, а также остатки раннесредневекового гончарного производства, встречался и беседовал по поводу Нижней Шиловки в Сочи с А. Д. Столяром, с которым осматривал разрез берега у этой стоянки (26.IX), изучал морские террасы у правления колхоза им. Чкалова (Кудепста) и у школы № 63 (3.X). С 4 по 18 ноября, как всегда, за свой счет ездил в командировку для разборки и описания материалов из школьных краеведческих музеев Адлерского района. 1 ноября Л. Н. начал с Л. А. Шервашидзе раскопки на Сухумской набережной, где с перерывами до 26 декабря, когда сильно заболел, исследовал восточное укрепление — куртину № 3 (2.XI), восточную куртину (25.XI), "кофейню" (15.XII) и другие объекты, составил стратиграфическую колонку (20.XII), в промежутках писал замечания на "Очерки по истории Абхазии" (16.IX), обсуждал с проф. А. А. Машковцевым проблему снежного человека (27.X), обмерял кирпичи Сухумской крепости (28.X), волновался по поводу задержки утверждения диссертации в ВАК, о чем писал Е. И. Крупнову (29.X), зарисовал разрез древнего поселения на приусадебном участке В. С. Орелкина в Каштаке (15.XII), рецензировал работу И. Е. Адзинба "10 дней по Великой Абхазской стене" (6.XII), участвовал в обсуждении результатов раскопок Л. А. Шервашидзе в Акапе (19.XII). В 1958 г. Л. Н. опубликовал большую статью о своих раскопках в Воронцовской пещере, а также заметку (совместно с М. М. Трапшем) о раскопках в Севастополе. Кроме того в книге И. Е. Адзинба была опубликована его статья "Сухумская крепость", на-

писанная в конце 30-х годов.

В 1959 г. в индивидуальный план Л. Н. были включены продолжение раскопок Воронцовской пещеры и стоянки на р. Псоу, Гумистинского кургана и Великой Абхазской стены. Однако основные силы поглотил Севастополь, изучение которого с перерывами продолжалось с 14 марта по 20 октября большим коллективом исследователей (А. М. Апакидзе, М. М. Трапш, О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Левинадзе, Л. А. Шервашидзе, В. С. Орелкин и др.). В этой связи Л. Н. писал в ИИМК: "Я веду внеплановые раскопки стен античного города Севастополя, которые были обнаружены на набережной Сухума. . . Я вижу, что мне до осени уже не вырваться для раскопок в Воронцовской пещере. . . Если кто-либо из археологов выразит желание там копать, я не возражаю, в особенности буду рад, если это будет Д. А. Крайнов" (II). Л. Н. лично исследовал башню № 4 и раскоп № 3 (20.III), контрфорсы 5 и 7 (25.III), башню № 1 и куртины 5 и 6 (10.IV), внутреннюю часть восточной крепости (20—28.IV), колодец (21.IV), башни № 3 и 4 центральной крепости (6.V), погребения (13.V), изучал стратиграфию (29.V), производил набор рабочих (20.VIII) и т.д. В перерывах Л. Н. вел разведки в окрестностях Цебельды, где подобрал мустьерский острокопечник в 50 м от автостанции "Октомбери" на пути к "Ясочке", ознакомился с коллекцией предметов из разрушенных погребений, хранившейся в усадьбе, доследовал с Ю. Н. Вороновым два кремационных погребения на Женском холме (15.V), у с. Чины (37 км Военно-Сухумской дороги) собрал коллекцию ашельских, мустьерских, верхнепалеолитических и мезолитических орудий (11.VI), изучал террасы, подземную карстовую реку и вел сборы вдоль тропы от Холодного грота до грота Багатхапы-1 (12.VI), затем отправился в пещеру Абрскила, где нашел мустьерский отщеп в слое песка между Большим залом и залом Меандра (26—28.VII). В августе в районе Верхней Лемсы у пещеры Магара Л. Н. собирал кремневые орудия и в фундаменте одного из крестьянских домов отметил средневековые архитектурные детали (28.VIII), прошел два хода пещеры Холодной речки у с. Амткел до колодца (29.VIII), обследовал три Шакурских пещеры, первую из которых прошел полностью, во второй описал устьевую часть, нижнюю же осмотрел на протяжении 150 м (30.VIII). Затем Л. Н. провел с Н. И. Гумилевским небольшие раскопки на стоянке Псоу (17—19.XI). С 21 ноября по 3 декабря он возглавлял совместную экспедицию Абхазского института, Адлерской комплексной станции АН СССР и Сочинского музея краеведения по раскопкам Большой Воронцовской пещеры, где исследовал Заложенный грот (22—30.XI; 1.XII) и площадку у входа (23.XI—2.XII). В этих работах приняли участие Н. И. Гумилевский, сотрудники Сочинского музея Б. А. Шарапов и М. И. Иванова. Помимо перечисленного, Л. Н. в течение года провел немало однодневных экскурсий по Абхазии, обсуждал с коллегами насущные вопросы археологической науки — продолжал активную переписку с П. П. Ефименко о связях культур верхнего палеолита Европейской части СССР, Малой Азии и Переднего Востока, о доживании микролитов до эпохи металла (письма П. П. Ефименко от 12.I; 12.XII и др.), беседовал с В. А. Рановым о проблемах палеолита Средней Азии (28.I), обсуждал с П. Г. Акритасом после доклада последнего в Абхазском институте результаты раскопок грота Сосруко (3.II), навещал больного А. Л. Лукина, с которым говорил об обряде захоронения в дольменах (III), обследовал селище

в обресе клифа у дома В. С. Орелкина, выделив горизонты средневековой (XI—XIV вв.) и раннежелезной (VIII—VI вв. до н. э.) эпох (I.III), посетил Калдахварский грот (7.VI), выезжал в Сочи для заключения договора о совместных исследованиях Воронцовской пещеры в 1959—1962 гг. (24.IX), беседовал с А. Н. Каландадзе о Цонской пещере (10.X) и Н. З. Бердзенишвили о Яштухской стоянке и Холодном гроте (18.X), обследовал стоянки палеолитического и неолитического времени по правому берегу р. Псоу (14—15.XI), по договору с Абхазским государственным музеем провел камеральную обработку 10 ящиков археологических материалов.

В течение 1959 г. Л. Н. Соловьев написал несколько статей, среди которых “Мотыгообразные каменные орудия, найденные в нижнем течении рек Псоу и Мзымты” (совместно с Н. И. Гумилевским и Г. Г. Гиберт) (8.VII—10.XI), “Новые данные о стоянках Воронцовской пещеры (1957—1959 гг.)”, “Стратиграфия и датировка культурных отложений Сухумской крепости (раскопки перв. полов. 1959 г.)”, “Мезолитическая стоянка грота Хупынипшахва в Абхазии (по раскопкам 1940 г.)” (8.V—VI), “Дзегутский ископаемый торфяник близ г. Сухума”, писал рецензии на рукописи В. П. Пачулиа “По историческим местам Абхазии” (7.III), К. Иосифова “Охотники за джихами” (13.III), М. М. Трапша “Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.”, Ш. Д. Инал-ипа “Абхазы (историко-этнографические очерки)”, Л. А. Шервашидзе “Церковь на южном склоне Иверской горы в Анакопийской крепости” (14.XII), М. Папаскири “Письмо Маницы”, “Путеводитель по Абгосмузею” и др. 26 ноября по решению Ученого совета Абхазского института Л. Н. был назначен председателем комиссии (члены Л. А. Шервашидзе и Ц. Н. Бжания) по подготовке иллюстраций к “Очеркам по истории абхазии”. Л. Н. составил список иллюстраций к I тому и принял активное участие в их подборе и подготовке. В 1959 г. в Трудях Абхазского института была опубликована его статья о находках нижнепалеолитических орудий между Адлером и Цандрипшем. Следует упомянуть газетную заметку об обсуждении итогов раскопок Сухумской крепости в Сухумском отделении Географического общества Грузии.

Конец 1959—начало 1960 г. г. прошли в камеральной обработке материалов Севастополиса — Л. Н. Соловьев принял личное участие в обработке (совместно с В. С. Орелкиным) 40 ящиков (22.I). Затем Л. Н. готовил на мартовский пленум междуведомственной комиссии по изучению геологии и географии карста доклад “Возраст и история формирования Большой Воронцовской пещеры” (2.II), в связи с чем дирекция Абхазского института написала проф. В. И. Попову о планах института по изучению пещер Абхазии в 1960—1962 гг. (II). С 11 по 18 мая Л. Н. находился в командировке в Киеве, где участвовал в Пленуме, посвященном итогам полевых исследований в СССР, на котором сделал доклад “О раскопках в гроте Хупынипшахва в 1940 г.”, затем работал в музеях Киева и Днепропетровска (13.VI), где изучал материалы трипольской, днепровской и кизил-кобинской культур, Уч-Баши, Фатма-Кобы и др., беседовал с С. Н. Бибиковым о Фатма-Кобе (4.VI), с А. А. Щепинским и К. Ф. Соколовой о кизил-кобинцах (20.VI), с О. А. Шапошниковой о кемиобинской культуре и керамике у с. Михайловка, о днепродонецкой культуре, с В. П. Даниленко о сурско-днепровской культуре VI—IV тыс. до н. э. (V), проработал более сотни работ по археологии юга и центра Восточной Европы и Кавказа,

написал рецензию на работу Т. Н. Высоцкой “Барина пещера”. Много времени ушло на подготовку экспедиции в Холодный грот, в ходе которой была завершена обработка ранее добытых материалов, позволивших выделить в гроте горизонт начальной стадии раннего неолита (3800—2600 гг. до н. э.) (15.IV), изыскивались необходимые средства (7000 руб.) для раскопок Холодного грота и Цебельдинских могильников, выделенные Абхазским Советом Грузинского общества охраны памятников культуры на основании совместных с М. М. Трапшем ходатайств (7.VIII). Раскопки в Холодном гроте велись с 19 августа по 10 сентября при участии В. С. Орелкина, Л. В. Венчунаса, В. В. Бжании, Е. Х. Скорняковой одновременно в нише грота и на площадке. В нише было найдено горло античной амфоры и ручка средневекового кувшина с нарезкой (7.IX). Затем Холодный грот посетил проф. В. П. Якимов, который осмотрел место находки человеческих костей и принял участие в расчистке квадрата 3—1, о чем был составлен акт (29.IX). В. П. Якимов сделал в Абхазском институте доклад о достижениях советской антропологии, в обсуждении которого Л. Н. принял активное участие (1.X). 12 октября В. П. Якимов писал Л. Н.: “С очень теплым чувством вспоминаю наши встречи в Сухуме. Особенно чудесное впечатление осталось от посещения “Холодного грота” и от той красоты, которая его окружает”. Тогда же Л. Н. был избран Председателем библиотечного Совета Абхазского института, хлопотал о расширении помещения библиотеки (9.X).

В течение 1960 г. Л. Н. написал серию работ, среди которых были плановая тема “Археологические памятники переходного времени от каменного века к эпохе металла в Абхазии и на территории, прилегающей к ней с северо-запада”, “Погребения дольменной культуры на территории Абхазии и прилегающей части Адлерского района”, “Археологические раскопки в Абхазии за 40 лет” (совместно с М. М. Трапшем), “Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г.”, “Находка костей человека в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии” (в соавторстве с В. С. Орелкиным), “Загадка Сухумской бухты” (18.III), “Человек Амткельского ущелья” (совместно с В. С. Орелкиным и Л. В. Венчунасом для журнала “Природа”), работал над рукописями “Абхазская стена (итоги работ 1935—1938 гг.)” (14.IV), “О связях археологии Кавказа и Крыма” (VI), “Палеогеографическая обстановка Северо-Западного Кавказа в эпоху палеолита” (14.IV), “Абхазское побережье на рубеже неолита и эпохи раннего металла” (25.XI), продолжал работать над “Схемой относительной хронологии палеолита юга СССР” (1.X), рецензировал работы Е. С. Миляновского “Пещера Абрскила” (28.X), М. М. Трапша “Археологические раскопки в Сухумской крепости в 1959 г.” (4.XI), “Древний Сухум (историко-археологическое исследование)” (3.XI) и “Итоги раскопок Красномаяцкого могильника в Сухуме в 1959 г.” (4.XI), В. П. Пачулиа “По туристским маршрутам Абхазии” (15.XII), участвовал в обсуждении доклада Ш. Д. Инал-ипа “О термине апсха” (7.VI), сам прочитал несколько докладов, среди которых “Стоянка первобытного человека в гроте Хупынипшахва” на сессии Абхазского института (17.III), о раскопках Севастополиса (совместно с Л. А. Шервашидзе) на итоговой конференции археологов в Тбилиси (IV), “В. И. Ленин об освоении культурного наследия прошлого” на теоретической конференции в Абхазском институте, “Геолого-географическая обстановка существ-

вождения и гибели античных городов Диоскуриады и Севастополиса" на заседании Абхазского отделения географического общества (III). В декабре 1960 г. Л. Н. много работал над крымско-кавказскими параллелями, изучая схемы разрезов стоянки Нижнешиловской (8.XII) и Симферопольского водохранилища (27.XII), элементы Днепро-Донецкой культуры (17.XII) и кизилкобинскую керамику (26.XII). Тогда же он беседовал с А. И. Шамотульским о сказаниях шапсугов, об их происхождении из Малой Азии (3.XII) и рецензировал пьесу А. Лагвилава "Перед рассветом". В 1960 г. Л. Н. опубликовал статьи об исследовании Севастополиса (совместно с Л. А. Шервашидзе), о надписях и изображениях в гроте Агца у с. Анухва Абхазская, о погребениях дольменной культуры в Абхазии и в Адлерском районе.

Первые месяцы 1961 г. ушли на обработку результатов раскопок предыдущего сезона в Холодном гроте. Параллельно он безуспешно хлопотал о начале раскопок ближайших к городу объектов Келасурской стены. В январе—феврале Л. Н. писал доклад "Из опыта определения возраста пещер и пещерных отложений Кавказского Причерноморья", который предполагал зачитать на III Международном спелеологическом конгрессе в сентябре в Вене. Тогда же он завершил статью "Геологический возраст первобытных стоянок грота Хупынипшахва в Абхазии" (11.II). Указом от 3 марта 1961 г. в связи с сороколетием установления Советской власти в Абхазии и за достигнутые успехи в области хозяйственного и культурного строительства Абхазской АССР Президиум Верховного Совета республики наградил Л. Н. Соловьева Почетной грамотой Президиума. Весной Л. Н. работал над рукописями "К вопросу о синхронизации морских террас Кавказского Черноморского побережья с четвертичными отложениями Северного Причерноморья и Прикаспия" (17.III), "Новая схема террас Кавказского Причерноморья" (23.III), "Рубежи древнего и нового каменного века в Абхазии в свете новых археологических находок" (доклад на сессии Абхазского института — IV), "Геологический и археологический возраст первобытных стоянок грота Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии" (V), беседовал с В. П. Любиным о статистическом методе Борда (21.III). В августе Л. Н. вел геолого-археологические разведки в окрестностях с. Омаришара (13—20.VIII) и озера Амткел (25—29.VIII), работал над схемой голоцена в Абхазии (18.VIII). 4 сентября он, А. А. Формозов и А. А. Щепинский провели зачистку ниши в Холодном гроте и составили протокол, в котором подтверждалось, что до начала раскопок горизонт с костями человека нарушен не был. Затем Л. Н. вновь изучал четвертичную геологию в окрестностях с. Генцвиш (11—23.IX), ходатайствовал перед дирекцией Абхазского института о принятии на работу В. В. Бжания, который намеревался заняться изучением палеолита (27.IX), продолжил исследования Холодного грота, в которых под руководством Л. Н. работали В. С. Орелкин, Н. И. Гумилевский, В. В. Бжания, Б. Л. Соловьев, М. К. Хотелашвили, Е. Х. Скорнякова (6—29.X), вместе с Б. Л. Соловьевым провел съемку профиля мыса между Холодным гротом и Багатскими гротами выше шоссе (14.X), осмотрел Амткельский грот (Джампал-1) (30.X). Ноябрь и декабрь ушли на обработку полученных материалов; тогда же был составлен план монографии "Первобытные стоянки грота Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии" и отрецензирована рукопись М. М. Трапша "Памятники апсиро-абазгской культуры (по материалам раскопок в Цебельде в

1960—1961 гг.)" (17.XII). В течение 1961 г. Л. Н. опубликовал статьи об археологических исследованиях в Абхазии за 40 лет Советской власти (совместно с М. М. Трапшем), об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. и о находке костей древнего человека в Холодном гроте (совместно с В. С. Орелкиным).

1962 год был трудным — несколько месяцев Л. Н. тяжело болел. В июне в Ростовской клинике ему удалил почку хирург Н. Л. Лопаткин. Поэтому ему не удалось продолжить раскопки Холодного грота и завершить плановую о нем монографию, которую начал писать в январе—марте. В начале года Л. Н. побывал в с. Дурипп, где записал со слов Маадана Сакания легенды "О гибели последнего адоу" и "О приходе Ачба с Северного Кавказа" (15.I), параллельно работал над темой "Кавказско-малоазиатские связи", для которой написал разделы "О связях Кабарды с Каппадокией" и "О финикийцах" (4.II), затем был командирован в Москву, где работал в библиотеках, встречался с В. П. Якимовым, исследовавшим кости человека из Холодного грота (восемь негроидных особей в основном мужского пола, два старика, два подростка, остальные — средних лет). В мае Л. Н. работал над рукописями "Археологический возраст грота Хупынипшахва", "Схема синхронизации отложений Холодного грота со следами последних оледенений в верховьях р. Кодор", "О возникновении культового предмета "абордзал" в Абхазии (атрибут бога Афы)", "Положение Гудаутской террасы в стратиграфической колонке Абхазии", "К истории Черного моря в конце плейстоцена и в голоцене", "Молодая тектоника при выходе рек Черноморского побережья Кавказа из ущелий", набросал план работ "История Черного моря" и "История первобытного общества на территории Абхазии", написал и отослал для опубликования в Трудах междуведомственной комиссии по изучению карста статью "Мезолитические стоянки грота Хупынипшахва", продолжил работу над "Схемой относительной хронологии палеолита юга СССР". В клинике часто беседовал с Н. Л. Лопаткиным и, особенно, с С. М. Бабиным, с которым обсуждал вопросы о парной работе больших полушарий головного мозга человека, их эволюции (21.IX и др.). К активной деятельности Л. Н. вновь стал возвращаться лишь в октябре, когда расширил план монографии "Грот Хупынипшахва" (5.X), беседовал в Абхазском институте с Е. И. Крупновым о куроаракском энеолите (16.X), там же выступил по докладу Е. И. Крупнова "Кавказ и Малая Азия" (17.X). В декабре Л. Н. завершил обработку коллекций Холодного грота (1.XII), написал часть плановой работы "Некоторые итоги изучения грота Хупынипшахва", рецензировал работы М. М. Трапша "Красномаяцкий могильник" и "Некрополь на горе Гуадику" (27.XII), Л. А. Шервашидзе "Грузинская светская миниатюра до XV в.", В. П. Пачулиа "Памятники культуры Абхазии", участвовал в обсуждении доклада А. К. Кация "О храме Мармал-Абаа".

В 1963 г. Л. Н. Соловьев приступил к написанию монографии "Первобытное общество на территории Абхазии и его культурные связи", запланированную на 4 года (1963—1966 гг.). В январе—марте Л. Н. активно переписывался с А. А. Машковцевым (16.I и др.), изучал взаимосвязи культур энеолита и бронзового века на Северном Кавказе (23.II), дал интервью АПН о своих исследованиях в гроте Агца. 5 апреля на месяц был командирован в Москву, Ленинград, Минск и Киев. В Москве он согласовал с Е. И. Крупновым участие В. В. Бжания в археологических работах в Абхазии. В Ленинграде Л. Н. работал над

коллекциями из Мешоко, много говорил с А. Д. Столяром (15.IV). В Минске Л. Н. принял участие в Пленуме, посвященном итогам археологических исследований в СССР в 1962 г., где зачитал доклад "О происхождении Майкопской культуры", вызвавший оживленную дискуссию, в которой приняли участие С. Н. Бибилов, Е. И. Крупнов, Д. Я. Телегин, О. Г. Шапошникова, В. Н. Даниленко. В Киеве был повторно на секторе заслушан доклад Л. Н. о майкопской культуре, после которого он беседовал с Д. Я. Телегиным о Среднем Стоге-II, Михайловском-II, Мешоко, Мариупольском могильнике (27.IV). Затем в Днепропетровске и Одессе он изучал коллекции в местных музеях по проблеме усадовской культуры и др. С 21 мая по 30 июня Л. Н. участвовал в экспедиции Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры, приступившей к исследованию Каласурской (Великой абхазской) стены (руководитель экспедиции — В. П. Пачулиа, сотрудники: В. С. Орелкин, О. Г. Хагба, О. Х. Бгажба, А. С. Вознюк, В. И. Вишневский). Лично Л. Н. исследовал Тхубунскую крепость, где обнаружил колодец и мустьерский отщеп (24.V) и выделил три горизонта — очамчирской культуры, античной эпохи и средневековья с посудой с желтой и зеленой поливой (31.V), обследовал с Е. С. Миляновским церковь и могилу Шервашидзе (26.V), провел раскопки в башне № 6 нагорного укрепления в с. Багмаран, где дифференцировал два горизонта — до постройки стены с керамикой VII—IX вв. и после постройки — с материалами, предварительно датированными IX—XI вв. (30.V), визуально обследовал крепость Багмаран-2 (1.VI), собрал керамику раннежелезной эпохи на территории Александровской крепости (2.VI), описал башни №№ 20—26 (12.VI). В июне Л. Н. неоднократно бывал на Мачарском поселении. С 23 по 31 июля он руководил раскопками могильника в Новой Гагре, в которых участвовали О. Х. Бгажба, В. В. Бжания, Ю. Н. Воронов, В. И. Моисеенко, А. С. Четвертухин, Е. Х. Скорнякова). Здесь было выявлено 14 захоронений, датированных Л. Н. предварительно "серединой II тыс. до н. э.". Затем он вместе с В. В. Бжания и Ю. Н. Вороновым обследовал Калдахварский грот, где был заложен раскоп и обнаружены черепки и кости бронзовой эпохи и верхнепалеолитический отщеп (1.VIII), побывал на Кистрике (5.VIII), беседовал с А. Х. Халиковым о безмикробном мезолите (25.IX), с В. С. Орелкиным описывал Приморскую башню Каласурской стены (4.X) руководил раскопками Кистрика, в которых участвовали В. С. Орелкин, Н. И. Гумилевский, Е. Х. Скорнякова (5.X—6.XI). Два раскопа и три траншеи позволили ему установить многослойность стоянки (неолит, энеолит, поздняя бронза), где он, кроме того изучал геологию (26.X), палеогеографию (27.X), установил место находки Гудаутского погребения (ГИМ) вблизи находки А. Л. Лукина 1948 г. (комплекс с ритонном) и его обряд (в оссуарии) (25.X), исследовал солеварню поздней бронзы (5—6.XI) и др. В ноябре Л. Н. принял участие во Всесоюзной конференции по нартскому эпосу, проведенной на базе Абхазского института, где выступал в прениях о времени и условиях возникновения эпоса, принял активное участие в обсуждении доклада Г. Ф. Турчанинова о Майкопской плите. 10 ноября изучал террасы по маршруту Дранда—Тех. В этот период неоднократно встречался с В. П. Любиным, с которым обследовал Яштукскую стоянку выше кладбища (2.X) и зафиксировал 2 палеолитических стоянки у подошвы горы Ахбюк (30.XI). В декабре Л. Н. обследовал на отделе развернутый план своей работы о первобытном обществе на

территории Абхазии (18.XII), беседовал с М. М. Трапшем и А. К. Кация о роли моря в жизни Кистрика (19.XII), выступал по докладам Л. А. Шервашидзе о раскопках Цкал-кари (20.XII) и М. М. Трапша о Красномаяцком могильнике (22.XII), рецензировал отдельные главы работы М. М. Трапша "Древний Сухум".

В течение 1963 г. Л. Н. Соловьев работал над несколькими рукописями, среди которых "О происхождении Майкопской культуры" (3.III), "Первобытное искусство грота Хупынипшаха и грота Агца в Абхазии" (варианты названий: "Следы первобытного искусства в пещерах Абхазии", "Искусство первобытного человека в Абхазии") (3, 12, 18.V), "Передний Восток и Северное и Восточное Причерноморье" (VI), "Геологическая история грота Хупынипшаха (Холодный грот)" (9—10.XI), вносил дополнения в схемы "Террасы Абхазии" (30.VIII), "Корреляция геологических периодов с археологическими культурами в четвертичный период" (10.X), "Взаимоотношение Средиземного и Черного морей во время последней (IV) фазы последнего оледенения". Публиковался Л. Н. в этом году только в газете "Советская Абхазия" (три материала — о защите диссертации В. П. Пачулиа, о раскопках в Гагре и рецензия на книгу Н. С. Куфтыревой, Ш. В. Лапхия и К. Г. Мгеладзе "Природа Абхазии").

Начало 1964 года ушло на камеральную обработку материалов Кистрика. В марте Л. Н. часто видели в фондах Абхазского государственного музея (15—18, 22, 31.III), где он обрабатывал материалы Кеп—Богаза. 5—8 марта Л. Н. находился в командировке в г. Сочи—Адлер, где изучал коллекции музеев, а также краеведа А. И. Шамотульского, договорился об участии Абхазского института в конференции в Туапсе. Во второй половине апреля—начале мая он находился в Москве и Ленинграде, где принял участие в симпозиуме Института мировой литературы и института археологии АН СССР по вопросам историчности эпоса, где выступил с докладом "Нартский эпос и археология" (21.IV), затем повторил этот доклад в ЛОИА (25.IV), где также выступил с сообщением "Верхнепалеолитическая и мезолитическая стоянка Кеп—Богаз в Абхазии" (6.V), изучал материалы Мешоко и беседовал с А. Д. Столяром и с Т. Д. Белановской (о Ракушечном Яре), договорился с В. П. Любиным о совместных исследованиях Малой Воронцовской пещеры, обрабатывал материалы Ахштырской пещеры. В июне с Ш. Д. Инал-ипа и М. М. Трапшем исследовал следы древних каналов в Тамыше, попутно осмотрев поселение поздней бронзы вблизи устья одноименной реки (20.VI). В июле 14 дней вместе с Л. А. Шервашидзе исследовал Великую Абхазскую стену, описав и обмерив пятьдесят пять башен к западу от пещеры Абрскила (13—27.VII), крепость Дуабабаарта (Пста) и грот Куаджахапы (13, 18.VII), комплекс Абаажваха (ограда, две башни, ворота и церковь), крепость Абаагвара ("тюрьма", лестница, колодец) и оползень в пос. Гвада-ахуца (22, 23.VII), навесы в уроч. Чапагурюа вблизи р. Кетуаныруа (24.VII). Вернувшись из экспедиции Л. Н. написал сыну: "Меня очень загрузили всякими работами. Вне плана мне пришлось ехать с другими сотрудниками в Тамыш — отыскивать древние судоходные каналы. . . 14 дней мне пришлось ходить по Великой Абхазской стене. . . Эту работу я провел вместе с Л. А. Шервашидзе хорошо и без вреда для здоровья. Кроме того меня выбрали ученым секретарем нового института туризма. . . Сейчас, в ближайшие дни я уезжаю в Гудауту для раскопки стоянки Кистрик дней на 10—12. Это плановая

работа. Никогда я не был так загружен и ни отчего нельзя отказаться. . .” (31.VII). 3 августа Л. Н. долго беседовал с А. Н. Каландадзе о результатах VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. С 7 по 20 августа он вел раскопки на Кистрике (участники Е. Х. Скорнякова, С. В. Воронова, Н. Виноградова). Затем он прошел до верховьев ручья Кистрик, где переночевал в доме Константина Дзидзария, который показал Л. Н. шесть родников, питающих Кистрик из толщи конгломератов Дурипшского плато (21.VII). В перерыве с Ю. Н. Вороновым он три дня копал Пацхирское укрепление в Цебельде. 18 августа с палеоботаником П. Е. Рухадзе на террасах р. Гудоу в 2 км от Гудауты Л. Н. исследовал остатки ископаемого леса. 27 августа согласно приказу по Сочинскому музею краеведения была сформирована экспедиция по изучению М. Воронцовской пещеры в составе Л. Н. (начальник), В. П. Любина (зам. начальника), Б. А. Шарапова и М. И. Ивановой (сотрудники). Исследования велись с 27 августа по 13 сентября. В сентябре—октябре Л. Н. многократно посещал Мачарское и Гумистинское поселения, где консультировал раскопки В. В. Бжани. 4—6 октября он вместе с Ш. Д. Инал-Ипой и Л. Х. Акаба принял участие в конференции по изучению Гуапсе и его окрестностей, организованной местным отделом Географического общества СССР, где прочитал доклад “Древнейшее население Кавказского Причерноморья по археологическим данным”.

В течении 1964 г. Л. Н. написал два раздела (неолит и энеолит) плановой работы, кроме которых завершил статьи о верхнепалеолитической стоянке грота Кеп-Богаз (I—III) для спелеологического сборника и “Нартский эпос и археология”, отосланную в Институт мировой литературы (V), брошюру “Стоянки первобытного человека долины р. Псоу эпохи энеолита и ранней бронзы”, представленную в АН ГССР (9.IV), работал над рукописями “Нартский эпос как документ истории” (23.I), “Древние были Воронцовской пещеры” (II), “Положение грота Хупынишпахва среди других стоянок” (15.XII), совершенствовал схемы корреляций морских и континентальных отложений в долине р. Кодор и приморской зоны Абхазии, археологических памятников мустье и верхнего палеолита между Кавказом, Русской равниной и Крымом, синхронизационную колонку отложений в гротах Цебельды (VII: I.VIII; 15.XII), рецензировал работы Г. Ф. Турчанинова о майкопской надписи, М. М. Трапша “Обряд погребений и инвентарь Цебельдинских могильников”, Л. А. Шервашидзе “Вороновский храм в с. Цебельда”, М. М. Гунбы “Социальные отношения в позднеантичной Абхазии” (XII), тексты экскурсий Г. Врублевского “Шромская сталактитовая пещера” и др. В соавторстве с Л. А. Шервашидзе была опубликована газетная статья об исследованиях Великой Абхазской стены.

Указом от 24 ноября 1964 г. за долголетнюю и плодотворную научную деятельность и в связи с 70-летием со дня рождения Л. Н. Соловьев был награжден второй Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. В тот же день во дворце культуры Совпрофа Абхазии в честь Л. Н. Соловьева состоялся юбилейный вечер. Вступительное слово сделал зам. директора Абхазского института А. Ф. Хонелия. О плодотворной деятельности ученого рассказал М. М. Трапш, перечисливший многочисленные заслуги юбиляра перед кавказоведческой наукой и отметивший его эрудицию, неутомимость, внима-

ние к молодым научным кадрам*. От имени коллектива Абхазского института ученого приветствовал А. Э. Куправа. “Вы, Лев Николаевич, — говорилось в адресе, — являетесь одним из горячих энтузиастов и основоположников археологического изучения Абхазии, которому самоотверженно служите вот уже более тридцати лет. Вам принадлежит открытие и изучение целого ряда памятников различных исторических эпох. . . Вы много сделали по подготовке молодых абхазских научных кадров и всегда щедро делитесь с ними своим богатым опытом и знаниями. . . Вы являетесь собой образец человека и ученого”. Адрес от профессорско-преподавательского состава Сухумского педагогического института им. А. М. Горького, подписанный его ректором Г. А. Дзидзария, зачитал И. Ахалая. “Обширные и разнообразные археологические материалы, — говорилось в этом документе, — добытые Вами, значительно расширили базу научного исследования древнейшей истории Абхазии и легли в основу многочисленных научных работ по древнейшей истории народов Черноморского побережья Кавказа. . . Ваши лекции по археологии на историческом факультете нашего института всегда стояли на высоком научном и идейно-теоретическом уровне и воспитывали у студенческой молодежи чувство беззаветной преданности великой Советской Родине. . . Вся Ваша жизнь является образцом беззаветной преданности интересам развития советской марксистско-ленинской исторической науки. . .”. С приветственными адресами выступили: от имени Президиума Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры его председатель В. П. Пачулиа, от имени коллектива Сухумского ботанического сада проф. А. В. Васильев (в адресе, в частности говорилось: “. . . Вами осуществлены интереснейшие экспедиции, сложные маршруты по горной Абхазии. . . Оригинальный метод исследований — использование этнографии и фольклора для воссоздания облика первобытных обществ, восстановления исторической обстановки и событий прошлого — представляет большую научную ценность”. В числе подписавших: Г. Айба, А. Колаковский, В. Яброва-Колаковская, Т. Чочуа, А. Васильев и др.), от сотрудников Абхазского государственного музея — Л. М. Прицкер (несколько слов из адреса: “. . . Ваша научная и административная деятельность сыграла важную роль в истории нашего музея. . . Полученные в результате плодотворной научной работы выводы Вы всегда отстаивали с прямотой и принципиальностью. Результаты Вашей кропотливой работы являются в настоящее время органической частью экспозиции музея”), от имени коллектива Сочинского музея краеведения — его директор Б. А. Шарапов, от имени Президиума Адлерского отдела Географического общества СССР — его член В. Коваль, который огласил Постановление об избрании Л. Н. за многолетнюю исследовательскую деятельность и разработки вопросов древней истории и исторической географии Адлерского района почетным членом Адлерского отдела ГО СССР по секции исторической географии. Постановление это было подписано председателем отдела И. К. Недолей. На вечере был зачитан и адрес ленинградских археологов, который интересно привести здесь почти полностью: “В день 70-летия Вашей жизни и 50-летия археологической деятельности мы, ваши друзья и товарищи, с глубоким удовлетворением отмечаем большую плодотворность и многообразность

* Трапш М. М. Пытливый исследователь. К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной деятельности Л. Н. Соловьева. — САБ, 29 ноября 1964 г., с. 3.

Вашей музейной и научно-исследовательской работы. Трудясь в музеях Харькова, Херсонеса, Курска и Сухума, в Адлерской карстово-спелеологической станции и в Абхазском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, Вы успешно занимались не только изучением местных древностей, но и проблемами большой исторической важности (проблема древних торговых связей на Кавказе в эпоху майкопской культуры, проблема согласования этапов геологической истории Кавказа с археологической периодизацией и др.). Ваши работы и полевые изыскания неизменно перерастали рамки краеведения, привлекая к себе внимание центральных научно-исследовательских учреждений. Так, обнаружение Вами в 1933 г. в долине р. Сухумки ашельских орудий положило начало серии важнейших открытий в Абхазии, Ваши достижения в исследовании Большой Воронцовской пещеры и грота Хупьнипшахва, древних соляных промыслов на Черноморском побережье, Очамчирского поселения и десятков других памятников пользуются широким признанием у всех специалистов-кавказоведов. Вашему перу принадлежат 23 печатных работы, в которых Вы прослеживаете сложные и яркие судьбы древнейшего населения Черноморского побережья Кавказа на его длинейшем пути от эпохи палеолитических охотников до эпохи героев нартского эпоса. . .” (в числе подписавших были П. П. Ефименко, Б. Б. Пиотровский, П. И. Борисковский, В. Ф. Гайдукевич, З. А. Абрамова, А. Л. Якобсон, Н. Гурина, А. Рогачев, В. П. Любин и др.). На вечере были оглашены также многочисленные телеграммы из Москвы (П. Д. Либеров, Е. И. Крупнов, Г. Е. Грюнберг), Ленинграда (П. П. Ефименко, П. И. Борисковский, А. Н. Рогачев, Е. Г. Пчелина, И. И. Коробков), Тбилиси (Г. Н. Чубинашвили, В. В. Беридзе, Н. В. Хоштария, З. В. Анчабадзе, Р. О. Шмерлинг, Л. Рчеулишвили, С. Барнавели, Р. Путуридзе), Киева (С. Н. Бибииков, Грубрин и др.), Симферополя (Н. И. Соколов, Л. А. Щепинский, Иванов, Альбов, Дублянский, Ильина, Мелешин), Махачкалы (коллектив дагестанских археологов), Сухума (А. М. Чочуа, Ш. В. Лапхия, Н. А. Берников, А. С. Вознюк, Вишневский) и др. В заключение вечера состоялся концерт*. 31 декабря согласно Приказу № 175 по Абхазскому институту “за успешные археологические раскопки в селище Кистрик в течение 1963—1964 г. г., давшие ценные материалы для изучения культуры берегового населения Абхазии. . ., а также за оказание консультаций и помощи аспиранту В. В. Бжания, производившему раскопки в устье реки Мачара”, Л. Н. Соловьев был премирован месячным окладом.

В начале 1965 г. Л. Н. Соловьев продолжал обработку материалов из Холодного грота (3.1) и Кистрика (свыше 1000 номеров). В январе он провел вместе с Н. И. Гумилевским охранное исследование выявленного последним в 1963 г. поселения эпохи ранней бронзы на р. Лапта, описал территорию и находки стоянки Бароновка-3 и позднеантичного могильника Лапта (7.1), затем принял участие в конференции Адлерского отдела Географического общества СССР, где прочитал доклад “Древние обитатели Черноморского побережья Кавказа”. В феврале Л. Н. сделал доклад на XVI научной сессии Абхазского института на тему “Древнее поселение Кистрик близ г. Гудаута”, беседовал с М. К. Хотелашвили о кавказско-балканских параллелях в языке и фольклоре

абхазов, в частности об основе -пс- (10.II). В первой половине апреля Л. Н. принял участие в сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР и проходившей в Баку. Там он на секции каменного века сделал доклад “Древнее поселение Кистрик в Абхазии”, поставив вопрос об расширении раскопок и обеспечении охраны этого уникального памятника. Сессия в своей резолюции рекомендовала решить эти вопросы, в связи с чем Археологическая комиссия Грузии за № 371 от 15 июля отказала Л. Н. в выдаче открытого листа на раскопки Кистрика. В Баку Л. Н. выступал на секциях энеолита, бронзы и античности, в частности, по докладу П. У. Аутлева, П. А. Дитлера и М. М. Трапша о раскопках у г. Майкопа, затем, как и другие участники сессии, ознакомился с памятниками Апшеронского полуострова и Кобыстана (Е. А. Векилова позднее прислала Л. Н. фото с надписью на обороте “На память о Кобыстане”), а на обратном пути остановился в Тбилиси, где в Государственном музее Грузии изучал материалы неолита и бронзы из Колхиды. 21—23 апреля Л. Н. работал в составе комиссии (вместе с А. Н. Каландадзе, П. И. Борисовским, Н. З. Бердзенишвили, М. М. Трапшем, В. П. Любиным, В. М. Муратовым, В. Ф. Петрунем, З. А. Абрамовой и И. И. Коробковым, проводившей в соответствии с постановлением палеолитического совещания в Ленинграде — после столкновения И. И. Коробкова с археологами из Тбилиси — исследования на Яштухе), вел протоколы комиссии, составил опись из 630 орудий, собранных в пунктах 2а, 3а, 4а, 2г (по И. И. Коробкову). С 6 по 31 мая Л. Н. находился в Ленинграде, где работал в библиотеках ЛОИА и им. Салтыкова-Щедрина, завершил обработку коллекции энеолита и бронзовой эпохи из Ахптырской пещеры в МАЭ, где беседовал с Т. Н. Нечаевой (14, 17.V), и изучал как геолог Майкопскую плиту (25.V). На пути в Ленинград он побывал в Москве, где решал с Е. И. Крупновым вопрос о летних работах В. В. Бжания. В июле Л. Н. консультировал В. С. Орелкина по поводу находок экспедиции НИИ туризма в окрестностях Нового Афона, посетил раскопки Л. А. Шервашидзе, где зарисовал разрез грунта у Вороновского храма (13.VII), выступал на открытии выставки художника Табукашвили (27.VII). Получив Открытый лист (№ 176 от 12.VII) на раскопки в Малой Воронцовской пещере, он принял участие в совместной экспедиции ЛОИА и Сочинского музея при разработке “энеолитического” слоя в этой пещере. Вскоре после возвращения в Сухум Л. Н. получил письмо от В. П. Любина, который, в частности, писал: “Раскопки пещеры продолжают успешно. . . Шурф в глубине пещеры дал мустьерские находки. . . Большие приветы Евг. Христ. и Орелкиным” (4.VIII). В октябре Л. Н. принял активное участие в работах экспедиции Института истории АГ Грузинской ССР под руководством Н. З. Бердзенишвили при раскопках горизонта эпохи ранней бронзы в Амткельском (Джампал-1) гроте (28.X). 11 ноября Л. Н. обратился в Министерство сельского хозяйства СССР с письмом о необходимости возобновления заповедного режима на территории бывшего Карстово-спелеологического заповедника МГУ в с. Воронцовке и просил передать эту территорию Кавказскому заповеднику. Указом от 27 декабря 1965 г. в связи с 50-летием со дня основания Абхазского государственного музея и за активное участие в его работе Л. Н. был награжден третьей Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Абхазской АССР.

В соответствии с планом в 1965 г. Л. Н. написал два раздела “Энеолит” и

* Юбилей ученого-археолога. — САБ, 2 декабря 1964 г., с. 4.

“Эпоха ранней бронзы”, в связи с чем пересмотрел хронологию и “атрибутацию” Очамчирского и других поселений этого круга, отнесенных им к раннебронзовой эпохе. В этой связи он писал: “Я раньше считал, что решающим признаком для датировки является бытование кремневых орудий, сохранение традиций мезолита в их технике. . . В настоящее время возраст Очамчирской стоянки устанавливается по связи ее с развитой майкопской культурой (2500—2000 гг. до н. э.), а возраст стоянки Псоу. . . первой половиной III тыс. до н. э.” (15.XI). В январе Л. Н. написал статью “К вопросу о сложении мезолитических культур Северо-Западного Кавказа” (11.I), которую планировал представить на совещание по палеолиту в ЛОИА в конце февраля. В декабре он завершил статью “Гумистинское поселение и могильник близ г. Сухума” (11.XII), которую затем передал В. В. Бжанин. Параллельно Л. Н. работал над научно-популярной книгой “Дольмены”, которую по совету Е. И. Крупнова готовил для издательства “Наука” (20.VI—24.XI), над статьей “Культурные связи Кавказа и Северного Причерноморья”, которую по договоренности с В. В. Струве ориентировал на ВДИ (2.VII), и над другими рукописями, среди которых были “Геология грота Джампал-1” (3.II), “О коневодстве на Кавказе в древности” (12.II), “О соответствии абх. “инауха” (духи гор) с гениохами” (18.IV), “Справка о майкопской плите” (19.IV), “Геологическая датировка Кистрика” (20.VII), расширенный вариант “Стоянки первобытного человека долины р. Псоу эпохи энеолита и ранней бронзы” (28.VIII), “О связи эпоса с Гильгамеше с нартским эпосом” (15.IX), “О термине “археологическая культура” и “О населении и культурных связях Северо-Западного Кавказа в эпоху энеолита” (17.XI), “Трипольско-Северокавказские параллели” (22.XI), “Дифференциация неолитического и энеолитического горизонтов на Кистрике” (26.XI), “Жилища древних обитателей Черноморского побережья Кавказа (Абхазия и Адлерский район)” (28.XI). В январе—феврале Л. Н. читал лекции на тему “Новые открытия в области первобытной археологии Черноморского побережья Кавказа” для экскурсоводов Сухума и Сочи, затем рецензировал (совместно с Ш. Д. Инал-ипа и М. М. Трапшом) книгу З. В. Анчабадзе “История и культура древней Абхазии” (VI), работы М. М. Трапша “Сухум в позднеантичное время”, “Древний Сухум (Гуад-иху, Красный Маяк, Севастополь и Цебельдинские некрополи)” и “Культура местного населения района Сухума в I—VI вв. н. э. (Цебельдинские некрополи)” (21.XII), М. М. Гунба “Ремесло Абхазии раннего средневековья”, Л. А. Шервашидзе “Храм Арасараху” и А. Кация “Храм в урочище Ачануа” (22.XII). В течение 1965 г. Л. Н. опубликовал тезисы докладов “Древнее поселение Кистрик в Абхазии” и “Многослойное поселение Кистрик близ г. Гудаута” и две газетные статьи — о конференциях краеведов и о монографии З. В. Анчабадзе “История и культура древней Абхазии”.

В 1966 г. основные силы поглотила работа над монографией “Первобытное общество на территории Абхазии и его культурные связи”, для которой был написан самый сложный раздел “Нижний палеолит”. В мае Л. Н. вместе с Ю. Н. Вороновым провел раскопки горизонта раннебронзовой эпохи в гроте Джампал-1 (20—26.V) и в пещере Багдский грот-1 (27—30.V), побывал на крепостях Цибилиум, Ахыста и Пал. С 24 по 29 октября он находился в командировке по городам Северного Кавказа (Орджоникидзе, Нальчик, Пятигорск, Майкоп), где участвовал в сессии Северо-Осетинского института ЯЛИ по этно-

генезу осетин, выступал в прениях, работал в институтских и музейных хранилищах. В отношении своего пребывания в Адигее Л. Н. отмечал: “В Майкопе директор Адигейского Института ЯЛИ Х. Д. Кодотжиков и научные сотрудники П. У. Аутлев и П. А. Дитлер предоставили мне полную возможность ознакомиться с коллекциями, хранящимися в фондах института и приняли непосредственное участие в их просмотре. За это время нами были обсуждены многие вопросы истории и археологии С.-З. Кавказа, среди которых оказалось много общих для Абхазии и Адигеи”. Л. Н. посетил место находки Майкопской плиты и договорился о совместных раскопках Абхазского и Адигейского институтов в этом месте в 1967 г.

В течение 1966 г. Л. Н. Соловьев принимал участие в оценке находок, выявлявшихся в процессе создания “Археологической карты Абхазии”. С Ш. Д. Инал-ипа он обсуждал проблемы заселения горной Абхазии в эпоху энеолита и ранней бронзы, дату ацангуар (IX), с Л. Х. Акаба — вопрос об Абрскиле (25.XI). Летом Л. Н. неоднократно ставил вопрос о необходимости продолжения исследований Великой Абхазской стены (10.VII; 16.VIII). 26 августа на Ученом Совете Абхазского института было принято решение о публикации двух работ об этом памятнике (1. Л. Н. Соловьев, В. П. Пачулиа “По Великой Абхазской стене (популярный очерк)” и 2. Л. Н. Соловьев, В. П. Пачулиа, Л. А. Шервашидзе “Великая Абхазская стена”). В конце года он вместе с Н. П. Лакоба, Л. А. Шервашидзе, М. Циколией, М. К. Делбой входил в комиссию по изучению работы библиотеки Абхазского института в связи со сменой библиотеки в системе АН СССР.

Помимо плановой темы Л. Н. написал для институтского археологического сборника статью “Неолитические стоянки Нижняя Шиловка и Кистрик” (28.II; 1, 7.III; XII), работал над рядом других рукописей, среди которых “Параллели в материалах Холодного грота и Нижней Шиловки” (8.III), “Работы Абхазского института по изучению первобытного общества Черноморского побережья Кавказа (1933—1966)” (IV—VIII), “Эпоха великого оледенения и первобытный человек в Абхазии” (VI), “Замечания о майкопской плите” (26.VI), “Геологические условия палеолита Черноморского побережья Кавказа (совместно с Б. Л. Соловьевым)” (VI—VII), “Схема археологических памятников Абхазии и расселение племен в эпоху бронзы и античную эпоху” (5.VII), “По поводу Майкопской плиты” — для ВДИ (19.VIII), “Усатовско-майкопские параллели и их связь с материалами из гротов Джампало-Кодорского ущелья” (IX), “Датировка Нальчикского могильника и сосуществование в конце III тыс. до н. э. майкопской и северо-кавказской культур” (30.IX), “Сравнительная характеристика геологических условий Амткельского и Холодного гротов” (1.X), “Факторы развития палеолитического общества” (X—XI), “Сводка о находках известковых журавчиков в покровных глинах террас у Сухума” (16.X), “О покровных отложениях Яштуха” (XI), “Стратиграфия Яштуха — пункт 7г” (16.XI), “Обсидиан в Цебельде” (2.XII), “Особенности кремневой техники “аморфного” палеолита в Абхазии” (XII), “Полиморфизм палеолитов как следствие технической эволюции” (20.XII) и др. Параллельно Л. Н. рецензировал авторефераты докторской диссертации Г. Ф. Турчанинова (совместно с К. С. Шакрылом) и кандидатских диссертаций Е. М. Малия и В. В. Бжанин (IV—V), макет “Истории Кабардино-Балкарской АССР” (IV), работы М. М. Трапша “Цебельдин-

ская культура" (18.V; 23.XII), "Некрополь позднеантичной эпохи Ахьацараху" (21.XII), М. М. Гунбы "Ремесленное производство в Абхазии в ранне-античную эпоху" (22.XI), вел интенсивную переписку с В. П. Любиным (13.XI и др.).

В 1967 г. Л. Н. Соловьев завершил монографию "Первобытное общество Абхазии и его культурные связи" (23 авторск. л.), написав в соответствии с планом разделы "Средний палеолит" и "Верхний палеолит" (2.XI). Для этого ему пришлось провести камеральную обработку в Абхазском государственном музее и школьных музеях Хейвани и Веселого коллекций из Яштуха, Анухвы, Ачмарды, Монаклука и др. (II—XI). Он встречался с А. Х. Халиковым, с которым обсуждал вопрос о кавказских элементах в Поволжье на рубеже III—II тыс. до н. э. (11.VI), работал над эмблемой города Сухума (9.VIII), получил от А. С. Четверухина из Ленинграда его работу "Экономические и политические контакты Египта эпохи Среднего царства с Передней Азией" с надписью "Дорогому Льву Николаевичу от автора в знак глубокой благодарности за помощь при выборе жизненного пути" (10.VIII), вместе с Ю. Н. Вороновым совершил поездку в Цебельду, побывал на раскопках Джампальских гротов, где беседовал с Н. З. Бердзенишвили о мезолите Цебельды (7.I). 4 ноября 1967 г. почетный член Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры Л. Н. Соловьев был награжден грамотой Президиума Общества "за многолетнюю активную деятельность в деле выявления, изучения и пропаганды археологических памятников Абхазии и всего Западного Кавказа".

Помимо планового исследования в 1967 г. Л. Н. Соловьев работал над рядом рукописей, среди которых совместные с М. М. Трапшом статья "Основные результаты археологического исследования Абхазии в Советский период" для сборника в честь 50-летия Октябрьской революции (I—II), справка для Сухумского горкома партии "Время основания города Сухума" и статья "Город тысячелетий" для "Советской Абхазии" (22.II), работы "Дольмены и миф об Абрскиле" (18.I), "Функция и употребление орудий из кремня" (20.I), "Происхождение дуальной структуры человеческого общества" (30.I), "Скибочно-зубчатая культура Западного Кавказа" (II), "Сопоставление оледенения Кавказа в эпоху вюрма" (II), "Абхазия и Малая Азия в палеолите" (19.VII), "Палеолитическая стоянка Анухва Абхазская" (3.IX), "О работе Д. Церетели" "Постплиоценовые отложения Грузии" (15.X), "Общие черты керамики С.-З. Кавказа, Северного Причерноморья и Крыма" (15.XII), продолжал исследование "Проблемы истории первобытного общества в трудах Абхазского института (1933—1966)" (26.I), вносил дополнения в схему террас Абхазии (28.I), совместно с С. В. Вороновой писал статью о русско-абхазских лексических параллелях (III—V). Много ушло времени на рецензирование различных работ, среди которых автореферат кандидатской диссертации Р. А. Хонелии "Политические взаимоотношения Абхазского царства армянских Багратидов" (6.VI), рукописи М. М. Трапша "Культура Цебельдинских некрополей" и "Некрополь позднеантичной эпохи Ахьацараху" (18.XI), Л. А. Шервашидзе "Храм с. Хуап в Гудаутском районе" и "Стенная роспись Лыхненского храма", М. М. Гунбы "Ремесло Абхазии в раннеантичную эпоху", Ю. Н. Воронова "К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии", "Археологическая карта Абхазии" и др. В течение года Л. Н. опубликовал две статьи — "Древнейшая история Черноморского побережья Кавказа по археологическим данным" и "Неолитические посе-

ления Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик".

В 1968 г. Л. Н. Соловьев начал разработку трехлетней темы "Материалы по археологии Абхазии каменного века и эпохи палеометалла (М. Воронцовка, Анухва-Абхазская, Кеп-Богаз, Холодный грот, Гумарея, Кистрик, Б. Воронцовка, Псоу)", для которой написал раздел "Анухва". Тогда же он обсуждал с Ю. Н. Вороновым материалы "святилища" на г. Отсюш (2.I), затем направился в командировку в Москву (22.III—11.IV). О последующих событиях Л. Н. писал директору Абхазского института Г. А. Дзидзария следующее: "Я успел поработать в библиотеках, но присутствовать на сессии мне не удалось. Хирург, который мне делал операцию почки в 1962 г., захотел проверить работу оставшейся почки. . . 12 апреля меня положили в больницу. Жене сделали там 18.IV. операцию, а в скором времени, вероятно, сделают и мне. Я успел поговорить с Е. И. Крупновым и директором Института археологии академиком Б. А. Рыбаковым. Последний обещал проверить, прислана ли работа М. М. Трапша о Цебельдинской культуре в издательство "Наука" из Тбилиси и обещал взять под свое наблюдение дальнейшее продвижение этого вопроса. . ." Далее Л. Н. просил о ходатайстве о выдаче на его имя Открытого листа на проведение раскопок в гротах Багаз-ахапы и Ажюгра-ахапы. 18 апреля в больницу к Л. Н. приходил В. П. Любин, с которым обсуждались результаты раскопок в Малой Воронцовке, Кепше, Навалипенской пещере, а также находки мезолитических изделий у горы Аибга. По возвращении из Москвы в июле—августе Л. Н. осуществлял надзор над раскопками М. М. Гунбы в Цебельде (могильник Апианча), затем беседовал с А. А. Машковцевым о первобытном человеке как части природного ландшафта (10.IX), осматривал поселение бронзовой эпохи Гуандра у Нового Афона (20.IX), принял участие в работе Всесоюзного Пленума по теме "Туризм и памятники культуры", где выступил в поддержку доклада О. Н. Бадера, призвал развивать историческое краеведение (15.X). С 26 сентября по 20 октября Л. Н. руководил раскопками, проводимыми В. В. Бжанием в гротах Ахра-капш и Багат-хапы. При эвакуации этой экспедиции с ним произошел несчастный случай, описанный в предисловии, после чего до конца года Л. Н. уже никуда не выезжал. 26 октября он с Ю. Н. Вороновым анализировал находки из грота Ахра-капш.

В 1968 г., несмотря на болезни, Л. Н. Соловьев много трудился над различными рукописями, среди которых книга "Абхазия и Древний Восток" (1.III—26.IX), историко-лингвистическое исследование о славяно-абхазских параллелях "Бусовы времена" (совместно с С. В. Вороновой) (IV—X), некролог М. М. Трапша (24.II), "Геология стоянки Анухва-Абхазская" (12.X—4.XII), биографический очерк о М. М. Трапше и участие в редактировании (вместе с А. Х. Халиковым) его трудов (XI—XII), совместно с Л. А. Шервашидзе и Ю. Н. Вороновым "Военное дело и вооружение в Абхазии (от палеолита по XIX в.)" (XI—XII), опись находок 1966 г. из Амткельского грота и грота Багат-хапы (20.XII), рецензии на работы В. П. Пачулии "По древней, но вечно молодой Абхазии" (13.III), О. Х. Бгажбы "Средневековая керамика из раскопок Анакопии 1957—1958 г. г." (14.IX), Ю. Н. Воронова "Неолитическое поселение в Цебельде", "Античные поселения нагорной части Центральной Абхазии" (7.IX), "Распространение памятников скифского типа на территории Абхазии" (17.III), Ю. Н. Воронова, А. С. Вознюка и В. А. Юшина "Апуштинский могильник

IV—VI вв. в Абхазии" (III), Т. Гицба "Озеро Рица" и др. В 1968 г. из печати вышли следующие работы Л. Н.: "М. М. Трапш (некролог)", "Основные результаты археологического исследования в Абхазии за годы Советской власти." (в соавторстве с М. М. Трапшем) и рецензия на книгу В. П. Пачулии "Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана".

В 1969 г. Л. Н. Соловьев работал над плановой темой "Яшгукская палеолитическая стоянка и ее значение для изучения древнейших культур СССР", в связи с чем вновь начал широкое маршрутное исследование этой стоянки, особенно в ее западной части (22.I; 3, 6.II и др.). В марте Л. Н. на сессии Абхазского института по итогам работ 1968 г. сделал доклад "Датировка начертаний грота Агца", на заседании отдела археологии прочитал доклады "Кавказское Причерноморье и Троя" и "Древнейшие этнические группы в Абхазии" (28.III). С 16 апреля по 3 июня Л. Н. находился в командировке по маршруту Ленинград—Москва—Киев—Ростов-на-Дону. В Ленинграде он принял участие в юбилейной сессии Института археологии АН СССР, где выступил с докладом "Кавказское Причерноморье и Троя", а также принял участие в диспуте по докладам Г. К. Шамбой и Ю. Н. Воронова об Эшерском городище, затем работал в фондах музея антропологии и этнографии над коллекциями палеолита из Крыма и Кавказа. В Москве Л. Н. работал в библиотеке Института археологии, а затем лежал в больнице (6.—21.V). В Киеве Л. Н. повторил свой ленинградский доклад в Институте археологии АН УССР, в фондах которого изучал коллекции по палеолиту юга СССР, затем ознакомился с новыми поступлениями (зарисовывал клады бронзовых изделий) музеев Ростова-на-Дону и Новочеркасска. В июне Л. Н. исследовал геологические разрезы в Нижнем Яшгуке и Эшере для уточнения схемы периодизации палеолита Абхазии (4—16.VI), в июле—августе консультировал раскопки Эшерских кромехов, проводившихся Г. К. Шамбой, направлял поиски С. З. Лакобы и В. Куницкого на стоянке Берджента (6.VIII), а в сентябре консультировал раскопки О. Х. Бгажбы в Замке Баграта. Тогда же он прошел от Гудауты до Сухума по морским террасам для уточнения стратиграфии залегания палеолитических орудий (VIII), вновь вел сборы на Яшгукской стоянке (18.IX), работал в составе комиссии Абхазского обкома КП Грузии по проверке Абхазского государственного музея (17.X—16.XI), беседовал с Г. З. Шакирбаем о топонимах с частицей "пш" (26.XI), вел переписку с Е. И. Похитоновым (Прага), входил в комиссию по приему экзамена по археологии у И. И. Цвинари (14.XI).

В течение 1969 г. Л. Н. Соловьев завершил первый том монографии "Первобытное общество на территории Абхазии", посвященной памятникам нижнего и среднего палеолита, и передал его в издательство (20.VIII), работал над рукописями "К этнической истории абхазского народа" (5.III), "О Сухумской террасе" (3.VIII—1.XI), "Эшерские кромехи" (24.XII) и др., рецензировал рукописи Л. А. Шервашидзе "Бедийская стенная роспись" и "Хуапский храм св. Георгия на горе Амбара" (2.XII), ряд работ Ю. Н. Воронова: "Эшерское городище" (23.I), "Отчет Геленджикского отряда Сарматской экспедиции Института Археологии АН СССР о раскопках курганного могильника на р. Жапе (19.VI—13.VII. 68 г.)" (3.II), "Три частных историко-археологических вопроса (о штифтике, Картеронтихе и Тцахаре)" (4.II) и "Археологическая карта Абхазии" (как кандидатская диссертация), статью А. С. Вознюка и В. А. Юшина

"Могильник XIII—XV вв. в окрестностях Сухума" (23.I) и др.

В начале 1970 г. Л. Н. снова много болел, лечился в клинике Ростовского Медицинского института (28.I—11.II). 2 февраля он написал оттуда письмо Л. Д. Церетели, в котором предлагал ей принять участие в обработке и публикации материалов Холодного грота (изделия из кремня). С 5 мая по 25 июня он находился в командировке по маршруту Ростов-на-Дону—Таганрог—Новочеркасск—Азов—Майкоп, работал в музее древнего Танаиса, в Ростовском областном музее краеведения, в Донском музее, осмотрел Ливенцовское городище, беседовал с В. А. Кияшко о катакомбной культуре, с П. У. Аутлевым изучал в Майкопе коллекции адыгейского палеолита (21.—23.VI). Вернувшись, продолжал работу над плановой темой, вносил дополнения в свою монографию о нижнем и среднем палеолите Абхазии (VII—VIII), вел переписку с А. С. Четверухиным о хаттском языке (8.VII), беседовал с А. Аншбой и С. Зухбой об основе "апс" (20.VIII). С 24 августа по 25 сентября Л. Н. руководил при участии В. В. Бжаний раскопками Кистрика, где вел исследования горизонтов неолита, энеолита и ранней бронзы на площади 125 кв. м., обсуждал с С. З. Лакобой материалы палеолитической стоянки Алгыт (19.IX), прочитал две лекции на тему "Доисторические обитатели Кавказского Причерноморья" в военной части и абхазской средней школе г. Гудаута (22.IX). В конце сентября Л. Н. представил на заседание отдела доклад "Происхождение верхнего палеолита". В октябре он вместе с Н. И. Бурчак-Абрамовичем и В. В. Бжанией вел обследование памятников в окрестностях Цебельды, где провел небольшие раскопки щебенчатой осыпи перед Холодным гротом, обнаружив горизонт верхнего палеолита (9.X), заложил шурф (1 кв. м.) в гроте Верхнем у с. Азанты (10.X), вел наблюдения на плотине Амткельского озера (10—11.X), описал валуны ледниковой эпохи и провел сбор мустьерских орудий в урочище Кеп-Богаз, отметив человеческий череп, упавший с карниза над гротами (20.X), отобрал для Н. И. Бурчак-Абрамовича костный материал из Холодного грота. В течение года Л. Н. в качестве члена Ученого Совета Абхазского государственного музея подробно вникал в его нужды, содействовал совершенствованию экспозиций, хлопотал о расширении помещения.

В течение 1970 г. Л. Н. завершил работу над монографией "Человек и природа верхнего палеолита и мезолита Абхазии", которую передал в издательство (21.XII), написал плановую работу "Памятники энеолита и ранней бронзы Абхазии", статьи "Мезолит Абхазии" (X), "Каменные мотыгообразные орудия долины р. Псоу" (V), "Попытка истолкования знаков грота Агца" (12.XI), "Стратиграфия мезолитических стоянок Цебельды" (5.X), "О времени последних проявлений деятельности ледника в Кодорском ущелье" (25.XII), рецензировал авторефераты докторской диссертации И. Е. Астахова "Морфоструктурный анализ рельефа Грузии" (15.X) и кандидатской диссертации Л. Д. Церетели "Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа" (24.XII), сборник "Природа и развитие первобытного общества" (6.VII), рукописи Ю. Н. Воронова "Погребение эллинистической эпохи из Цебельды" и "Древности Большого Сочи" (XI), Т. Гицбы по методике экскурсий, работы Л. А. Шервашидзе. Совместно с А. Х. Халиковым Л. Н. опубликовал биографический очерк "М. М. Трапш (1917—1968)" в первом томе посмертных трудов ученого.

В январе 1971 г. за Л. Н. Соловьевым была закреплена трехлетняя плановая тема "Многослойная стоянка Кистрик". Камеральная обработка (зарисовка, шифровка и др.) материалов из раскопок Кистрика предыдущего сезона была им завершена 28 апреля. Параллельно Л. Н. исследовал Дзегутский погребенный торфяник, где брал пробы для анализа на С₁₄, правил корректуру своей книги о нижнем и среднем палеолите (II—III), выступал на вечере встречи с Г. А. Дзидзарией (16.IV), беседовал с А. Х. Халиковым о гуннах (21.IV), продолжал обработку коллекций из Ачмарды и Монаклука (21.V), руководил шифровкой материалов из Кеп-Богаза, осуществлявшейся С. З. Лакобой (V—VI). В июне—июле Л. Н. неоднократно выезжал для выбора мест раскопок в пос. Гуандра у Нового Афона и Кистрик, поднимался на вершину Аныха-паара у с. Каласур, затем консультировал раскопки О. Х. Бгажба в крепости Ачапара в с. Арасадзых, исследовал геологию у грота Джампал-1 (2.VIII), руководил раскопками Гвадрского (вместе с И. И. Цвинарией) (VIII) и Кистрикского (вместе с В. В. Бжанием) (20.IX—7.X) поселений, доследовал (вместе с М. М. Гунбой) оссуарий позднебронзовой эпохи в с. Мугудзырхва (IX), беседовал с В. И. Марковиным о дольменах (23.X), принимал участие в работе комиссии Министерства культуры Грузинской ССР (вместе с В. Г. Цинцадзе, Ю. Н. Вороновым и др.) для выяснения причин разрушения стен замка Баграта, в школе № 2 с. Хейвани выступил с докладом об археологической деятельности краеведа Н. И. Гумилевского.

В течение 1971 г. помимо плановой темы Л. Н. много работал над другими рукописями, среди которых "Гарпуны грота Хупынишпахва (Холодный грот)" для сборника в память Е. И. Крупнова, "К геологической истории грота Хупынишпахва (Холодный грот)" (2.VIII), приступил к оформлению докторской диссертации "Первобытное общество Абхазии", писал отзывы на автореферат диссертации Л. Ф. Литвина (14.II) и рукописи Л. А. Шервашидзе "Отапский храм" (14.XII), И. Марыхубы (Мархолия) "По древней земле Амзара—Пицунды" (1.X), готовил "Материалы к резкспозиции отдела дореволюционного прошлого Абхазии" (27.XII), написал статью об Н. И. Гумилевском в газету "Черноморская здравница". В 1971 году были опубликованы его монография "Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии" (редактор А. Х. Халиков) и статьи "Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа" (в соавторстве с В. П. Любиным) и "Археологические исследования в Абхазии".

В 1972 г. Л. Н. Соловьев успешно продолжал исследования далекого прошлого Абхазии. В январе он завершил зарисовку коллекций из Холодного грота (13.I) и черновой вариант автореферата диссертационной работы "Первобытное общество Абхазии" (19.I), беседовал с С. М. Адлейбой о породах камня в с. Члоу (20.I), лечился в глазной клинике Ростовского медицинского института (II), затем был командирован в Москву для участия в сессии Института Археологии АН СССР, посвященной итогам исследований 1971 г. (24—29.IV), где выступил с докладом "Гарпуны грота Хупынишпахва" и принял участие в обсуждении ряда докладов, в т. ч. Ю. Н. Воронова "Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э." (24.IV), много беседовал с О. Н. Бадером, Д. А. Крайновым, Ю. Г. Колосовым и другими коллегами. В мае—июле Л. Н. руководил раскопками в Гваддре (начальник отряда И. И. Цвина-

рия) (26.V—26.VI) и Кистрике (начальник отряда В. В. Бжания) (27.V—23.VII), работал в музее Хайванской школы № 2 (V), участвовал с С. З. Лакобой в описании коллекции орудий из Бердженты (10.V). В эти месяцы Л. Н. вновь сильно повлекло к Яштуху, где он вел сборы орудий в пунктах 19 у средневекового храма (23.II и 20.III), изучал разрезы почвенных отложений на южном склоне горы Яштух (24.III), вел геологопочвенные наблюдения в зоне 18 (2.IV), обследовал верховья западной Сухумки (8.V), прошел с С. З. Лакобой по средней части склона Яштуха вдоль дороги на Гумисту между верховьями Сухумки и Гнилушки (17.IX), составил программу исследований Западного Яштуха (17.III), зачитал на отделе доклад "Шельская стоянка Западный Яштух" (IV), изучал патину на "прешельских" орудиях (7.IV), работал над их классификацией (2.VI), вновь и вновь возвращался к проблеме увязки их с террасами (12, 17.IX). Осень и начало зимы были очень трудными — тяжело заболела жена и приходилось неделями исполнять роль сиделки. . .

В течение 1972 г. Л. Н. написал отчет о раскопках Кистрика в 1971 г. для Археологической комиссии Грузии (III) и плановую работу "Многослойная стоянка Кистрик (итоги раскопок 1970—1971 г. г.)", содержащую анализ кремневого, сланцевого и керамического материала, работал над рукописями "Взаимоотношения Майкопской и Очамчирской культур и время происхождения абхазо-адыгского единства" (21.I), "Природа и человек Абхазии верхнечетвертичного времени" (10.III), "Западный Яштух" (16.III), "Клычское оледенение у места впадения р. Джампал-Амтел в Кодор" (18.III), "Геологическая датировка прештукской (прешель) и раннеяштукской (шелль) культур" (28.III), "О площадках на орудиях из Западного Яштуха" (7.IV), "Причины отсутствия бифасов на ранних стоянках Абхазии" (18.V), "К истории земледелия в Абхазии (Кистрик)" (17.VII), "Открытие стоянки Джаншкоч (Западный Яштух) и причины перенесения стоянки на Яштукское плато" (17.IX), "О рельефе Яштуха" (16.XI), "Шель СССР и Яштукская стоянка" (XI) и др. В 1972 г. вышли из печати его статьи о мотыгообразных орудиях сочи-адлерского типа и исследованиях в Абхазии в 1971 г.

На 1973 г. Л. Н. запланировал раскопки Кистрика и площадки перед Холодным Гротом. Однако всему этому уже было не суждено свершиться. 1 февраля умерла Евгения Христофоровна. Затем Л. Н. руководил переброской 80 ящиков скопившихся у него в квартире материалов на склад Абхазского института. Сильно шалило давление (до 250), его сестры, племянница и С. В. Воронова организовали круглосуточное дежурство у его постели. Долго решался вопрос: в санаторий или в больницу. 27 февраля давление сыграло свою роль — Лев Николаевич умер моментально во время утреннего омовения.

Был некролог в областных газетах, был траурный митинг, на котором прощальное слово говорили Г. А. Дзидзария, Л. А. Шервашидзе, В. В. Бжания, А. Х. Аргун, Ю. Н. Воронов, множество прощальных телеграмм зачитал О. Х. Бгажба. Похоронили Л. Н. 1 марта на Михайловском кладбище, расположенном на восточной окраине открытой им в 1933 году и теперь всемирно известной Яштукской палеолитической стоянки.

Однако научная жизнь Л. Н. Соловьева продолжается несмотря ни на что. В 1973 году вышли из печати его статьи о раскопках поселения Кистрик в 1972 г. (совместно с В. В. Бжанием) и о гарпунах из грота Хупынишпахва (Холодный

грот). в 1974 г. была опубликована статья "Новые находки шельских орудий" — о поисках на Западном Яптухе. В 1978 г. увидела свет его статья "Верхнепалеолитическая стоянка грота Кеп-Богаз в Абхазии" в сборнике "Пещеры Грузии", в 1983 г. ожидался выход монографии "Памятники каменного века в Абхазии" и статьи "Шапсутское сказание о потоке". . . . Пятилетнее сопротивление изданию последней монографии со стороны ряда сухумских и тбилисских исследователей преодолеть удалось и она увидела свет в 1987 году. Все рукописное, художественное и документальное наследие Л. Н. Соловьева сгорело вместе с архивом Абхазского института в 1992 году. Остались его публикации, коллекции археологических находок в музеях, ученики, внуки. . . и эта книжка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткое жизнеописание Льва Николаевича Соловьева — археолога, геолога, педагога, музейного работника, художника, Человека — завершено.

Ему посчастливилось быть первооткрывателем и исследователем десятков первостепенных памятников археологии и архитектуры Абхазии, Сочинского района Краснодарского края, Крыма и Курской области. Его вклад в науку измеряется более чем полусотней публикаций общим объемом до 80 печатных листов. Проблемы, ставившиеся или получившие разработку в этих трудах, охватили, по крайней мере применительно к территории Абхазии, практически весь период истории человеческого общества от нижнего палеолита до позднего средневековья. Здесь необходимо особо подчеркнуть непреходящее значение его исследований памятников палеолита и мезолита Абхазии (Яптух, Анухуа, Ачмарда, Холодный грот и др.), неолитических поселений Кистрик и Нижняя Шиловка, великолепного, еще в полной мере неопубликованного комплекса находок из стоянок бронзового века в Большой Воронцовской пещере, дольменов и связанного с ними погребального обряда, комплексов еще до конца не разгаданной Очамчирской культуры, стоянок с текстильной керамикой, позднее обросших могильниками и другими важными историческими объектами (Очамчира, Моква, Мачара, Красный Маяк, Псоу и др.), античного Гисеноса, римско-византийского Себастополиса, средневековых Анакопии, Каласурской (Великой Абхазской) стены и т. д. Его исторические обобщения, основанные на этих памятниках, получили широкое признание*, а некоторые из поднятых им когда-то вопросов и теперь продолжают оставаться в центре дискуссий**.

Неоценим вклад Л. Н. Соловьева в воспитание археологических кадров. Всюду, где ему приходилось работать, он старался окружить себя молодежью, всячески опекал ее, делился с нею своим опытом и знаниями, помогал в выборе направления научных поисков, радовался успехам, терпеливо исправлял ошибки. В последнее десятилетие его жизни, Л. Н. Соловьева часто можно

* Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. — Л., 1949, с. 38; Куфтин Б. А., Материалы по археологии Колхиды. II — Тбилиси, 1950, с. 263, 265, 288, Апакидзе А. М. Полвека грузинской советской археологии. — Тбилиси, 1972, с. 27, 145—146; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. — М., 1975, с. 66—68; Марковин В. И., Дольмены Западного Кавказа. — М., 1978, с. 8, 44—51; Ю. Н. Воронов, Древности Сочи и его окрестностей. — Краснодар, 1979., с. 112—116; О. М. Джапаридзе, Археология Грузии каменного и бронзового веков. — В кн.: Грузинская ССР (Грузинская советская энциклопедия). Тбилиси, 1981, с. 35; Я. А. Федоров, Историческая этнография Северного Кавказа. — М., 1983, с. 54, 79; Riehm K. Die Formsaltzproduktion der vorgeschichtlichen Salzsiedestätten Europas. — Jahresschrift für mitteldeutsche vorgeschichte, Bd. 44, Halle (Saale), 1960, s. 208—210 и др.

** Марковин В. И. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа. — КСИА, № 161, 1980, с. 38—40.

было видеть у раскопов, заложенных молодыми исследователями в Эшере и Гвандре, Цебельде, Тамыше, Мачаре и Замке Баграта, Кистрике и Ачапаре. В той или иной мере воздействие Л. Н. Соловьева испытали на себе все ныне ведущие археологи Абхазии (Г. К. Шамба, В. В. Бжания, М. М. Гунба, О. Х. Бгажба, И. И. Цвинария и др.), часть которых, в том числе и автор этих строк*, справедливо относит себя к числу его учеников.

Много было сделано Львом Николаевичем и в изучении четвертичной геологии Черноморского побережья Кавказа, особенно в отношении истории морских и речных террас, карста, рельефа, торфяников, ископаемой фауны и т. д.

Л. Н. Соловьев был талантливым музейным работником. Созданные им экспозиции в музеях Курска, Херсонеса и Сухума, организованный им музей в Гагре, поддержка, которую он оказывал многочисленным школьным музеям, в свое время сыграли большую культурно-просветительную роль. Львом Николаевичем было много сделано по комплектованию и систематизации музейных фондов — сотни карточек, как и исполненные его рукою шифры на тысячах археологических и этнографических экспонатов, продолжают сохранять свое значение и теперь.

Лев Николаевич был страстным поборником краеведения — активного проявления народного интереса к своей истории. Он любил повторять слова А. М. Горького: "Краеведение — большое дело. . . дает моральное удовлетворение, способствующее быстрому росту чувства нашего человеческого достоинства, внушает нам веру в творческие силы нашего разума". У Л. Н. Соловьева часто можно было видеть краеведов, которые приносили свои находки, консультировались, получали навыки полевых археологических исследований в его экспедициях, давали на рецензии свои работы. В тесном контакте с Л. Н. Соловьевым работали такие видные краеведы Абхазии как В. С. Орелкин, Н. И. Гумилевский, А. С. Вознюк, В. И. Воротников. Велик вклад Льва Николаевича и в организацию школьного краеведения. Созданные им кружки юных историков и природоведов при Абхазском государственном музее, шефство над многими школьными кружками Абхазии и Адлерского района сыграли свою большую роль в воспитании подрастающего поколения в духе любви к природе и истории своего края.

Много было сделано Л. Н. Соловьевым и для охраны и пропаганды памятников археологии, истории и архитектуры. Ряд лет он возглавлял первичную ячейку общества охраны памятников в Абхазском институте. В 1964 году "за большие заслуги в области охраны, изучения и пропаганды исторических памятников Абхазский совет Грузинского общества охраны памятников культуры избрал старейшего краеведа и ученого Абхазии Л. Н. Соловьева. . . своим почетным членом"***.

Природа наградила Л. Н. Соловьева блестящим дарованием художника. Не имея возможности развивать свой талант профессионально, он всякий свободный от поиска, обсуждения и писания момент стремился отдать живописи. Он был иллюстратором всех своих публикаций и многих публикаций коллег, всюду носил с собой альбомчики, в которых карандашом, тушью или аква-

релью коллекционировал пейзажи, предметы, лица. Вспоминаются большой портрет в масле молодого А. А. Колаковского, десятки графических иллюстраций к абхазским сказкам, серия карандашных ликов жителей послевоенного Псху, акварели башен Келасурской стены (к одной из них прислонился молодой Симон Адлейба). . . Во время разговора Л. Н. мог внезапно схватить карандаш или кисть и тут же быстрыми движениями набрасывал портрет собеседника. Много раз он делал акварельные наброски и с моего лица.

Л. Н. любил рассказывать различные истории из жизни своей и коллег. Ниже приводятся два таких рассказа. "Было это, — с удовольствием начинал Л. Н. — кажется во второй половине 1920-го года. Заведовал тогда я армейским клубом, писал лозунги, рисовал буржуев, красноармейцев и анархистов. Последние в тот момент дружили и действовали вместе. Но вот общие враги отступили и настало время власть поделить. Ни та, ни другая сторона уступать не хотели и только искали повод для развода. Как-то командир говорит мне, что на завтра назначено важное культурное мероприятие — портрет батьки Махно будет писать красный художник. И этим художником буду я. Делать нечего, собрал краски, кисти и разбавитель, прихватил пару рам с заранее натянутым и загрунтованным холстом и наутро верхом двинулся в путь. Слегка бугристая местность, травы до горизонта, извилистая пыльная дорога. Догоняю бричку, в которой сидят несколько евреев-музыкантов из полкового оркестра. Настроение у них препаршивое. "Что случилось?" — спрашиваю. Они говорят, что сегодня им во время портретного сеанса поручено играть для батьки Махно. И слух до музыкантов дошел, что дом, где состоится встреча, окружен красными, которые предполагают, что антисемит батька, увидев музыкантов, непременно осерчает и начнет пальбу. Тогда в дело вмешаются наши и Махно будет взят живым или мертвым. Между тем деревня — цель нашего путешествия — уже замаячила хатками да тополями впереди. Я тоже, признаюсь, приуныл. Вдруг в той стороне раздалась частая ружейная и пулеметная стрельба. Потом мы узнали, что Махно на этот же день наметил арест красных командиров, а когда его хлопцы окружали и заполняли деревню, они наскочили на засаду красных, не удержались и ударили из всех стволов, не дожидаясь договоренной встречи. Грешен, но радость спасения, пережитая и мной, и музыкантами, была велика".

Второе повествование обычно шло на пониженных тонах. "Древности Абхазии, — рассказывал Л. Н., — часто становились поводом для преследования служителей археологической науки. Взять хотя бы конец 20-х годов., когда из Тифлиса был инспирирован погром Абхазского научного общества. Первооткрывателя дольменной культуры в Абхазии, поэта и педагога Стражева обвинили в бытовом разложении и заставили бежать в Москву. Против председателя Абхазского научного общества ихтиолога Барача и его заместителя Иващенко возбудили уголовное дело, обвинив их в хищении бурки и печатного станка. При этом станок был спрятан в квартире одного из свидетелей обвинения, а на утверждения подсудимых о нелепости предъявленных им "улик" никто внимания не обратил. Барача и Иващенко вывезли в Тифлис, бросили в Метехскую тюрьму, а затем в камеру вошли "благодетели", которые предложили узникам жилье и хорошо оплачиваемую работу в научных учреждениях Тифлиса. Погром АбНО не случайно совпал с понижением политического уровня Абхазии

* См. посвящение в работе Ю. Н. Воронова "Археологическая карта Абхазии" (Сухум, 1969, с. 3).

** Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. — М., 1968, с. 33—34.

от ССР до автономии в границах Грузии. . .

Другая страница "археологических репрессий" в Абхазии пришлась на 1949 год. Поводом послужил первый том трудов Абхазского гос. музея, который продемонстрировал достаточно высокий уровень абхазской историко-археологической науки. Сборник запретили, Мелихова обвинили в принижении роли Лаврентия Берия, меня — в пропаганде памятников мусульманской культуры (я сделал выставку абхазских надгробий XVIII—XIX веков). В конце концов нам дали трое суток на сборы и выезд с территории Абхазии (в случае неповиновения грозил арест), а надгробия уничтожили. Параллельно исследования в Колхиде были запрещены замечательному ленинградскому кавказоведу Иессену и другим "зарубежным" исследователям. Вслед за этим из Абхазии были высланы 30 тысяч греков, в дома которых загнали переселенцев из Грузии. . .

Выдающуюся роль в изучении археологических памятников Абхазии сыграл академик Куфтин. Я с ним, в отличие от многих, ладил хорошо, сотрудничал в ряде экспедиций. После публикации "Материалов по археологии Колхиды" за отказ грубо порвать с учением Марра в свете "трудов товарища Сталина", Куфтин был обвинен в "космополитизме и преклонении перед иностранщиной". Гневные статьи против него появились в Тбилиси и Москве (Апакидзе, Кацнельсон и др.). Я был свидетелем того, как на археологической конференции в Москве грузинские ученые косяком пошли против Куфтина, в чем их поддерживали Крупнов и некоторые другие москвичи. В ответ на каждое обвинение исследователь забавно взвизгивал. Выступить ему не дали, и Куфтин добился личной встречи с Берией, которому напомнил, что, являясь основателем престижной научной концепции происхождения грузин, уже отбыл 5 лет в сибирской ссылке, куда готов вернуться, если его знания и опыт больше не нужны. Берия цыкнул, и враги замолкли. Однако подспудная травля в Тбилиси продолжалась, и ученый обратил свой взор на Среднюю Азию. Вернувшись из поездки в Туркмению, Куфтин заявил о возможном своем переезде туда. В академии наук Грузии, где и раньше исследователя неоднократно оскорбляли (ему, например, наносили удары по лицу академик Церетели и археолог Гобеджишвили), произошла разборка, в ходе которой Куфтину переезд был запрещен. В ответном слове ученый заявил, что ему достаточно написать небольшой реферат по своим публикациям с исправлением содержащихся в них ошибочных представлений о происхождении картвелов, чтобы у потомков последних отпала охота его удерживать и, наоборот, возникло желание его прогнать. Исходя из содержания моих бесед с Куфтиным в 1946—1948 годах, я полагаю, что речь шла о том, что исследователь к тому времени опасно укрепился во мнении, что начиная с эпохи дольменной культуры и до середины I тысячелетия до н. э. вся Колхида была заселена абхазо-адыгами, позже оттесненными в места нынешнего своего обитания. Весной 1954 года Куфтин с женой-музыковедом уехал на отдых в Прибалтику. Как-то, выйдя из санатория, он направился к пляжу по песчаной дорожке мимо чугунной ограды. Жена услышала шум, выглянула и увидела, как несколько подтянутых мужчин в строгих костюмах несут Куфтина назад. В области живота торчал обломок чугунной пики, кровь стекала на землю, сознание почти покинуло умирающего, когда его вносили в комнату. Жену к нему не пустили и она с криком "Убили! Убили!" бросилась в соседнюю комнату, где через некоторое время ее нашли висящей на оконной раму-

ге. По официальной версии, Куфтин почему-то вдруг решил перелезть через трехметровый чугунный забор, случайно насадил себя на одну из заборных пик, которую переломил тяжестью тела, а жена покончила самоубийством. Вскоре мне рассказали, что в тот же самый день, когда погиб Куфтин, кто-то взломал дверь в его рабочий кабинет в Тбилиси и похитил третий том "Материалов по археологии Колхиды" с описанием результатов исследований в Абхазии, второй том "Раскопок в Триалети", много вещей из раскопок, в том числе и из Абхазии. Я с тех пор внимательно слежу за публикациями грузинских ученых в надежде увидеть эти материалы, которые хорошо, как соучастник исследований Куфтина, помню.

Еще один удар по археологам, исследовавшим Абхазию, нанесло преследование замечательного гудаутского краеведа Лукина. В конце 50-х годов из Тбилиси последовало распоряжение не принимать у Лукина заказы на пересылку в Абхазию необходимых ему книг через межбиблиотечный абонемент и не публиковать его статьи. Обстановка травли ускорила смерть ученого. Подоспевшие из Сухума Трапш и Пачулиа увидели уже мертвого Лукина распростертым на полу. Его угасший взор был обращен на догоравшие в печи рукописи его трудов и описи коллекций. . ."

Лауреат международной Ленинской премии "За укрепление мира между народами" и Нобелевской премии Ф. Жолио-Кюри писал, что ныне "ученые приобретают также неизменно усиливающееся сознание интернационального характера Науки, назначением которой является открытие Истины и служение Человечности"* . В полной степени слова этого крупнейшего французского ученого можно применить и по отношению к деятельности Льва Николаевича Соловьева, благодарная память о котором сохранится также долго, как и известность открытой им Яштукской стоянки, на территории которой он нашел свое последнее успокоение.

* Цит. по кн.: Шаскольская М. П. Жолио-Кюри. — М., 1966, с. 162 (серия ЖЗЛ).

СПИСОК

печатных работ Л. Н. Соловьева

1. Пограничные укрепления Херсонесской области. — В кн.: Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи, № 5. — Керчь, 1926, с. 3.
2. Стоянки и городища окрестностей г. Курска. — ИГГОК, № 4, 1929, с. 12—33.
3. Археологическая экскурсия в Шуклиновское городище близ г. Курска. — ИГГОК, № 4, 1929, с. 34—36.
4. Археологические раскопки близ Очамчир. — САБ, 12 июня 1963 г., с. 3.
5. Цебельда. — САБ, 12 июня 1936 г., с. 4.
6. Экскурсия на СухумГЭС. — САБ, 11 июня 1963 г., с. 4.
7. Археологические раскопки близ г. Очамчира в Абхазии. — СА, 1937, № 4, с. 323—324.
8. Табл. XXXVI, XL, рис. 29, 31, 39 в кн.: А. А. Колаковский, Флора Абхазии, т. 1. Сухум, 1938, с. 132, 268, 272, 276, 322.
9. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. — СМИА, вып. 1 (ТАИ, вып. 15), 1939, с. 3—65.
10. К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита. — БКИЧП, № 6—7, 1940, с. 101—105.
11. Палеолитические стоянки долины р. Кодора в связи с историей Кодорской долины. — В кн.: Выездная сессия Груз. филиала АН СССР в г. Сухум 26—29 сентября 1940 г. Тбилиси, 1940, с. 32—36.
12. Полезные ископаемые Абхазии. — В кн.: Верхняя Сванетия и прилегающая часть Абхазии. М., 1940, с. 1—32.
13. 156 рисунков, заставок, концовок и форзацы в кн.: Абхазские сказки, т. 1, Сухум, 1940 (Труды АбНИИЯИ им. Н. Я. Марра, т. XVIII), с. 23, 25, 35, 39, 41, 44, 45, 49, 53, 56, 58, 59, 61—63, 66, 68, 69, 71, 72, 81, 82, 89, 93, 94, 106, 107, 111, 115, 121, 122, 127, 131, 133, 134, 139, 142, 143, 153, 156, 157, 165, 166, 169, 176, 177, 183, 185, 186, 192, 193, 200, 201, 206, 207, 213, 215, 216, 219, 220, 225, 231, 232, 238, 239, 247, 250, 254, 255, 263, 271, 272, 275, 276, 281, 282, 292, 293, 295, 298, 299, 303, 304, 308, 309, 311, 314, 315, 319—321, 327, 328, 339, 344—347, 349, 350, 353, 354, 368, 369, 372, 373, 377, 388—393, 396, 397, 399—401, 403—406, 409, 410, 415, 419, 421, 423, 424, 429, 434, 435, 437, 444, 446—448, 451—543, 455, 456, 459, 460, 462, 463, 466—469, 471 (4,5 п. л.).
14. Исторический отдел. — В кн.: Путеводитель по выставке "XX лет Советской Абхазии". Сухум, 1941, с. 11—17.
15. Шромская сталактитовая пещера, САБ, 23 июня 1946 г., с. 4.
16. Диоскурия—Севастополис—Цхум. — ТАГМ, вып. 1, 1947, с. 99—145.
17. Следы древнего соляного промысла близ гг. Сухум и Очамчира. ТАГМ, вып. 1, 1947, с. 23—55.
18. Новые данные о бронзовом веке в Абхазии. — САБ, 5 января 1947 г., с. 4.
19. Памятники каменного века около с. Анухва Абхазская (тезисы доклада на Закавказском пленуме ИИМК и ГосЭрмитажа в 1948 г.). КСИИМК, вып. XXIV, 1949, с. 13.
20. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. — СА, т. XIV, 1950, с. 265—286.
21. Рисунки плиты и серьги в статье: И. Недоля, Прочитанные страницы. Находка археологов на территории совхоза "Южные культуры", газ. "Красное Знамя", 14 июля 1953 г., с. 3.
22. О возрасте карста Западного Кавказа. — В кн.: Тезисы докладов на совещании по изучению карста 30 янв.—3 февр. 1956 г., вып. 10. Региональная секция, подсекция Крыма, Кавказа и Средней Азии, М., 1956, с. 16—20.
23. О возрасте карста Северо-Западного Кавказа. — В кн.: Региональное карстование. . ., с. 129—135.
24. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа. — В кн.: Вопросы карста на юге Европ. части СССР. Киев, 1956, с. 43—75.
25. Первобытные стоянки Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Автореф. канд. дисс. — Симферополь, 1956, 30 с.
26. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху энеолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры, — ТАИ, т. XXIX, 1958, с. 135—184.
27. Новые находки археологов. — САБ, 3 октября 1958 г., с. 4 (совместно с М. М. Трапшем).
28. Сухумская крепость. — В кн.: И. Е. Адзинба, Архитектурные памятники Абхазии. Сухум, 1958, с. 56—65.
29. Следы нижнего палеолита на Карангатской террасе между пос. Адлер и с. Гантиади. — ТАИ, т. XXX, 1959 г., с. 183—192.
30. У географов Абхазии. — САБ, 9 октября 1959 г., с. 4.
31. Исследование древнего Севастополиса. — СА, 3, 1960, с. 171—180 (совместно с Л. А. Шервашидзе).

32. Надписи и изображения грота Агца у с. Анухва Абхазская. — МИА, № 79, 1960, с. 164—175.
33. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. — ТАИ, т. XXXI, 1960, с. 69—100.
34. Предварительное сообщение о расчистке комплекса сооружений на набережной у Сухумской крепости в конце 1958 и первой половине 1959 гг. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии Ин-та истории АН ГССР, посвящ. итогам полев. археолог. исследов. 1959 г., Тбилиси, 1960, с. 45 (совместно с Л. А. Шервашидзе).
35. Семь рисунков в кн.: Очерки Абхазской АССР, ч. 1. — Сухум, 1960, с. 6, 9, 13, 14, 88, 89, 280.
36. Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти. — ТАИ, т. XXXII, 1961, с. 115—128 (совместно с М. М. Трапшом).
37. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. — ТАИ, т. XXXII, 1961, с. 190—195.
38. Находка костей человека в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии. — ВА, 1961, № 6, с. 126—128 (совместно с В. С. Орелкиным).
39. Диссертация о памятниках культуры Абхазии. — САБ, 20 августа 1963 г., с. 4.
40. Книга о солнечном крае. — САБ, 10 сентября 1963 г., с. 3 (совместно с Б. Л. Соловьевым).
41. Древний могильник. — САБ, 19 октября 1963 г., с. 4.
42. Вдоль Великой Абхазской стены. — САБ, 16 августа 1964 г., с. 4 (совместно с Л. А. Шервашидзе).
43. Рис. I—III, V—VIII в кн.: З. В. Анчабадзе, История и культура древней Абхазии. — М., 1964, с. 9, 27, 37, 56—58, 87.
44. Древнее поселение Кистрик в Абхазии. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР (Тезисы докладов). Баку, 1965, с. 48—50.
45. Конференция краеведов. — САБ, 5 февраля 1965 г., с. 4.
46. Многослойное поселение Кистрик близ г. Гудаута. — В кн.: Тезисы докладов XVI научной сессии Абхазского института (об итогах научно-исследов. работ 1964 г.). Сухум, 1965, с. 27—28.
47. Первая обобщающая работа по истории древней Абхазии. — САБ, 18 июня 1965 г., с. 4 (совместно с Ш. Д. Инал-ипой и М. М. Трапшом).
48. Древнейшая история Черноморского побережья Кавказа по археологическим данным. — В кн.: Туапсе и Туапсинский район. Краснодар, 1967, с. 155—158.
49. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шилловское и Кистрик. — МАА, 1967, с. 3—38.
50. М. М. Трапш (некролог). — СА, 1968, № 4, с. 304—305 (совместно с В. П. Пачулия).
51. Новый труд о памятниках культуры. — САБ, 4 декабря 1968 г., с. 4.
52. Основные результаты археологического исследования в Абхазии за годы Советской власти. — В кн.: Под знаменем Октября. Сухум, 1968, с. 159—178 (совместно с М. М. Трапшом).
53. Датировка изображений грота Агца. — В кн.: Тезисы докладов XVII научной сессии Абхазского института (итоги научно-исследоват. работ 1968 г.). Сухум, 1969, с. 21—22.
54. Член редакционной коллегии: М. М. Трапш. Труды в 4-х томах, т. II, Сухум, 1969.
55. М. М. Трапш (1917—1968). В кн.: М. М. Трапш, Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды в 4-х томах, т. I. Сухум, 1970, с. 11—23 (совместно с А. Х. Халиковым).
56. Член редакционной коллегии: М. М. Трапш, Труды в 4-х томах, т. I, Сухум, 1970.
57. Археологические исследования в Абхазии. — АО 1970 года, 1971, с. 369—370 (совместно с О. Х. Бгажбой, В. В. Бжанием, М. М. Гунбой, Г. К. Шамбой и Л. А. Шервашидзе).
58. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (раскопки 1950, 1951, 1964 гг.). — МИА, № 173, 1971, с. 7—40 (совместно с В. П. Любиным).
59. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухум, 1971, 105 с.
60. Член редакционной коллегии: М. М. Трапш, Труды в 4-х томах, т. III. — Тбилиси, 1971.
61. Гарпуны грота Хупынипшахва в Абхазии. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полев. археолог. исследований 1971 года (Археологические секции). М., 1972, с. 212—213.
62. Археологические исследования в Абхазии. — В кн.: АО 1971 г., 1972, с. 462—464 (совместно с О. Х. Бгажбой, В. В. Бжанием, М. М. Гунбой, В. К. Квицинией, И. И. Цвинарией, Г. К. Шамбой и Л. А. Шервашидзе).
63. Мотыгообразные орудия сочи-адлерского типа. — ИАИ, вып. 1, 1972, с. 81—97.
64. Гарпуны грота Хупынипшахва (Холодный грот). — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 25—32.
65. Раскопки поселения Кистрик. — АО 1972 г., М., 1973, с. 455 (совместно с В. В. Бжанием).

66. Ответственный редактор: МАИА, 1974.
67. Новые находки шельфских орудий. — МАИА, 1974, с. 11—17.
68. Член редакционной коллегии: М. М. Трапш, Труды в 4-х томах, т. IV, Сухум, 1975.
69. Табл. XI—XIII в кн.: О. Х. Бгажба, Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII—XIV вв.), Сухум, 1977, с. 65—67.
70. Верхнепалеолитическая стоянка Кеп-Богаз в Абхазии. — Пещеры Грузии, вып. 7, Тбилиси, 1978, с. 103—115.
71. Зарисовки орудий со стоянки Берджента в статье: С. З. Лакоба, Палеолитические стоянки Алгыт и Берджента. — МАА, 1979, рис. 5; 6.
72. Памятники каменного века Абхазии. — Тбилиси, 1987, 138 с., 63 рис.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия, М.
 БКИЧПБ — Бюллетень комиссии по истории четвертичного периода, М.
 ВА — Вопросы антропологии, М.
 ИАИ — Известия Абхазского института, Тбилиси
 ИКГОК — Известия Курского губернского общества краеведения, Курск
 КЗ — Газета "Красное знамя", Сочи—Адлер
 КП — Газета "Курская правда", Курск
 КСИИМК — Краткие сообщения института археологии АН СССР, М.
 МАА — Материалы по археологии и искусству Абхазии, Тбилиси
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.
 САБ — Газета "Советская Абхазия", Сухум
 СА — Советская Археология, М.
 СМИА — Сборник материалов по истории Абхазии, Сухум
 ТАГМ — Труды Абхазского государственного музея, Сухум
 ТАИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории
 им. Д. И. Гулиа, Сухум

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
1. На пути в Абхазию (1894—1933 гг.)	11
2. Абхазия — пятнадцать лет поиска (1934—1949 гг.)	15
3. Между Адлером и Симферополем (1949—1958 гг.)	33
4. Абхазия до конца (1958—1973 гг.)	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
Список научных трудов Л. Н. Соловьева	72
Список сокращений	76

Автор благодарен Абхазскому обществу, а также Рауфу Айба
и Боче Аджинджалу, по инициативе которых данная книга
увидела свет.

Подписано в печать 21.11.94

Формат 60×90/16

Печать офсетная. Печ. л. 5

Тираж 1000 экз. Заказ № 8005

Типография АО «ЛОМО», Чугунная ул., 20.

